

К.Хеерман

Что представляет собой
и кому служит Федеральное
бюро расследований, эта
крупнейшая организация
политического сыска
США, и ее агенты —
джи-мены

ДЖИ- МЕНЫ ИЗ ФБР:

их
темные
дела

*14 апреля 1865
года в ложе
театра был
смертельно
ранен президент
Соединенных
Штатов Америки
Авраам Линкольн*

*Итальянские
иммигранты
рабочие Сакко и
Ванцетти погибли
на электрическом
стуле.
«Доказательства»
вины были
сфабрикованы
ФБР*

*Шеф ФБР
Дж. Эдгар Гувер
в 1924 году.
«Я призван
оградить Америку
от красных и
черных!»*

К.Хеерман **ДЖИ-
мены
из
ФБР:
их
темные
дела**

@W3llulech
in87

Москва
Издательство
политической
литературы
1979

Сокращенный перевод с немецкого
Г. Рудого

Автор послесловия
кандидат экономических наук
Ф. М. Сергеев

Handwritten red stamp: "Moshukova" and "F.M. Sergeev"

Хеерман К.

X35 Джи-мены из ФБР: их темные дела. Пер. с нем.— М.: Политиздат, 1979.— 295 с., ил.

Федеральное бюро расследований было создано, согласно официальной формуле, для расследования нарушений законодательства и обеспечения безопасности США. Однако на деле его усилия направлены прежде всего на тотальную слежку за инакомыслящими, преследование прогрессивных организаций, запугивание, провокации, террор. ФБР замешано в самых темных политических махинациях и преступлениях.

Автор, публицист из ГДР, на многочисленных примерах и фактах знакомит читателя с тем, что представляет собой и кому служит эта крупнейшая организация политического сыска и ее агенты — джи-мены.

Книга рассчитана на массового читателя.

X $\frac{11105-212}{079(02)-79}$ БЗ—13—51—79 0803000000

66.3(7США)
32И

© Verlag Das Neue Berlin.
Berlin, 1976

Перевод с немецкого

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

«Не стреляйте, джи-мены!»

Над Оклахома-Сити спускалась ночь. Двое мужчин бесшумно перелезли через железную изгородь. Всего несколько сот метров отделяли их от роскошного особняка в стиле бунгало с ярко освещенной открытой верандой. Чарльз Ф. Уршел, набитый деньгами нефтяной миллионер, и его жена Беренайс принимали гостей — супружескую пару Джаретт. Сейчас они вчетвером сидели на веранде, наслаждаясь теплой июльской ночью и коротая время за бриджем.

Двое неизвестных присели в саду на скамью и стали наблюдать за бунгало. Поскольку гости все еще не собирались уходить, они решили действовать. Прячась за немногочисленными кустами на тщательно ухоженном на английский манер лугу, гангстеры потихоньку подкрались к дому, проверили, хорошо ли сидят маски на лицах, и бросились по низкой лестнице на веранду.

— Ни с места! — скомандовал один из гангстеров. — Нам нужен старый Уршел, хотим с ним немного прогуляться. Итак, кто из вас Уршел? А ну поживее, не то быстренько сделаем из вас сито! — И он для убедительности повел автоматом.

От страха никто не произнес ни слова, не сделал ни единого движения.

— О'кэй, тогда мы заберем обоих мужчин, а по дороге выясним, кто из них откликается на кличку Уршел. Присутствующим леди очень советуем не звонить по телефону. Ведь мы можем вернуться, а дырка в виске куда неприятнее мигрени. Ну, вперед!

Уршелу и Джаретту поневоле пришлось подчиниться, хотя гангстеры так еще и не узнали, кто из них

хозяин дома. Обоим надели наручники и заткнули рты кляпом, а потом с завязанными глазами посадили в шестиместный «крайслер». Взревел мотор, и машина скрылась в ночной тьме.

Однако Беренайс Уршел унаследовала от своего отца не только кругленькую сумму в 20 миллионов долларов, но и порядочный запас энергии. Убедившись в том, что гангстеры скрылись, она бросилась к телефону, набрала номер городской полиции Оклахома-Сити и коротко, но ясно обрисовала происшедшее.

Механизм розыска сразу же пришел в движение. Уже через несколько секунд в вашингтонском центре ФБР вспыхнула сигнальная лампа с индексом «National 8—7117». Это означало: из Оклахома-Сити поступил сигнал о «киднеппинге» — похищении людей. Не прошло и часа с момента преступления, как в дом Уршела прибыла специальная группа агентов ФБР.

На следующий день в полдень (23 июля 1933 года) агент ФБР, засевший за стеклянной дверью веранды, заметил у въезда в сад человека со всклокоченными волосами и в запачканном костюме; то был Уолтер Джарретт. Узнать от него удалось лишь немного. Машина выехала из города на юг. Гангстеры несколько раз меняли направление, пересекли округ вдоль и поперек, потом отняли у него все наличные деньги — 60 долларов — и вытолкнули из автомобиля, предупредив: если ему жизнь дорога, не болтать о случившемся. Что они сделали с Уршелом, он не знает.

Показания Джарретта никаких конкретных сведений о похитителях не дали; значит, приходилось ждать.

26 июля, спустя три дня после похищения, гангстеры наконец дали о себе знать. В дверь дома нефтяного миллионера Джона Г. Кэтлетта, тесно дружившего с Уршелом, позвонил посыльный и передал конверт с почтовым штемпелем «Талса (Оклахома)». Кэтлетт распечатал конверт, в котором лежали письма, и увидел знакомый почерк своего друга.

«Дорогой Джон, — прочел он, — ты, без сомнения, знаешь, в каком положении я нахожусь. Если мой шурин уже вернулся, передай ему, пожалуйста, прилагаемое письмо, а если нет — вручи нашему другу Киркпатрику. Но сделай это сам, а телефоном не пользуйся. Об этом письме никому не рассказывай, даже твоей жене, а когда будешь передавать, то не делай это

у себя дома. Власти ничего не должны знать, иначе мое освобождение сорвется: сами они все равно добиться его не смогут. Ради моего благополучия следуй в точности этим указаниям и не вступай ни с кем ни в какие обсуждения, за исключением тех, кто указан в письме. Это — мое последнее письмо кому-либо из моих друзей и моей семье; если установить контакт не удастся, боюсь за свою жизнь. Возлагаю на тебя свои надежды и уверен, что ты примешь все меры предосторожности.

Как всегда, с горячим приветом
твой друг Чарльз Ф. Уршел.

Прошу тебя, передай второе письмо моей жене Беренайс».

Кэтлетт немедленно передал письмо Киркпатрику. Это был листок с напечатанными на пишущей машинке требованиями похитителей: немедленно заплатить выкуп в сумме 200 тысяч долларов, причем бывшими в употреблении 20-долларовыми банкнотами, само собой разумеется не фальшивыми, а также не с продолжающимися номерами серий. Если цена приемлема, а дальнейшие контакты желательны, следует незамедлительно дать в газете «Дейли Оклахома» следующее объявление:

«Продается земельный участок площадью 160 акров, с прекрасным пятикомнатным домом, глубоким колодезем. Кроме того, коровы, инвентарь, трактор, пшеница и солома. В случае быстрой сделки цена 3750 долларов. Предложения адресовать: почтовый ящик Н-807».

Это невинное на вид объявление было опубликовано. Тем временем Киркпатрик и миссис Уршел готовили 200 тысяч долларов. Агенты ФБР, которых миссис Уршел поставила в известность о полученном письме, никакой иной возможности, кроме как выполнить требования похитителей, не видели. Однако трое агентов, как и прежде, прятались в бунгало, всячески стараясь не обнаружить себя. Главным их занятием было переписывание 10 тысяч номеров 20-долларовых банкнотов.

29 июля похитители снова напомнили о себе. Из Джоплина (штат Миссури) Киркпатрику пришло письмо с требованием положить деньги в светлую кожаную

сумку и в тот же день в 22 часа выехать в Оклахома-Сити ночным экспрессом. Во время поездки он должен находиться на внешней площадке пульмановского вагона. Справа от железнодорожной насыпи он увидит два огня. Первый означает «внимание!», а на уровне второго он должен выбросить сумку из поезда. Если по каким-либо причинам это не удастся, пусть едет до Канзас-Сити и там остановится в отеле «Мюлебах», где получит дальнейшие указания. Если же он пренебрежет этими условиями, а тем более известит полицию, то на следующий день сможет полюбоваться трупом своего друга Уршела.

Незадолго до 22 часов Киркпатрик и Кэтлетт сели в ночной экспресс, отправлявшийся в Канзас. Каждый из них вез по туго набитой светлой кожаной сумке. В одной, чуть потемнее, лежали 200 тысяч долларов, а в другой — старые газеты. На случай, если бы об их поездке пронюхала какая-нибудь другая банда, ей вручили бы сумку с макулатурой.

Однако все шло без всяких происшествий. Поезд мчался сквозь ночь, пересекая прерию, миновав при этом более чем 50 станций. Свыше семи часов простоял Киркпатрик на площадке, но условного сигнала так и не увидел. Уже взошло солнце, когда ранним утром 30 июля экспресс прибыл в Канзас-Сити. Как и предписывалось, Киркпатрик и Кэтлетт остановились в отеле «Мюлебах». Примерно через четыре часа в Канзас-Сити была получена телеграмма:

«Неожиданное событие помешало мне посетить вас прошлой ночью. Ждите дальнейших известий в 18 часов. Э. У. Мур».

Киркпатриком овладел страх. Не намереваются ли здесь, в этом окраинном отеле, забрать у него драгоценную сумку, так и не отпустив на свободу его друга? Или, возможно, теперь опасность угрожает и его собственной жизни? Не является ли присутствие Кэтлетта ошибкой? Сотни подобных вопросов роились в его голове.

Ровно в 18 часов зазвонил телефон.

— Кто у аппарата? — спросил грубый голос.

— Киркпатрик.

— Говорит Мур. Телеграмму получили?

— Разумеется.

— С условием согласны?

— Конечно. Но, совершая эту сделку, мне бы хотелось быть уверенным, что я имею дело с действительным партнером.

— «Сделка» — это верно. Мы люди подходящие. Слушайте внимательно: берите такси и поезжайте к отелю «Ла заль». Там возьмите сумку в правую руку и не спеша шагайте по авеню в западном направлении. А ваш друг, о котором мы тоже знаем, пусть останется в отеле. После этого телефонного разговора ни с кем не говорите. Наши люди следят за вами. Приходите совершенно один и без оружия, только с денежной сумкой. О'кэй?

— Приду,— заверил Киркпатрик.

Но прежде чем покинуть гостиничный номер, он все же сунул в карман револьвер, а затем начал действовать как приказано. Все еще дрожа от страха, он медленно пошел по оживленной авеню. Метров через двести ему встретился крупный мужчина. Незнакомец был элегантно одет — светлый модный костюм и панама того же цвета — и производил впечатление даже приятное.

— Мистер Киркпатрик?

— Да, это я.

— Позвольте вашу сумку.

— А откуда я знаю, что вы — тот самый человек?

— Черт побери, вы же это прекрасно знаете! Не привлекайте внимания. Или, может, хотите, чтобы сделка лопнула?

Киркпатрик вручил незнакомцу сумку с деньгами и вернулся в отель. Оттуда он позвонил миссис Уршел, а потом вместе с Кэтлеттом выехал обратно в Оклахому. В восемь часов утра 31 июля они вошли в бунгало Уршела.

С момента передачи выкупа к тому времени уже прошло около четырнадцати часов. Похитители своего обещания не сдержали. Стрелки часов описывали один круг за другим; наступил полдень, потом вечер. Всеми овладело глубокое разочарование. Или они попались на удочку гангстеров, не имевших никакого отношения к похищению, или Чарльз Уршел, несмотря на выкуп, убит. Надежды упали до нуля. И вдруг, через несколько минут после того, как часы пробили восемь вечера, дверь отворилась, и нефтяной магнат вошел в свой дом, совершенно измученный, но живой.

Из рассказа миллионера агенты ФБР узнали следующее.

Когда Джаретт был выброшен из автомашины, оба гангстера пригрозили Уршелу, чтобы он вел себя спокойно, иначе ему сделают усыпляющий укол. Ехали большей частью по немощеным, ухабистым дорогам. К утру прибыли на какую-то ферму. В большом сарае сменили машину. Уршел считал, что пересели в «кадиллак» или «бьюик». Один из похитителей сидел с ним на заднем сиденье. Далее двигались без остановки, но из-за сильного ливня пришлось некоторое время ехать медленнее. Из машины Уршела вывели только вечером. В доме ему дали сандвич и чашку кофе. О сне ночью нечего было и думать. На следующий день Уршела снова посадили в машину. Минут через двадцать прибыли в новое место — предположительно на какое-то ранчо, поскольку он все время слышал там хрюканье свиней, кудахтанье кур, мычание коров; лаяла и выла собака. Уршел старался запомнить как можно больше деталей. Например, он заметил, как доставали воду из колодца, находившегося недалеко от дома. Вода из оцинкованного ведра, которой его поили, сильно отдавала минеральными примесями. Глядеть ему не разрешали и повязку с глаз снимали только два раза: первый — вскоре после приезда на ранчо (чтобы он мог написать письмо своему другу), а второй — незадолго до освобождения. Ему дали зеркало, бритву и тазик с водой, велели побриться. У зеркала был отбит верхний левый угол. Когда снимали повязку, он видел охранявших его людей всегда только в масках.

Наиболее важным во всем том, что заметил Уршел, был факт, что ежедневно — утром и днем — над самым ранчо пролетал самолет. Несмотря на то, что руки у него были в наручниках, Уршел ухитрился ослабить повязку на глазах настолько, чтобы взглянуть на свои часы. Оба самолета пролетали над этим местом регулярно в 9 часов 45 минут и в 17 часов 45 минут; только 30 июля из-за грозы первый самолет не появился.

Утром молодой парень увез его с ранчо. После часа езды в машину сел второй мужчина, постарше. Незадолго до того они проехали по длинному мосту с дощатым настилом, затем остановились у бензозаправочной станции, где гангстер спросил женщину, обслу-

живающую бензоколонку, пошел ли вчерашний дождь на пользу урожаю. «Совсем малость,— был ответ,— в этом году на полях все выгорело. Вот с просом дело обстоит получше». Остаток пути мужчины беседовали между собой, и Уршел заметил: они старались создать впечатление, будто оба — уроженцы местности севернее Оклахомы и Техаса. После многочисленных предупреждений и угроз гангстеры позволили миллионеру покинуть машину на северной границе штата Оклахома.

Итак, для обнаружения гангстерского ранчо имелось много фактов, но, чтобы прояснить их, прежде всего надо было дать ответы на следующие вопросы: в какой местности 23 июля во второй половине дня и утром 30 июля шел дождь, а в промежутках его не было? Над каким географическим пунктом ежедневно в 9 часов 45 минут и в 17 часов 45 минут пролетает самолет? На какой трассе 30 июля был отменен утренний полет или же изменен маршрут? В каком районе, который был поражен засухой и где выращивалось просо, имелся длинный мост с дощатым покрытием и бензозаправочной станцией поблизости?

Специальные агенты проконтролировали все авиакомпании, трассы самолетов которых затрагивали район Оклахомы, в радиусе примерно 500 миль, ибо Уршел считал проделанный путь, включая разные объезды, равным примерно 300 милям. Выяснилось, что в указанное время здесь пролетали пассажирские самолеты авиакомпании «Америкэн эйрвейс», направляющиеся из Амарилло в Форт-Уэрт в Техасе. 30 июля утром один из них из-за сильной грозы в районе Передайса вынужден был сменить курс. Карты метеорологической службы Далласа подтвердили это. Упомянутый самолет обычно пересекал реку Канейдиан около Лексингтона; вблизи имелась бензозаправочная станция, а вокруг простирались поля, засеянные просом.

Теперь у ФБР не оставалось сомнений: разыскиваемое ранчо должно находиться непосредственно в окрестностях Передайса.

С целью определить привкус была взята проба воды из колодца одного дома северо-западнее Передайса. Чтобы не проверять каждое ранчо в отдельности, сотрудники ФБР стали прощупывать, не проживают

ли на каком-нибудь из этих ранчо ранее судившиеся лица и нет ли каких-либо других криминальных «зацепок». Так они натолкнулись на ранчо Р. К. Шэннона. Его приемная дочь Кэтрин была замужем за неким Джорджем Келли по прозвищу Келли-пулемет. Говорили, что этот неоднократно судившийся уголовник мог с двадцати метров сбить автоматной очередью грецкие орехи с забора — по одной пуле на каждый. Но свое оружие он пускал в ход не только для трюков: Келли-пулемета равным образом боялись и банды соперников, и полиция.

Один из агентов ФБР, выдавая себя за земельного маклера, побывал на всех окрестных фермах, а затем отправился на ранчо Шэннона: мол, ищет, не продается ли где земельный участок. Опытным взглядом он определил, что это ранчо в точности соответствует описанию, данному Уршелом. Шэннон ранчо продавать не собирался, и это очень огорчило мнимого маклера. Его так мучит жажда, сказал он, нельзя ли попросить стакан холодной воды? Ему дали напиться, и он ощутил сильный минеральный привкус. В кухне, где ему предложили присесть, агент ФБР заметил зеркало с отбитым левым верхним углом. Итак, сомнений больше не оставалось: это и есть ранчо похитителей.

Специальной оперативной группе ФБР было поручено захватить гангстерское гнездо. В назначенный день ранним утром, едва на горизонте взошло солнце, команда двинулась в путь. Благодаря полной внезапности операции, удалось избежать перестрелки. Шэннон был совершенно ошеломлен, но сразу смекнул, в чем дело, и сопротивления не оказал. Люди ФБР арестовали также Ору Шэннон, жену хозяина ранчо, и двух его дочерей; одна из них была Кэтрин Келли.

Однако более богатым оказался «улов» тех агентов ФБР, которые в это время прочесывали сад. За домом они увидели необычную картину: прямо в саду стоял диван, на котором храпел мужчина; автомат и два револьвера лежали рядом на стуле. Оружие было мгновенно разряжено; спящий проснулся, схватился за пустой стул, попытался вскочить, но крепкие кулаки образумили его. Щелкнули наручники.

— Да это же Харви Бейли! — воскликнул один из сотрудников ФБР.

— Тот самый Бейли, которого вот уже несколько месяцев ищут по всем Штатам!

И в самом деле, схваченный оказался тем самым рецидивистом, которому вместе с десятью другими уголовниками удалось 30 мая бежать из тюрьмы. Список его преступлений был весьма обширен, под конец его посадили за ограбление банка. Когда карманы Бейли вывернули, то обнаружили в них 1200 долларов 20-долларовыми бумажками, а также несколько старинных ценных монет. Быстрое еличение номеров серий показало, что эти банкноты из уплаченного выкупа. Позже было установлено и происхождение монет: они были похищены из банка Кинг-Фишера в Оклахоме, подвергшегося в июне нападению неизвестных грабителей. Бейли был одним из них, и таким образом ФБР попутно удалось расследовать и другое преступление, которое оно никак до этого не могло раскрыть. Теперь помог случай.

В блокаузе, примерно в полумиле от ранчо, арестовали 24-летнего Армона Шэннона, сына босса. Но Джорджа Келли не было и следа.

После этой операции Уршела привезли на ранчо Шэннона. Миллионер узнал место своего заключения, опознал обоих Шэннонов, старшего и младшего, а также и Харви Бейли — прежде всего по их голосам (Бейли сторожил его, а Шэнноны сопровождали до границы Оклахомы). Но Уршел был стопроцентно убежден, что ни один из них не принадлежал к тем двоим похитителям, которые в ночь с 22 на 23 июля вломились в его дом.

На допросе старый Шэннон сначала прикидывался простачком. Зато совсем иначе вел себя Шэннон-младший. Он утверждал, что не имел с этой историей ничего общего и даже был против плана похищения известного миллионера. Судя по его немедленному и полному признанию, это казалось правдоподобным. Армон Шэннон рассказал, что мозгом банды была его сестра Кэтрин — жена Келли-пулемета. Она разработала и возглавила операцию, а после получения выкупа приказала убить Уршела, но этому воспротивились остальные. Само похищение осуществили Джордж Келли и Альберт Бетс, два других главных исполнителя — Джим Кларк и Боб Бренди. Где они находятся, ему неизвестно.

Это были имена четырех хорошо известных ФБР опасных преступников. Начался один из крупнейших в истории Соединенных Штатов розысков. Но шли недели, а успех к ФБР все не приходил.

Тем временем 23 августа Большое жури Оклахома-Сити предъявило арестованному обвинение, а 18 сентября должно было состояться заседание присяжных. Но прежде чем оно началось, произошла сенсация.

4 сентября заголовки газет сообщили: «Харви Бейли сбежал с восьмого этажа хорошо охраняемой каторжной тюрьмы в Далласе!» Как выяснилось, помощник шерифа Томас Мэнион за обещанные ему Бейли 10 тысяч долларов тайком принес ему в камеру железную пилу и кольт. Бейли удалось проникнуть в соседнюю камеру, там он напал на тюремщика, угрожая кольтем, заставил отдать связку ключей и запер его. Под страхом смерти лифтер доставил Бейли в цокольный этаж, вручил ему ключ от автомашины и запер за ним ворота. Окольными дорогами Бейли помчался из техасского города в штат Оклахома. Но сильные ливни сделали эти дороги непроезжими, и ему пришлось выехать на автостраду.

Здесь полицейский патруль вскоре настиг Бейли, у автомобиля которого к тому же лопнула шина. К началу слушания дела гангстера водворили на место. В Денвере (штат Колорадо) почти одновременно были схвачены и другие гангстеры: Альберт Бетс, Боб Бренди и Джим Кларк. Не хватало только одного Джорджа Келли, но 26 сентября и его постигла та же участь.

Итак, 7 октября, в день вынесения приговора, все они были налицо и никакая ложь им не помогла. Старый Шэннон и его жена, Джордж и Кэтрин Келли, Альберт Бетс и Харви Бейли были приговорены к пожизненному заключению. 10 лет с испытательным сроком получил молодой Армон Шэннон. Все другие, в том числе и те, кто помог похитителям сменить автомашину, были осуждены на пять лет каторжной тюрьмы каждый. Из выкупа удалось найти только 75 тысяч долларов, а 125 тысяч бесследно исчезли.

Вся эта история похитителей с ранчо Шэннона в Техасе стала примечательной благодаря некоторым обстоятельствам ареста Джорджа Келли. Когда утром 26 сентября 1933 года специальные агенты ФБР ворвались в дом в Мемфисе, где скрывался Келли, тот

оказался безоружным и встретил их возгласом: «Не стреляйте, джи-мены, не стреляйте!»

Название, якобы данное в этот момент агентам ФБР Келли-пулеметом, мгновенно распространилось по всем Соединенным Штатам вместе с известием об его аресте. Джи-мены — люди правительства (от англ. government men) — так отныне стали называть специальных агентов ФБР. Во всяком случае, именно такова версия возникновения выражения «джи-мен», приводимая в официальной истории ФБР, хотя позже появились сведения, что это выражение пустил в оборот сам вашингтонский центр бюро. ФБР стремилось создать своим агентам славу неподкупных, бесстрашных, отчаянных парней, с которыми шутки плохи. «Их можно убить, но подкупить — нельзя. Они твердо верят в свое дело, в свою миссию». Буржуазная пресса и официальная историография подхватили этот миф. Для его распространения была широко использована и описанная выше история с нефтяным магнатом Уршелом.

Джи-менов тщательно готовят к выполнению их миссии на службе крупного капитала. Вот что рассказывает Дон Уайтхед — автор книги, считающейся официальной историей ФБР: «Обучение длится 18 месяцев и начинается с некоторых теоретических сведений о законах и административном управлении. Затем следует суровая подготовка в академии ФБР на военноморской базе Квантико в Виргинии, где их обучают обращению с огнестрельным оружием и различным методам самообороны. Каждый агент, будь то научный сотрудник или инженер, работающий в лаборатории, знает, как вести перестрелку. Он приобретает умение быстро, в считанные доли секунды, вытащить пистолет из кобуры и занять такую позицию, которая обеспечивает надежное поражение цели. «Никогда не стрелять на бегу!» — гласит аксиома ФБР. Он обучается применять свое оружие стоя, с колена, сидя и лежа, вести огонь по неподвижной и движущейся цели. Он обучается стрелять обеими руками на случай, если ведет огонь из-за баррикады, а также быстро находить укрытие. Его учат стрельбе не только из пистолета, но и из винтовки, из дробовика и автомата. Агент владеет дзю-до и другими приемами, которые могут пригодиться в рукопашной схватке».

Бесчисленные книги и фоторепортажи, фильмы и телевизионные передачи изображают и рекламируют джи-менов всегда готовыми уничтожить гангстеров и всегда на долю секунды раньше преступника спускающими курок. Стреляя из всех мыслимых положений, сокрушая все своими могучими кулаками, бьются эти «храбрецы» на киноэкранах, мелькают на страницах печатных изданий и всегда остаются победителями.

Вокруг людей ФБР по вполне понятным причинам были созданы целые легенды, а само ФБР стало восхваляться как якобы лучший в мире и наиболее организованный полицейский аппарат. Посмотрим же, насколько отвечают истине эти утверждения, что именно скрывается за невинно звучащим наименованием «Федеральное бюро расследований», для чего в действительности оно было учреждено, каковы его традиции, какую роль играет оно в Соединенных Штатах Америки и какую миссию на деле выполняют джи-мены. Присмотримся и к тому, кем был Дж. Эдгар Гувер, почти полвека возглавлявший это высшее криминальное ведомство США.

У истоков ФБР

ФБР нельзя понять, не изучив те силы, которые в прошлом способствовали формированию будущего... История ФБР, собственно говоря, идентична истории США.

Дон УАЙТХЕД. История ФБР

Джон Уилки Бут нарушает табу

Люди, присоединившиеся к Джону Брауну, — шестнадцать белых и пять негров, хорошо вооруженные и владеющие всеми приемами, присущими бывалому человеку с Запада, были отчаянно смелы. Путь их напрямик вел в Харперс-Ферри — маленький городишко на реке Потомак в штате Виргиния, северо-западнее Вашингтона.

Подойдя к городу, Джон Браун дал сигнал к атаке. Отряд на диком галопе промчался по улицам Харперс-Ферри и быстро захватил арсенал военно-морской части. Осоловевшие от бренди часовые военной базы оказались связанными раньше, чем поняли, что же, собственно, произошло.

Потом отряд разделился. Четверо вновь прыгнули в седла и помчались к Потوماку, где заняли позиции, с которых могли держать под прицелом своих ружей весь мост. А остальные поехали по улицам Харперс-Ферри, призывая негров собраться перед арсеналом. Хотя страх и сдерживал негров, тем не менее вскоре перед складом оружия собралась толпа. Джон Браун обратился к ней с такими словами:

«Мы прибыли с Севера, и наша угодная богу задача — ликвидировать позорное рабство. Без вашего труда, черные братья, не было бы сказочного богатства виргинских плантаторов. Наступает великий час! Мы вместе прогоним рабовладельцев Виргинии и всего Юга. Оружие арсенала в наших руках, и мы вручаем его вам. Великое восстание рабов началось!»

Это произошло 16 октября 1859 года. Джон Браун, белый фермер из Канзаса, движимый религиозными чувствами человек, который в борьбе с рабовладель-

цами потерял все имущество, бросил искру в бочку с порохом. Он хотел уничтожить рабство, осуществить то, что тщетно пытались сделать до него другие.

Со времени образования Соединенных Штатов Америки между северными и южными штатами существовали значительные различия, даже законодательно закрепленные в 1820 году так называемым Миссурийским компромиссом: южнее 36-й параллели — южной границы штата Миссури — рабство допускалось, а севернее ее и восточнее реки Миссисипи — официально запрещалось.

Джон Браун выбрал момент для выступления почти правильно, но сильно переоценил возможности своей небольшой группы смельчаков. Его призыв к восстанию не нашел отклика. Подразделения военно-морского корпуса окружили Харперс-Ферри, вновь захватили город и наконец штурмом взяли арсенал, где засел со своим отрядом Джон Браун. Два сына фермера пали от пуль солдат, а сам он был тяжело ранен.

Вскоре в окружном суде в Чарлстоне, судебной инстанции графства, состоялся широко задуманный показательный процесс. Приговор имел целью запугать «друзей ниггеров» и был заранее определен: смертная казнь через повешение. 2 декабря 1859 года Джон Браун отправился в свой последний путь. Для противников рабства Джон Браун стал символом. В 1861 году, когда началась Гражданская война между Севером и Югом, войска северян шли в бой с песней о Джоне Брауне.

Среди обуюнных ненавистью орд рабовладельцев и фанатиков расистов, возгласами ликования приветствовавших казнь фермера из Канзаса, находился и один элегантно одетый молодой человек, имя которого всего через какие-то пять лет стало известно миру. Это был Джон Уилки Бут.

Если восстание Джона Брауна лишь напугало рабовладельцев Юга, то избрание 6 ноября 1860 года Авраама Линкольна — известного противника рабства негров — шестнадцатым президентом Соединенных Штатов Америки побудило их перейти к активным действиям. Южная Каролина объявила о своем выходе из федерации, за ней последовали еще десять штатов. Они создали «Конфедеративные штаты Америки», избрали

своей столицей Ричмонд и президентом Джефферсона Дейвиса.

Усилия Линкольна сохранить единство федерации мирным путем разбились об агрессивность Конфедерации. Четырехлетняя война между Севером и Югом охватила всю страну, потребовала более миллиона человеческих жизней.

Президент и буржуазия северных штатов поневоле сознавали, что для победы в войне рабство должно быть радикально ликвидировано. Поэтому на восемнадцатом месяце своего президентства Авраам Линкольн подписал прокламацию об освобождении рабов; она должна была официально дать свободу большей части негров в США. Уже вскоре в войсках северных штатов сражалось почти 190 тысяч черных солдат; из них 72 процента составляли бежавшие с Юга рабы. Они в значительной мере содействовали тому, что 9 апреля 1865 года генералу Ли пришлось заявить о капитуляции войск Конфедерации.

Несколько дней спустя, 14 апреля 1865 года, Линкольн вместе с женой и своим другом майором Ратбоном отправился в Вашингтоне в театр Форда. В бенефис известной в то время актрисы Лоры Кин давалась пьеса «Наш американский кузен». Зал был уже полон, когда около девяти часов вечера Авраам Линкольн и его спутники вошли в почетную ложу.

В театре царило радостное оживление, часто вспыхивали аплодисменты. Время бежало быстро, второй акт близился к концу. Было 22 минуты одиннадцатого.

Не проявляя никакой поспешности, по лестнице, ведущей в почетную ложу, поднялся молодой человек. Часовому у двери он показал какой-то пропуск, который тот в полутьме даже не смог прочесть.

— Я должен сообщить президенту важное известие,— сказал молодой человек.

— О'кэй,— ответил часовой,— идите прямо, минуя две двери.

В маленьком фойе перед ложей молодой человек вынул из кармана пистолет, взвел курок и осторожно открыл внутреннюю дверь. Джон Уилки Бут медленно вошел в президентскую ложу, сделал три шага вперед, остановился за спиной Линкольна и выстрелил прямо ему в затылок. Президент был смертельно ранен.

Сначала публика подумала, что выстрел прозвучал на сцене по ходу действия, но тут же ее охватил ужас. Бут перегнулся через барьер ложи и с возгласом «*Sic semper tyrannis!*» («Смерть тиранам!») — таков был демагогический лозунг южных штатов в Гражданской войне — спрыгнул в зал и исчез.

Раздались крики: «Президент убит!», «Держите убийцу!» Но Бут уже скрылся. Хотя, прыгая из ложи, он сломал себе ногу, ему все-таки удалось добежать до стоявшего наготове коня и взобраться в седло. Путь его лежал на Юг, но далеко он не ушел. Конные отряды из федеральной столицы вскоре напали на след убийцы и оцепили сарай, в котором тот скрывался. Надежда Бута бежать на Юг рухнула. Поскольку никаких шансов на спасение у него не оставалось, он поджег сарай. При попытке вытащить его из пламени один из солдат войск северян, вопреки приказу взять убийцу президента живым, застрелил его.

Джон Уилки Бут был фанатичным глупцом, умственно не вполне нормальным и к тому же одиночкой — так изображает сегодня официальная американская историография этого актера, происходившего из богатой семьи южан. Однако она обходит молчанием тот факт, что при нем был найден чек на крупную сумму, подписанный Джакобом Томпсоном, одним из близких сотрудников тогдашнего президента Конфедерации Джефферсона Дейвиса.

Так впервые пал от руки убийцы президент Соединенных Штатов Америки.

«Герои» типа Буффало-Билла

В Новом Свете царило насилие, имевшее вековые традиции. Его жертвами сначала были преимущественно индейцы. После того как Уолтер Рейлег основал на североамериканской земле первую английскую колонию и назвал ее Виргиния, белые завоеватели, движимые алчностью, используя коварство и предательство, грабя и убивая, ринулись на новый континент.

«Лучший индеец — это мертвый индеец» — под таким девизом продвигались они через бескрайние прерии все дальше на запад, и жестокое насилие над индейцами принимало все более чудовищные масштабы,

пока не превратилось в чистейший геноцид. Число аборигенов Северной Америки, которые за эти столетия были убиты, обречены на гибель от голода или эпидемий, составляет многие миллионы. Индейцы стали жертвами геноцида и — впервые в истории — подопытными объектами применения бактериологического оружия. Так, в 1763 году под лицемерным предлогом гуманной заботы о «туземцах» различным индейским племенам были розданы зараженные одеяла, вызвавшие смертельные эпидемии. Причем все это делалось не втихую, а возводилось в ранг официальной государственной доктрины и даже прославлялось.

После Гражданской войны истребительные акции против индейцев достигли своего кульминационного пункта. Американские войска перешли в последнее, решающее наступление с целью уничтожения индейцев и стали осуществлять против них «карательные экспедиции». «Убить индейца — столь же мало похоже на убийство, как раздавить вошь» — такие лозунги были призваны оправдать преступления перед законом, избавить убийц от всяких угрызений совести.

Грандиозным массовым убийством, совершенным в 1890 году в Вундид Ни Крик (штат Южная Дакота), когда кавалерийский полк зверски уничтожил многие сотни беззащитных мужчин, женщин и детей, было сломлено последнее более или менее значительное сопротивление «краснокожих». Наряду с открытыми убийствами применялись и другие гнусные средства. Один конгрессмен заявил: «Каждый убитый бизон означает, что одним индейцем стало меньше!» Действуя по этому принципу, белые профессиональные охотники на бизонов начали истреблять их стада. С 1871 по 1874 год они застрелили 3 698 820 бизонов, причем большинство туш были брошены в прериях и сгнили. Через десять лет дошла очередь и до стад на Севере. По одной оценке, в 1881 году в США на воле оставалось максимум 85 бизонов. Тем самым была предreshена и судьба индейских племен, поскольку уничтожили их продовольственную базу.

То время породило своих «героев», которые и по сей день официально причисляются к идолам американской истории. Один из известнейших истребителей бизонов, полковник Уильям Ф. Коуди, за бессмысленное убийство 3000 животных получил почетную кличку

Буффало-Билл. Когда другой охотник на бизонов, некий Билли Комстокс, захотел оспорить у него этот титул, они заключили пари. Коуди выиграл, убив за несколько часов 69 бизонов, между тем как его соперник — всего 48. За это Коуди торжественно провозгласили «первым во всех прериях истребителем бизонов».

Преступления этих уголовных субъектов окружены ярким венцом легенд, они стали героями специального жанра литературы — вестернов, значительная часть которых восхваляет насилие над индейцами.

Под знаком пылающего креста

Вторая группа населения США, также несколько столетий зажатая в тиски насилия, — это негры. В 1619 году в Северную Америку были привезены из Африки первые 20 черных рабов. Джемстаун — город в штате Виргиния — стоял в начале их крестного пути. Примерно за двести лет, по самым осторожным оценкам, со своей родины в Новый Свет были депортированы 20 миллионов африканцев. Их судьбой стал рабский труд на плантациях, шахтах и рудниках — сначала по 18 часов в сутки, а впоследствии, после законодательного урегулирования продолжительности рабочего дня, по 15 часов летом и по 14 зимой.

Вооруженное организованное насилие против негров, как и против индейцев, первоначально осуществляли войска. Но, в отличие от борьбы с индейцами, в данном случае, естественно, задачей было не уничтожение негров, а террор, который должен был подавить в них малейшую мысль об изменении условий своей жизни. Когда осенью 1800 года потерпело поражение восстание примерно тысячи рабов во главе с Габриелем, солдаты для устрашения надолго оставляли казненных негров на виселицах. 59 лет спустя Джон Браун в том же штате дал сигнал к восстанию и это выступление подавили правительственные войска.

Рабовладельцы создавали и собственные органы насилия над неграми, не гнушаясь при этом прибегать к услугам профессиональных убийц — охотников на людей. Такие объявления, как приводимое ниже из га-

зеты «Мемфис дейли игл», отнюдь не являлись редкостью до Гражданской войны:

«Внимание! Ловим рабов за умеренную цену. Первокласные охотники с собаками, натасканными на негров. Двадцатидетний опыт. Самые дешевые цены: 10 долларов — за поимку в пределах округа, 20 — в пределах графства, 40 — вне графства. Предложения адресовать Аль Макдину».

После победы северных штатов для таких охотников на короткое время наступила безработица. В Вашингтоне конгресс принимал различные законы, направленные на обеспечение гражданских прав негров. Но промышленники Севера не принимали эти законы всерьез, ибо в освобожденных от рабства неграх они видели лишь резерв дешевой рабочей силы. Политически незрелых и неорганизованных «цветных» можно было подвергать еще более безудержной эксплуатации, чем белых рабочих.

К тому же на Юге земельная собственность бывших рабовладельцев осталась нетронутой. Они мечтали о «добрых старых временах» и искали путей обхода новых законов.

Толчок к этому был дан в декабре 1865 года. Бывшие офицеры войск южан и рабовладельцы, охотники на людей и различные темные элементы собрались в Пьюласки (штат Теннесси) и основали ку-клукс-клан — инструмент господства белой олигархии Юга.

Похожие на привидения всадники в развевающихся белых балахонах с остроконечными капюшонами скакали по ночам через Диксиленд. Под знаком пылающего креста началась повседневная безжалостная борьба против бывших рабов. «Господство белых» — таков был пароль. Негров калечили и вешали, их хижины сжигали. Первые результаты террора сказались очень скоро. «Цветные» снова работали на своих старых плантациях, — правда, теперь уже как вольнонаемные рабочие, но без зарплаты и лишь со слабой надеждой получить после сбора урожая небольшое натуральное вознаграждение.

Строго организованный, ку-клукс-клан быстро превратился в мощную террористическую организацию и тайное судилище. Временами он насчитывал до 6 миллионов членов. Кукуклуксклановцы продолжают свою преступную деятельность и в наши дни, и это во мно-

гом объясняет, почему черное население США до сих пор не может пользоваться своими официально провозглашенными гражданскими правами. Негативное воздействие акций куклуксклановцев подкрепляется еще и тем, что в большинстве южных штатов местные законы обеспечивают сохранение дискриминации и социальной отсталости негров. Школы, магазины, церкви, отели, рестораны и столовые, увеселительные заведения, больницы, общественный транспорт, даже дома для умалишенных и кладбища существуют отдельно для белых и черных. У входа во многие общественные парки можно видеть щиты, запрещающие вход «нигерам».

Эти антинегритянские дискриминационные меры получили известность под названием «Джим Кроулоус» («законы против черных воронов»).

Люди со звездой шерифа

В Соединенных Штатах Америки, как и в каждой капиталистической стране, царит право экономически более сильного. Террор и насилие с самого начала определяют и полицейскую систему этого государства. Колониальное завоевание континента равным образом осуществлялось как войсками, так и переселенцами из всех частей света. Миля за милей полчища колонистов продвигались все дальше на запад. Для поддержания внутреннего порядка, а также для представительства своих интересов вовне группы переселенцев обычно ставили во главе шерифа — человека, наделенного полицейскими функциями. Его власть зиждилась на богатстве или на ловкости обращения с кольтом.

Точно так же как «дистрикт атторней» — прокурор округа, являющийся низшей административной инстанцией, шериф выбирается и по сей день. Обе эти должности доходны и, кроме того, дают возможность обладать политическим влиянием. Шериф — верховный полицейский графства и вместе с тем судебный исполнитель. Он открывает и закрывает судебные заседания, производит аресты, может насильно доставлять свидетелей в суд, ему подчинены и местные тюрьмы. Люди с шерифской звездой, прославленные в бесчисленных вестернах, нерасторжимо связаны в США как с отправлением правосудия, так и с его попрани-

ем. С самого начала множество людей, занимавших пост шерифа, видели в этой должности только более широкую, обеспеченную законом возможность обделять общие с преступниками дела. Коррупция и уголовные деяния полицейских, судей и политиков США, осуществляемые под прикрытием закона, берут свое начало от деяний тех шерифов, которые когда-то состояли на службе у переселенцев Дикого Запада.

Города на Восточном побережье первыми превратились в относительно стабильные организмы. Здесь создавались по европейскому образцу различные полицейские органы. Например, в Бостоне уже в 1736 году была создана (на лондонский манер) группа констеблей, но наряду с ними, как и в других городах, продолжал существовать военный гарнизон. В Нью-Йорке и Филадельфии немного позже тоже появились участковые констебли. Зачастую лица, назначавшиеся в гражданские административные органы, не желая обременять себя полицейскими функциями, но имея достаточно денег, нанимали себе платных заместителей. Наемные полицейские (образцом и здесь служили лондонские нравы) способствовали не столько подавлению, сколько распространению уголовщины: ведь нанимали обычно тех, кто обходился подешевле. И потому на эти посты в Нью-Йорке точно так же, как и в Лондоне, часто проникали всякие жулики, тунеядцы и бродяги.

В 1829 году в Англии возникла «Метрополитен полис оф Лондон» — организация, которая впоследствии стала известна под наименованием Скотланд-ярда. Этому примеру последовали многие американские города. Так, в 1833 году в Филадельфии, а несколько позже в Нью-Йорке и Чикаго была создана по лондонскому образцу одетая в форму городская полиция, призванная охранять имущество и честь граждан.

Какова же была действительность тех лет? Обратимся к компетентному свидетелю. Джордж У. Уоллинг, многие годы возглавлявший полицию Нью-Йорка и выпустивший в 1887 году книгу «Воспоминания начальника нью-йоркской полиции», писал:

«Я слишком хорошо знаю силу столь распространенного у нас союза политиков и полицейских. Я пытался выступать против этого, но в большинстве случаев дело кончалось для меня катастрофически. Местное управление в Соединенных Штатах базируется на

выборах. Избирательные кампании проводятся у нас не с учетом нужд городов, а исходя из целей двух политических партий. Я не верю, что хотя бы один человек из пятисот может объяснить, за какие идеалы выступает каждая из этих двух партий. Ведь их единственными принципами, по крайней мере в Нью-Йорке, являются сила и эксплуатация. Пока такие политики могут оказывать влияние на полицию, они будут также парализовать коррупцией полицейский аппарат, который призван охранять собственность и честь наших граждан.

Город Нью-Йорк практически находится в подчинении у двадцати тысяч обладателей служебных постов, большинство которых занято и контролируется самыми отвратительными элементами города...

Наши прокуроры и полицейские служащие выбираются и даже контролируются в значительной мере теми самыми элементами, обезвреживание и наказание которых возложено на них по долгу службы. Служащие в Нью-Йорке, само собой разумеется, не осмеливаются трогать тех, от кого зависит их материальное положение. Наши же судьи нередко не обладают никаким знанием законов, а кроме того, так малограмотны, что не могут написать даже простейшие слова.

Политики заставляют выпускать на свободу отбывающих наказание заключенных, хотя суд признал их виновными. Зачастую обвиняемые покидают зал суда как свободные люди, хотя их приговорили к длительному тюремному заключению.

У нас многое возможно, но я не считаю возможным, чтобы повесили миллионера, даже если бы он совершил гнуснейшее убийство. Все, кто был казнен за последние десятилетия, не имели ни денег, ни политически влиятельных друзей.

Наша административная система в Нью-Йорке предоставляет добропорядочным гражданам гораздо меньшую гарантию безопасности, чем в большинстве городов Европы и даже в русской царской империи. Ответственность запугана в такой мере, что видит в полицейском не защитника, а врага.

Мы по горло сыты всеми этими политиками, мошенниками, ворами и мерзавцами, засевшими во всех частях нашего городского управления. Мы по горло сыты господством этих хищников. Мы должны были

бы попытаться установить господство джентльменов...»

Так шеф нью-йоркской полиции с примечательной откровенностью поведал об обстановке, царившей в его собственном городе почти век назад.

Капиталистическая система продолжала развиваться, средства ее господства становились все более утонченными, но Нью-Йорк и наших дней представляет собой прежнюю картину, с той лишь разницей, что ныне союз политики, полиции и преступного мира оберегается еще более искусно.

В рассказе Уоллинга Нью-Йорк вполне можно заменить любым другим американским городом, и то, что разыгрывалось на берегах Гудзона, являлось лишь отражением событий в «большой политике» страны.

В 1869 году на пост президента вступил генерал Грант. В том же году оба океанских побережья были связаны между собой железной дорогой. Союзы предпринимателей — «Юнион Пасифик» на Западе и «Сентрэл Пасифик» на Востоке, ловко манипулируя финансированием строительства через банк в Пенсильвании, получили гигантские прибыли, положив в карманы своих акционеров суммы во много раз большие, чем обуславливалось договорами. Когда дело о расхищении денег из государственной казны чуть не дошло до рассмотрения в конгрессе, железнодорожные компании воспрепятствовали этому присущим им методом: многим конгрессменам, а также и мистеру Колфаксу, вице-президенту США, были подсунуты большие взятки.

Подобные аферы следовали одна за другой. Сочетая эксплуатацию с жульничеством, предприниматели объединялись в акционерные общества, которые быстро концентрировались в могущественные тресты. На поверхность всплывали неизвестные дотоле имена: Вандербильт и Гарриман — в железнодорожных компаниях, Карнеги — в качестве стального короля, Рокфеллер — как основатель «Стандарт ойл компани» и самый могущественный из всех — финансовый трест Дж. П. Моргана, своими займами оказывавший влияние на всю экономику США.

Этот пиратский разбой был тесно связан с политическими решениями. В 1877 году президент Хейс, несмотря на явный перевес голосов, поданных за его про-

тивника Тилдена, обманном путем пробрался в Белый дом. Подкупленный комитет по проверке результатов выборов фальсифицировал их итоги в трех штатах. Дальнейшие избирательные аферы, политический шантаж, сокрытие подлежащих налоговому обложению сумм и другие тому подобные скандалы сменяли друг друга. При замещении должностей действовала «система добычи» (Spoil System): должность можно было получить только благодаря хорошим связям или за приличную плату. Деловые качества котиrowались низко.

О том, чтобы все шло как по маслу, заботились начальники полиции в графствах и городах, а также главы полиции отдельных штатов. Неудобных свидетелей устраняли, «кляузников» арестовывали или обращали в «правильную» веру.

Вот почему не показалось удивительным событие, происшедшее 2 июля 1881 года. В тот день от руки убийцы погиб второй президент США — Джеймс А. Гарфилд, пробывший на своем посту всего четыре месяца. Его убил один из охотников за должностями, получивший отставку в «системе добычи».

Сыскное агентство Пинкертона

Различные буржуазные историки утверждают, что, если бы 14 апреля 1865 года — в день убийства президента Линкольна — Аллан Пинкертон находился в Вашингтоне, а не в Нью-Йорке, он обязательно бы спас президента.

С именем Пинкертона связаны громкие эпитеты: основатель первой криминально-полицейской организации в США и отец американской секретной службы. Кем же был в действительности Аллан Пинкертон?

Он родился в 1819 году в Глазго; будучи молодым человеком, эмигрировал в Соединенные Штаты и к 1850 году работал бондарем в Данди, около Чикаго. Однажды в поисках хвороста на одном из островов на озере Мичиган Пинкертон наткнулся на остатки костра. Поскольку в этой местности орудовала банда жуликов, он сообщил о своем открытии шерифу, что и привело к аресту преступников. Бондарь из Шотландии сразу же снискал себе репутацию крупного сыщика.

Аллан Пинкертон мгновенно осознал открывавшиеся перед ним возможности и основал сыскную частную контору, которую претенциозно назвал «Национальное сыскное агентство Пинкертона», хотя в ней насчитывалось всего девять наспех нанятых детективов. «Люди Пинкертона» гонялись за бандитами и грабителями банков, скакали на лошадях за преступниками в прериях, лежали в засаде на крышах вагонов поездов, мчавшихся через Дикий Запад. Серьезной причиной успеха «пинкертонов», как их стали называть, специалисты считают мастерское искусство маскировки, причем при помощи не только переодевания, но и умения ловко завоевывать доверие преступников и проникать в их банды. Именно эти способности вскоре принесли «пинкертонам» славу, причем, как мы покажем ниже, весьма дурную.

Зимой 1861 года Аллан Пинкертон находился в Балтиморе. Выдавая себя за биржевого маклера, он шел по следам банды фальшивомонетчиков. При этом ему стал известен план заговора против вновь избранного президента. По пути в Вашингтон, где он должен был вступить в свою должность, Линкольну предстояла пересадка в Балтиморе. У выхода из туннеля его и должна была сразить пуля убийцы. Пинкертон, как утверждают, немедленно отправился в Гаррисберг, чтобы предупредить Линкольна. Маршрут поездки был без всякого шума изменен, и президент избежал покушения. Так ли это было, до сих пор остается спорным. Во всяком случае, никакого судебного процесса по делу о покушении не проводилось.

Когда несколько позже разразилась Гражданская война, армия северных штатов призвала Пинкертона в свои ряды и подчинила ему службу шпионажа и контршпионажа. Под псевдонимом Аллан он в ранге майора создал первую секретную службу США. Эта организация под названием «Сикрит сервис» продолжала существовать и после Гражданской войны. Существует она и по сей день — в качестве сравнительно небольшой ветви огромной сети секретной службы. Она предназначена для охраны президента и борьбы с фальшивомонетчиками.

В 1866 году майорский мундир Аллана Пинкертона уже давно висел в шкафу, когда благодаря эффектному эпизоду на него снизошла громкая слава. 16 октября вблизи Симора подвергся нападению и ограблению пассажирский поезд. Железнодорожная компания поручила Пинкертону провести расследование.

Детектив Дик Уинскотт поселился в этом городе, поступил барменом в один салун и со всеми установил дружеские отношения, особенно домогаясь знакомства с неким Джоном Рено. Этот человек был не только главарем наводившей страх банды, но и фактически неограниченным владыкой графства Симор. Уинскотт, подружившись с гангстером, установил, что налет совершила именно его банда. Наконец детективу удалось под каким-то предлогом заманить нового дружка на симорский вокзал. В момент их встречи на перроне к платформе подъехал небольшой специальный состав, из него выпрыгнули Аллан Пинкертон и семеро его агентов, схватили Рено и затащили в вагон. Уинскотт вскочил на площадку, и поезд умчался прежде, чем телохранители Рено успели прийти в себя от неожиданности.

Данный эпизод вновь подтвердил, сколь отлично умел Пинкертон использовать тайную агентуру. Благодаря этому в 1873 году сыскное агентство Пинкертона получило задание, за выполнение которого ему заплатили 100 тысяч долларов.

Человека, заплатившего такую огромную сумму, звали Франклин Бенджамен Гоуэн, но он был известен и под именем «короля Редингтола», т. е. долины Рединг. Эта долина лежала в центре антрацитного района Пенсильвании. Две трети своего богатства Гоуэн приобрел обманом и махинациями и на этой основе создал быстро растущий трест, который фактически держал в своих руках монополию на весь антрацит, добываемый в США.

Все шло согласно желаниям Гоуэна: уже в возрасте 33 лет он стоял во главе мощного треста. Вот только шахтеры «портили» ему жизнь, мешая получать еще большие прибыли. В Редингтоле работало много выходцев из Ирландии. В 1868 году они забастовали,

добиваясь введения 8-часового рабочего дня. Гоуэну удалось одержать верх, но через год, когда в шахте сгорело 179 горняков, ситуация стала для босса более сложной. В угольном бассейне все большее влияние стал приобретать «Рабочий благотворительный союз». Именно во главе этого профсоюза стояли классово сознательные рабочие, подкупить которых было невозможно.

В 1873 году разразился тяжелейший из когда-либо потрясавших Соединенные Штаты экономический кризис. Поздней осенью послевоенный бум внезапно прекратился, различные банковские концерны и другие только что возникшие тресты лопались один за другим. Рабочих массами выбрасывали на улицу. Призрак голода и нищеты появился и в Редингтоле.

Гоуэн попытался в значительной мере переложить последствия депрессии на плечи своих рабочих и одновременно использовать кризисные явления для того, чтобы сломить влияние пролетарской организации. Аллан Пинкертон, не скрывавший своего презрения к профсоюзам, был подходящим человеком, он мог помочь ему в разгроме рабочего общества. Таким образом Аллан Пинкертон и получил в кризисном 1873 году это столь выгодное дело.

Вскоре в Редингтоле появился новый житель. Это был, как он назвал себя, Джеймс Маккенна — веселый, общительный малый, всегда готовый пошутить, да и выпить не дурак. Рабочие быстро полюбили его, в частности за неподражаемое умение петь старинные ирландские песни, а также и за его интерес к профсоюзу. Прошло совсем немного времени, и Джеймс Макпарлан — так звали на самом деле этого пинкертоновского шпика — уже проник в руководство рабочего союза.

Теперь Гоуэн начал действовать. В декабре 1874 года он объявил о сокращении заработной платы на 20 процентов, хотя ее и без того едва хватало на жизнь. Как и следовало ожидать, с 1 января 1875 года в угольном бассейне началась забастовка.

В Редингтоле полилась кровь. Нанятые Гоуэном банды срывали собрания шахтеров, без зазрения совести пуская в ход огнестрельное оружие. Горняки отбивались камнями, и при этом погиб один из надсмотрщиков треста. Во главе демонстрации шахтеров

всегда шел Маккенна, он же Макпарлан. С двумя кольтами за поясом, размахивая над головой дубиной, он провоцировал рабочих на кровавые выступления. «Надо истребить хозяев треста с корнем, убить их, перестрелять!» — призывал он. Последовали аресты рабочих, только Маккенны среди схваченных полицией почему-то не оказалось.

Кто-то произнес название заговорщической организации, сразу же попавшее на страницы газет: «Молли Магвайрс». Это она якобы во всем виновата, она несет ответственность за голод, безработицу, террор. Утверждали, что эта организация ирландских иммигрантов стоит за каждым убийством, за каждой стачкой в США, а особенно активно действуют входящие в нее заговорщики якобы именно в Редингтоле. Предположительно сочинителем страшной сказки о «Молли Магвайрс» являлся Гоуэн, ибо из-под его пера вышел ряд газетных сообщений об этой мифической организации. Так или иначе, угольный магнат использовал разжигавшуюся прессой истерию для того, чтобы расправиться с профсоюзом своего угольного бассейна.

Когда через шесть месяцев голод заставил забастовщиков капитулировать, Гоуэн нанес второй удар. Он добился своего назначения на должность прокурора по особым делам и начал ряд гнусных судебных процессов.

Главный «свидетель обвинения» — Джеймс Макпарлан. Ему ассистируют Джимми Корригэн и «бродяга Келли» — два убийцы, преступления которых теперь приписывают обвиняемым. Рядом с ними выступают и другие уголовники, которым обещано снижение срока заключения, если они хорошо сыграют свои роли в этом судебном фарсе. На скамье подсудимых — двадцать профсоюзных руководителей, возглавлявших стачку или прежде каким-либо образом выступавших против Гоуэна.

«Прокурор по особым делам» обвиняет всех подсудимых без исключения в принадлежности к заговорщической организации «Молли Магвайрс», в том, что они убийствами и террором вызвали в Редингтоле беспорядки. Примером «свидетеля», достойного подражания, служил Макпарлан. У других же его коллег, ввиду недостаточного опыта в осуществлении заранее

обговоренных маневров, происходили всяческие «накладки». Но все эти процессы, как и предусматривалось, закончились смертными приговорами: американская классовая юстиция искала и нашла в рядах рабочего класса свои первые жертвы.

Подобные методы, при помощи которых под видом соблюдения законности лишались чести и жизни невинные люди, позже получили специальный термин «фрэйм ап» (по смыслу — «игра с заранее обусловленным исходом»).

Успех Макпарлана, с холодной изощренностью, выдержкой и жестокостью отправившего на виселицу двадцать шахтеров, его шеф Аллан Пинкертон использовал для новой рекламы своего сыскного агентства. Под лозунгом «Пинкертон никогда не отказывается» он стал предлагать трестам собственные услуги по выполнению аналогичных заданий, и недостатка в них не имел.

Три десятилетия спустя Макпарлан снова оказался в центре позорного судебного фарса.

В горах Айдахо

Ранним утром 30 декабря 1905 года какой-то мужчина подкрался к воротам ранчо Стюнненберга. Трекучий мороз, стоявший в тот день в горах Айдахо, был ему нипочем: он согревал себя, отхлебывая бренди большими глотками прямо из бутылки. Торопливыми движениями он запрягал у ворот потертый чемодан, протянул тонкую проволоку, засыпал все снегом, а потом направился в близлежащий город. Начавшуюся пургу неизвестный приветствовал ухмылкой и новым глотком бренди.

Через несколько часов Фрэнк Стюнненберг, бывший губернатор штата Айдахо, совершал обычный обход своего ранчо. Как и в другие дни, попробовал, надежно ли заперты ворота. Нога его задела проволоку. Утреннюю тишину нарушил оглушительный взрыв. Стюнненберга буквально разорвало на куски.

Полиции Бойсе — столицы штата — оказалось совсем нетрудно обнаружить следы убийцы. Человека этого видели, когда он возвращался с ранчо. Поэтому еще до полудня Гарри Орчард был арестован. Его хорошо знали в лучших домах города: он оказывал шах-

товладельцам услуги в качестве шпика, но брал на себя и дела покрупнее. Незадолго до покушения на бывшего губернатора он взорвал одну штольню, в результате чего погибло шестнадцать горняков. Подобные акции были нужны владельцам шахт в их борьбе против «Западной федерации горняков», которой они затем приписывали все эти убийства. Профсоюз объединял горняков рудников цветных металлов в западных штатах Монтана, Айдахо, Невада, Колорадо и боролся за 8-часовой рабочий день. Во главе его стоял Уильям Д. Хейвуд — выдающийся деятель американского рабочего движения. Горняки любовно называли его Большой Билл. Неудивительно, что монополисты цветной металлургии, в том числе Рокфеллер, питали к нему особую ненависть.

Эта ненависть возросла еще более после того, как в июне 1905 года Большой Билл принял руководящее участие в создании организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Эта профсоюзная организация была призвана объединить все левые силы США и преодолеть раскол рабочего класса по профессиональному и квалификационному принципам. Для монополий это означало серьезную опасность того, что рабочие будут противостоять им единым фронтом, и они попытались действовать по старому рецепту — сначала обезглавить организованный пролетариат. Против Большого Билла затеяли «фрэйм ап».

Режиссуру вновь взяло на себя агентство Пинкертона. Что же касается деталей, то ими занялся уже известный нам Макпарлан, который после своего дебюта в Редингтоле в качестве тайного агента сделал блестящую карьеру. Теперь он обосновался в Денвере (Колорадо) в качестве начальника филиала «Национального сыскаго агентства Пинкертона» в районе Роки-Маунтинс. Твердое положение в списках на получение зарплаты от концерна Рокфеллера обеспечивало ему регулярный доход.

За «дело Хейвуда», которое ему предстояло инсценировать, Макпарлан прежде всего положил себе в карман 96 тысяч долларов. Поскольку к тому времени сращивание монополий с государством стало более органичным и глубоким, такую большую сумму должен был платить уже не один какой-то трест, как это было 30 лет назад. Нет, теперь штат Айдахо сам вы-

платил эту сумму за счет своих налоговых поступлений. Дабы стимулировать Макпарлана, союз шахтовладельцев добавил от себя еще некоторую сумму, размер которой так никогда и не стал известен.

Макпарлан действовал планомерно. Гарри Орчарда, убийцу губернатора, для начала на десять дней посадили в карцер на хлеб и воду. Разнообразие в его монотонную жизнь вносил только тюремщик: каждый день начинался с известия, что виселица уже готова и палач ждет. Когда Орчард, запойный пьяница, особенно сильно страдавший от вынужденного воздержания, стал совсем податлив, к нему явился ангел-спаситель в образе Макпарлана и предложил путь к спасению.

Орчард должен на суде признаться во всем — в убийствах, взрывах шахт, а также в покушении на Стюнненберга — и глубоко раскаяться. Теперь, мол, обретя веру, он чувствует себя словно новорожденный и проклинает тех, кто заставил его совершить все эти преступления, а именно Уильяма Д. Хейвуда с товарищами из «Западной федерации горняков», которые подстрекали его и ввергли в беду.

Макпарлан целыми днями репетировал с Орчардом его выступление на суде, пока не убедился в том, что пропойца не сойдет с роли. Этому служила и соответствующая подготовка, которая должна была показать убийце всю безнадежность его положения. Макпарлан видел, что Орчард невменяем. Если прежде Орчард организовывал убийства неугодных рабочих только по поручению хозяев и осуществлял это по большей части путем взрывов в шахтах, то покушение на бывшего губернатора Айдахо было его собственной идеей, порожденной парализованным алкоголем мозгом. Поэтому Макпарлан проявлял поистине ангельское терпение, основательно отработывая с Орчардом его выступление на суде.

Билл Хейвуд, президент «Западной федерации горняков» Чарльз Мойер и третий функционер этой федерации Джордж Петтибон были тем временем арестованы. После более чем двенадцатимесячного ожидания, 9 мая 1907 года, в Бойсе против них начался судебный процесс. Макпарлан подsunул обвиняемым в качестве адвоката еще одного «пинкертон», который ежедневно сообщал ему о намеченной защите тактике.

Орчард играл свою роль как положено, хотя его внезапное обращение в набожного христианина производило по меньшей мере странное впечатление. Защитнику Хейвуда Кларенсу Дарроу легко удалось разорвать паутину лжи. Показания представленных им свидетелей были куда правдивее, чем жалкий лепет пьянчуги-убийцы. Из многих штатов в Бойсе приехали свидетели — их было более ста, — которые могли под присягой заявить, что находились вместе с Биллом Хейвудом в то самое время, когда он якобы замыслил заговор вместе с Орчардом.

Но Макпарлан и прокурор не сдавались. Защитнику Дарроу угрожали убийством, телефон его прослушивался, почтовая корреспонденция доставлялась только после просмотра. Процесс тянулся до конца июля, и результат его был прямо противоположен задуманному режиссерами «фрэйм ап». Горняки Роки-Маунтинс показали, что их уже не запугать, как прежде. В горах Запада, а потом и повсюду в других штатах проходили мощные демонстрации в защиту подсудимых Бойсе. В Сан-Франциско состоялся самый крупный митинг за всю его историю. Юджин В. Дебс, основавший в 1900 году Социалистическую партию, заявил, что, если Хейвуд и оба его товарища станут жертвами судебного убийства, рабочие поднимут революционное восстание. Монополиям и их государству пришлось всерьез прислушаться к словам видного лидера социалистов.

Формально решение теперь зависело от присяжных — большей частью фермеров из Айдахо, которым не так-то легко было вынести свой вердикт. Целых десять часов решали они, дать ли обвиняемым свободу или же предать их смерти, ибо третьего решения быть не могло. А потом они объявили свое решение: «Уильям Д. Хейвуд невиновен!» Мойер и Петтибон тоже были выпущены на свободу.

Мощная солидарность американских трудящихся в последний момент сорвала «фрэйм ап». Но и через год после окончания процесса в Бойсе, когда было создано Федеральное бюро расследований, классовые схватки продолжали усиливаться, и Билл Хейвуд оказался первым, кого ФБР занесло в свой «черный список».

Первые «дикие» годы

Задание
Чарльзу Джозефу
Бонапарту

После убийства президента Уильяма Мак-Кинли 6 сентября 1901 года в Белом доме обосновался его «вице» Теодор Рузвельт. К тому времени США по объему промышленной продукции уже вышли на первое место в мире. В 1904 году три четверти всей промышленной продукции производилось предприятиями трестов; гигантские монополии и крупные банки общества господствовали в экономике, а тем самым и в политике США. Важнейшие решения теперь принимались на небольшой темной улице Нью-Йорка под названием Уолл-стрит.

После Гражданской войны в ходе дальнейшей экспансии на запад к США были присоединены новые штаты. Затем «политика силы» начала действовать и вне страны, и после первой в мире империалистической войны 1898 года, ведшейся за передел Американского континента, Испании пришлось признать, что Куба стала сферой влияния США, а Филиппины и Пуэрто-Рико — их колониями.

В 1907—1909 годах Теодор Рузвельт направил корабли военно-морского флота в кругосветное плавание, чтобы продемонстрировать всему миру наличие у США нового инструмента силы, дабы другие народы, как он заявил, «в дальнейшем считались с этим».

Положение внутри страны определялось тем, что 20 процентов населения сосредоточивали в своих руках почти все богатство нации, между тем как остальные 80 процентов жили на грани голодного существования. Отдельные отряды рабочего класса вели борьбу против катастрофических социальных последствий

монополизации. Правительство, проанализировав заявление лидера социалистов Дебса, сделанное во время процесса Хейвуда, пришло к выводу, что летом 1907 года больше миллиона рабочих было готово последовать призыву к вооруженному восстанию.

Теодор Рузвельт находил внутреннее положение страны неудовлетворительным. По его убеждению США должны были во всех сферах стать мировой державой номер один, а для этого следовало более или менее упорядочить условия конкурентной борьбы монополий внутри страны, чтобы использовать весь потенциал для усиления империалистической мощи США. Но выяснилось, что государство не имеет в своем распоряжении такого инструмента силы, который был бы пригоден как для борьбы против рабочего движения в масштабе всей страны, так и для вмешательства в соперничество монополий.

Одна из бесконечных, так до конца и не расследованных афер явилась последним толчком к созданию нового органа власти. Дело заключалось в следующем. Примерно 160 миллионов гектаров лесных угодий в малоосвоенных тогда западных штатах являлись собственностью правительства США, осуществлявшего свой надзор за ними с помощью специального отдела министерства внутренних дел — «Дженерал ленд офис». Сотрудники же этого отдела решили стать на путь людей типа Джона Рокфеллера, который, начав свою карьеру простым бухгалтером, различными махинациями нажил в сравнительно короткий срок сказочное богатство и затем возглавил могущественный трест «Стандарт ойл компани». Они начали продавать большие участки не принадлежавшей им земли деревообрабатывающим фирмам и переселенцам, а деньги рекой потекли в их собственные карманы. Разумеется, долго сохраняться в тайне это не могло. О спекулятивных акциях стало известно, и даже выяснилось, что в этой выгодной ловле рыбы в мутной воде замешаны два видных лица: Джон Х. Митчелл, сенатор от штата Орегон, и Джон Н. Уильямсон, член палаты представителей от того же штата.

Оба были в 1905 году отданы под суд; дело разбиралось во многих инстанциях; Митчелл умер до приговора, а Уильямсону через друзей в Верховном суде США удалось добиться снятия обвинения. Неразбери-

ха в судебных органах была столь же трудно разоблачимой, что и махинации в «Дженерал ленд офис». Афера втянула в свою орбиту новые группы, были названы новые имена видных вашингтонских лиц, тоже замешанных в спекуляции земельными участками. Подобные явления в правительственном аппарате мешали осуществлению честолюбивых планов Рузвельта.

Поэтому президенту не оставалось ничего иного, как «одолжить» у финансового ведомства нескольких детективов для расследования аферы и сбора сведений об ее участниках. Возникшая в ходе Гражданской войны небольшая секретная служба к этому времени уже подчинялась финансовым органам.

«Одолженные» тайные агенты так и не добились ясности в деле о расхищении земельных участков. Зато второе задание президента они выполнили куда успешнее, представив Рузвельту объемистое досье о частной жизни многих конгрессменов из числа его политических противников.

Рузвельт решил, что настало время создать собственный следственный орган. Однако конгресс его представление отклонил. Многие конгрессмены побаивались, что новые тайные агенты возьмут под пристальное наблюдение их самих. Поэтому президент пошел другим путем: 26 июля 1908 года он поручил министру юстиции Чарльзу Джозефу Бонапарту организовать специальный следственный орган министерства юстиции.

Этот декрет служит официальным свидетельством о рождении Федерального бюро расследований США (ФБР).

ФБР и по сей день официально считается отделом министерства юстиции США. Начальником директора ФБР постоянно является «атторней дженерал» — таково должностное наименование генерального прокурора США, который одновременно является министром юстиции и в качестве такового — членом американского правительства, получающим директивы от президента.

**В каждом штате —
собственные законы**

Первоначально следственный отдел был еще довольно слаб. Таким он оставался и тогда, когда преемник Рузвельта, его протеже Уильям Тафт, 4 марта

1909 года присвоил новому органу наименование «Бюро расследований» (БР). Буква «Ф», означающая «федеральное», появилась лишь в 1935 году. Простоты ради мы будем с самого начала называть этот орган ФБР.

Жажда власти, интриги и коррупция настолько овладели административным аппаратом Вашингтона, что для политиков, принадлежавших к самым различным противоборствующим группам, стало естественным стремление использовать ФБР каждому в своих целях. Для этого они проталкивали подставных лиц или родственников на хорошо оплачиваемые должности в ФБР, дабы получать информацию о своих политических противниках из первых рук. 167 сотрудников, насчитывавшихся в ФБР в 1910 году, выполняли прежде всего задания своих политических друзей.

Отдельные штаты ревниво следили за сохранением своих политических компетенций и довольно разнообразных традиций. В Северной Каролине, например, открытое ношение огнестрельного оружия разрешалось, а тайное, наоборот, каралось тюремным заключением. Иначе обстояло дело в соседней Южной Каролине. Здесь ношение оружия считалось преступлением, но с одним исключением: во время богослужения в церкви оно было обязательным — юридический реликт времен истребления индейцев.

Официально в США церковь отделена от государства с 1781 года, но в Арканзасе, Нью-Джерси и Мэриленде еще и по сей день свидетельские показания атеистов не признаются и законной силы не имеют. 16 штатов грозят за антирелигиозную пропаганду денежными штрафами и тюремным заключением. На Юге юстиция подходит к одному и тому же преступлению с разной меркой в зависимости от цвета кожи обвиняемого. Длительные сроки тюремного заключения для негров за мелкие проступки — дело столь же обыкновенное, как и то, что белые убийцы чернокожих граждан не подвергаются судебному преследованию или же оправдываются жюри, состоящим из белых.

Различия в правовом положении в отдельных штатах естественно затрудняли деятельность федеральных органов.

Вначале компетенции ФБР были скромны, но с течением времени они все более расширялись. В 1912 го-

ду, например, ФБР занималось расследованием следующих дел: рабовладение, практикуемое в отношении белых граждан; перевозка алкогольных напитков из одного штата в другой; банкротства и мошенничество.

Коренное расширение полномочий принесла ФБР первая мировая война. Теперь ему вменялось в обязанность преследовать все попытки уклонения от воинской повинности, оно стало отвечать также за ведение контрразведки.

Корабль мертвецов на Гудзоне

Место действия — 54-й пирс, примерно в пяти милях севернее статуи Свободы на восточном берегу Гудзона, т. е. та часть Нью-Йоркского порта, которая предназначается для пассажирских судов трансатлантических линий. В один из весенних дней 1915 года здесь готовился к выходу в рейс океанский гигант, привлекавший к себе всеобщее внимание. Это была «Лузитания» — самый быстроходный тогда корабль на всей Северной Атлантике. Название этого роскошного английского лайнера вот уже несколько лет не сходило со страниц нью-йоркских газет.

Дотошные репортеры где-то пронюхали, что германский посол в США граф фон Бернсторф предостерегал своего друга по аристократическому клубу Альфреда Д. Вандербильта — железнодорожного короля Соединенных Штатов — от поездки в Англию на «Лузитанию». Кроме того, стало известно, что подобные намеки делали своим американским друзьям германский военный атташе Франц фон Папен и военно-морской атташе Карл Бой-Эд.

По слухам, «Лузитания» отплывала в Европу с грузом оружия и боеприпасов. Это, безусловно, представляло страшную опасность для почти двух тысяч пассажиров и членов команды в случае, если бы во время рейса в Ливерпуль корабль встретился в океане с германскими подводными лодками.

С самого начала первой мировой войны Великобритания установила морскую блокаду Германии, чтобы отрезать ее от морских путей подвоза. Командование кайзеровского военно-морского флота ответило неог-

раниченной подводной войной против британских военных и торговых судов. Причем германские торпеды топили любое судно, которое было внесено в морской регистр британского адмиралтейства в качестве вспомогательного. По приказу Уинстона Черчилля, тогда первого лорда адмиралтейства, с 17 сентября 1914 года «Лузитания» тоже была включена в число судов, которые пригодны для выполнения военных заданий, но только замаскированно. Официально она продолжала выполнять свою роль «фешенебельного судна» пассажирской линии Кунара.

Несмотря на строгую секретность, германской службе шпионажа удалось разведать цели рейса «Лузитании», и посол Бернсторф получил уведомление, что крупнейший корабль того времени включен в список объектов нападения германских подводных лодок.

Капитан «Лузитании» Тарнер и его офицеры всеми силами старались опровергнуть тревожные слухи, они прямо-таки излучали оптимизм, с их лиц не сходила показная улыбка.

— Это правда, капитан,— обратилась к нему одна из обеспокоенных пассажиров,— что нам угрожает встреча с германскими подводными лодками?

— Мы самое быстроходное судно на всей Атлантике, мадам,— отвечал Тарнер.— Нас не догнать никакой подводной лодке!

Однако, несмотря на все шуточные отговорки, нервная обстановка на борту корабля рассеивалась с большим трудом. В этом, без сомнения, были повинны и многие газетные репортеры, сновавшие на 54-м пирсе, чтобы вновь и вновь задать пассажирам вопрос: а не боитесь ли вы плыть на таком корабле? Кроме того, стало известно, что капитан Тарнер на «Лузитании» новичок. Его предшественник неожиданно и по непонятным причинам отказался от рейса как раз в момент, когда судно грузилось на другом пирсе.

Итак, что с «Лузитанией» неладно — тайной не являлось. Но чтобы не стали известны подробности, ФБР внимательно следило за всем происходившим на 54-м пирсе, не давая репортерам подняться на борт. В ответ на запросы была подтверждена официальная версия, что никаких военных материалов на корабль не грузилось и потому нет оснований опасаться за судьбу пассажиров.

Наконец по предъявлении «предварительного перечня грузов» «Лузитания» получила разрешение на выход в море.

Трансатлантический лайнер уже бороздил волны океана, когда «дополнительно» был подан «окончательный перечень грузов». Он составлял 24 страницы. Агенты ФБР запечатали список в пакет и приказали соблюдать строжайшую секретность. «Открыть только лично президенту» — стояло на пакете.

Пассажиры на борту «Лузитании» ничего об этом не знали. Постепенно нервное напряжение спало, рейс протекал гладко, океанский гигант уже взял курс на Ирландское море.

7 мая 1915 года — хронометры показывали ровно 2 часа по местному времени — командир немецкой подводной лодки «У-20» Швигер дал команду торпедировать «Лузитанию».

Подводная лодка сумела незамеченной приблизиться к кораблю на дистанцию 400 метров. Первая же торпеда попала точно в цель. «Лузитания» резко накренилась вперед, нос ее исчез в воде. На борту началась неопишуемая паника. Обезумевшие от ужаса пассажиры своими криками заглушали команды офицеров. Были спущены спасательные шлюпки, но многие из них сразу же перевернулись, и люди оказались в воде. В ночном аду прогремел второй взрыв. Пассажиры, еще несколько минут назад спокойно распивавшие в салонах шампанское и виски, бросались за борт, в соленые холодные волны Атлантики.

Через 18 минут все было кончено. Лучший корабль того времени скрылся под водами Ирландского моря. Но на месте катастрофы покой еще не воцарился. Тщетно звучали в ночной тьме отчаянные крики о помощи; мужчины и женщины, судорожно барахтаясь в воде, ожесточенно боролись за свою жизнь. Однако силы их быстро иссякали.

Жертвами торпедирования «Лузитании» стали 1198 человек, и только 761 удалось спастись. Среди утонувших было 114 граждан Соединенных Штатов, в том числе и знаменитый миллионер Альфред Д. Вандербильт, не внявший предостережению своего немецкого друга.

По США прокатилась волна невиданной ненависти к Германии. Еще никогда ни одно событие не оказы-

вало столь сильного воздействия на настроения американцев. Именно такая реакция и была «запрограммирована» и потому радостно воспринята Уинстоном Черчиллем и военной камарильей Великобритании, которые считали, что все средства хороши, лишь бы для усиления собственных позиций втянуть США в войну, а в самих Соединенных Штатах — представителями монополистической буржуазии, группировавшимися вокруг Моргана, штабами армии и флота, а также и ФБР. Это были группы, которые, в противоположность президенту Вильсону, агитировали за немедленное вступление США в войну на стороне Антанты. Сам американский президент и стоящие за ним монополистические группировки занимали выжидательную позицию, предпочитая официальный нейтралитет, чтобы сначала сделать гигантский бизнес на поставках военных материалов.

На этих поставках странам Антанты американские монополии нажили астрономические суммы, но некоторые из них надеялись в результате немедленного выхода США на поля сражений получить еще большие прибыли, не говоря уже о приобретении новых сфер влияния. Однако мнения о наиболее благоприятном моменте для объявления войны центральным державам расходились.

Стремясь подогреть военные настроения в США, заинтересованные круги принесли в жертву «Лузитанию» — почти две тысячи человек, отправленных через океан на корабле, трюмы которого до отказа были заполнены смертоносным грузом. Впоследствии репортеры установили, что перед рейсом на тот свет «Лузитания» взяла на борт более десяти с половиной тонн высоkobризантной взрывчатки.

«Это было чертовски грязное дело» — так прокомментировал дьявольскую игру с многими сотнями человеческих жизней один лорд из окружения Черчилля. ФБР имело в этом деле свои крупные акции, ибо оно знало, какой именно груз приняла на борт «Лузитания», когда еще стояла на якоре на Гудзоне. Прозвучавшие позже обвинения в свой адрес ФБР парировало лаконичным аргументом: мол ни один федеральный закон США во всей этой истории нарушен не был, а следовательно, в данном случае не было никакой необходимости для вмешательства ФБР.

«Для развития ФБР,— пишет один из его историографов, Фрэнк Арнау,— первая мировая война, бесспорно, имела решающее значение». В этом с ним согласны и другие авторы, занимавшиеся историей бюро. С 1914 года задачи и методы работы ФБР стали определенными, оно за короткий срок превратилось в криминальное ведомство США и, таким образом, стало осуществлять также функции внутренней секретной службы страны. В числе первых государственно-полицейских обязанностей ФБР был надзор за подозрительными иммигрантами, а также иностранными подданными.

Несмотря на различие во взглядах по вопросу о сроках вступления США в мировую войну, все монополистические группировки вместе с их новым инструментом власти — ФБР были едины в том, что любой противник войны в принципе является элементом подозрительным.

Во главе американских противников войны стояла организация «Индустриальные рабочие мира». «Мы,— говорилось в одной из прокламаций ИРМ,— открыто объявляем себя противниками всякого национализма, а также милитаризма, проповедуемого и поддерживаемого нашим врагом — классом капиталистов». Билл Хейвуд, руководитель этого профсоюзного объединения, избежавший «фрэйм ап» в 1907 году, теперь был вновь занесен в «черный список» ФБР и против него готовился новый процесс.

Памятуя о первом провале и учитывая, что, кроме выступлений против войны (это пока юридически наказуемым не являлось), инкриминировать Хейвуду было нечего, ФБР решило на сей раз подготовиться поосновательнее. Оно начало распускать слухи, будто Билл Хейвуд и функционеры ИРМ — германские агенты, получают от врага деньги и выполняют задания кайзеровского генерального штаба. Но будь во всех этих вымыслах хоть капля правды, Билла и его товарищей сразу же посадили бы за решетку. Поскольку же правды не было и следа, ложь стала совершенно очевидной. Однако эта диффамация послужила началом крупного и позорного для ФБР и американской юстиции маневра.

Чтобы запутать противников войны из рядов рабочего класса в сетях буржуазной юстиции, решили пойти на новые провокации. Во время военного парада в Сан-Франциско в 1916 году кто-то бросил бомбу. На мостовой остались 9 убитых и 40 раненых. Однако вместо того, чтобы начать интенсивный розыск злоумышленника, власти сразу же арестовали профсоюзных лидеров Тома Муни и Уоррена Биллингса. Невинность их доказывалась, в частности, неоспоримой фотографией, снятой далеко от места происшествия в то время, когда произошел взрыв. Но лжесвидетельство шпииков перевесило. Суд в Сан-Франциско приговорил обвиняемых к смертной казни. Протест мировой общественности и несомненная фальшивость «фрэйм ап» привели к «смягчению» наказания до пожизненного заключения в каторжной тюрьме. Тому Муни и Уоррену Биллингсу пришлось отсидеть более двадцати лет за стенами пользующейся печальной славой калифорнийской тюрьмы Сан-Квентин. В марте 1939 года они были «помилованы» и выпущены, но так и не реабилитированы.

Борьба против рабочего класса является пунктом номер один программы действий всех империалистических секретных служб. И ФБР с самого начала стало прибегать в этой борьбе к особенно грязным методам.

Однако в той области секретной службы, которая непосредственно входила в его компетенцию (а ФБР отвечало за борьбу со шпионажем и диверсиями внутри страны), оно оказалось отнюдь не на высоте своих задач и потерпело ряд провалов.

Германский посол граф фон Бернсторф уже к августу 1914 года создал в США хорошо функционировавшую систему шпионажа и саботажа. В этом деле участвовали и такие видные немецкие дипломаты, как Бой-Эд и Франц фон Папен. Через пять месяцев после начала войны кайзеровский генеральный штаб дал им «зеленую улицу». В секретном предписании из Берлина говорилось: «В США диверсии должны распространяться на все предприятия, поставляющие военные материалы... Однако компрометировать посольство ни в коем случае недопустимо».

Вскоре в различных пунктах США стали взлетать на воздух склады боеприпасов и военные заводы, запылали военные объекты; на транспортных судах с воен-

ными материалами, пловших в Англию или во Францию, в открытом море вспыхивали пожары. Причины оставались таинственными, поджигателей и диверсантов схватить никак не удавалось. Но все это были лишь цветочки по сравнению с тем, что произошло 30 июля 1916 года.

На Блэк-Том-Айленд — перевалочном пункте Нью-Йоркского порта для транспортировки в Европу — взорвалось 2 тысячи тонн динамита. Взрыв был слышен в радиусе до ста километров; в Манхэттене, Бруклине и Джерси-Сити вылетели оконные стекла, погибло четыре человека. За этим взрывом последовали другие, не менее мощные. В Кингсленде диверсанты незаметно проникли на снарядный завод и устроили там взрыв, — нанесенный ущерб составил многие миллионы долларов. А в Уинсборо взрывом был разрушен мост, связывавший США и Канаду.

В том, что все это — дело рук германских агентов, сомнений не было. Но ФБР здесь оказалось бессильным. И тогда решили прибегнуть к новому подлому трюку — приписать все эти взрывы Биллу Хейвуду и его товарищам по ИРМ. Однако от ареста их все же пришлось воздержаться и ограничиться пока лишь распространением слухов, направленных на организацию нового «фрэйм ап».

Успехи германской секретной службы в США пришли не сами собой. Этому в значительной мере содействовали засланные агенты, причем нередко они даже занимали в США влиятельные посты, например, в редакциях газетного короля Уильяма Рандолфа Херста. Тогдашний шеф ФБР Биласки имел в руках документальные доказательства, но с головы всесильного газетно-журнального цезаря, который лично оказался замешанным в шпионских аферах, не упал ни единый волос. Херст принадлежал к числу властителей страны, а то влияние, каким он пользовался, налагало табу на любое подозрение в измене родине.

Кое-каких мелких рыбешек ФБР все же выловило. Однако какую-либо прямую связь Херста с Массачусетс-авеню, 1435—1439, в Вашингтоне, где помещалось германское посольство, до апреля 1917 года доказать не удавалось. Но и после этого персону самого Херста осталась незатронутой.

В феврале 1917 года в России было свергнуто са-

модержавие, и уже больше не исключалась возможность ее революционного выхода из первой мировой войны. В этой ситуации США сочли, что момент для их вступления в войну наступил: надо спасти для себя от старого порядка в Европе все, что можно. Речь шла прежде всего об Англии и Франции, которые получили от банкирского дома Морганов гигантские займы на покупку американского вооружения. В апреле 1917 года США вступили в войну — не в последнюю очередь для того, чтобы обеспечить мистеру Джону Пирпонту Моргану платежеспособность его должников.

Графу фон Бернсторфу пришлось убраться из Вашингтона. Закрылись двери германских консульств и в других городах США. В Нью-Йорке все оставленное германское имущество, включая консульские архивы, было передано на попечение швейцарских дипломатов и затем перевезено на склад швейцарского генерального консульства на девятом этаже дома № 11 на Бродвее. Среди этих материалов, как предполагало ФБР, могли находиться сведения и о германских агентах.

Операцию «Хаузбрейкер» («Взломщик») возглавил инспектор Чарльз Вуди. Агенты ФБР установили слежку за швейцарскими дипломатами и быстро выяснили, когда именно они отсутствуют в генеральном консульстве.

Прошла всего неделя со времени вступления США в войну, как в ночь с воскресенья на понедельник агенты ФБР тайно, с помощью изготовленных по следам ключей, проникли в помещение на девятом этаже дома № 11. Они ловко вскрыли запечатанные сургучом пакеты и толстые папки с делами. Шифровальные таблицы, переписка и другие документы исчезли в их черных кожаных сумках. Затем сургучные печати с кайзеровским орлом были так же ловко восстановлены, ибо ФБР никак не хотело, чтобы его обвинили в нарушении дипломатической неприкосновенности.

На следующий день, когда оперативной группе ФБР для вида было поручено расследовать взлом на Бродвее, актеры ночного спектакля уже замели все следы.

Полученный материал дал точные сведения о германских диверсионных актах. Во многих случаях здесь

действовала рука пресловутого тайного агента кайзеровского флота Франца фон Ринтелена. Прибыв в США с поддельным паспортом, он основал фирму «Э. Ф. Гиббонс инкорпорейшн», которая занималась экспортом вооружения в Европу. Таким образом Ринтелен вместе с грузом посылал в рейсы и адские машины, которые в нужный момент срабатывали, и корабли взлетали на воздух.

Честь ФБР оказалась задетой, его водили за нос, и оно теперь стремилось добиться успеха любой ценой.

Желанная бляха

Все началось с того, что шеф ФБР Брюс Биласки отправился в Чикаго. Проживавший там специалист по коммерческой рекламе некий А. М. Бриггс пообещал ему быстро прославить ФБР и создать высшему криминальному ведомству США большое «паблисити».

— Я рад, мистер Биласки, что мы так быстро поняли друг друга,— развязно приветствовал Бриггс своего гостя.— Давайте сразу же поговорим о деле. Мне известны ваши трудности, которые в результате войны стали еще большими. Надзор за миллионами иностранцев, обеспечение безопасности наших портов и военных предприятий, а теперь еще появятся и дезертиры, которых надо разыскивать. Впрочем, вы это знаете лучше меня. Но я подумал, и вот вам мое предложение: мы создадим добровольный союз патриотических граждан, который будет поддерживать бюро во всех делах, связанных с войной.

— Неплохое предложение,— молвил Биласки, однако тут же высказал опасение: — Нам действительно нужна быстрая помощь, но такая организация стоит денег, предстоит достать много денег. А для этого, в свою очередь, требуется время, да к тому же наш бюрократический аппарат работает медленно, несмотря на войну.

— Я подумал и об этом,— ответил Бриггс.— Добровольные помощники бюро должны сами нести расходы. Найдутся люди, которые охотно заплатят деньги за возможность так легко получить полномочия тайного полицейского.

Биласки был в восторге.

— Я, разумеется, не могу решить этот вопрос сам, мистер Бриггс, но уверен, что мы получим на то согласие федерального прокурора. Через три дня дело будет сделано!

Брюс Биласки сдержал слово. Генеральный прокурор США Томас У. Грегори был просто захвачен предложенной идеей. На четвертый день после разговора в Чикаго на свет божий родилась «Американская лига защиты» — «Америкэн протектив лиг», или сокращенно АПЛ. Центр лиги находился в Чикаго — в офисе мистера Бриггса.

Приток желающих превзошел все ожидания: через три месяца лига уже насчитывала 100 тысяч, а в октябре 1917 года — 250 тысяч членов. Бриггс верно рассчитал: жестяная бляха, которую каждый член лиги мог приобрести всего за 75 центов, оказалась могучим магнитом. На ней было выбито: «Секретный отдел АПЛ», и она давала своему владельцу полномочия на борьбу со шпионами, окружала его ореолом немалой власти. Особенно эти бляхи стали предметом вожделения среди уголовников. Многие сомнительные элементы сразу же заявили о своем желании вступить в лигу: теперь они могли прикрывать свои темные дела служебным удостоверением.

Использовали АПЛ для своих преступлений и правозащитные элементы. Так, в Бьютте (штат Монтана) шестеро праворадикальных членов АПЛ ворвались ночью в один пансион и схватили функционера ИРМ индейца Фрэнка Литтла. Затем они устроили над ним суд Линча и повесили его на железнодорожном мосту. За что? Литтл часто высказывался против войны и этим привлекал к себе внимание АПЛ.

Подобные расправы в духе суда Линча получали одобрение высших кругов. В Вашингтоне один из конгрессменов открыто выступил в защиту беззакония: «Лица, не признающие идеалов Соединенных Штатов, не могут взывать к закону, когда патриотически настроенные граждане нашей страны прижимают хвост какому-нибудь нытику».

И все же АПЛ не суждено было долго жить, ибо выполнением официальных задач лиги, охраной военных предприятий и тому подобными делами активно занималось менее пяти процентов ее членов. Основная же часть была пассивной либо пользовалась своей бля-

хой ради личной выгоды, как это делали и уголовные элементы. Прикрываясь членством в АПЛ, они совершали кражи под видом конфискаций или взломы под видом домашних обысков. Ущерб, наносимый частной собственности, возрастал с каждым днем, и деятельность АПЛ пришлось постепенно свернуть. Затем лига вообще была распущена. Официально это произошло 1 февраля 1919 года. ФБР снова пришлось принять на себя дела, которые временно были переданы АПЛ.

Имея сравнительно небольшое число сотрудников, ФБР сосредоточило свои силы на главных задачах. Одной из них продолжала оставаться борьба против организации «Индустриальные рабочие мира», которая по-прежнему стояла на антивоенных позициях. 5 сентября 1917 года Биласки решил нанести ей удар: оперативные группы ФБР устроили одновременный налет на помещения ИРМ по всей территории США. При этом были конфискованы все документы, а Билл Хейвуд и его 98 товарищей арестованы. Наконец-то давно задуманный «фрэйм ап» удался. На последовавшем затем инспирированном процессе были вынесены заранее предусмотренные вердикты о виновности, влекущие за собой длительное тюремное заключение. Большой Билл получил 20 лет тюрьмы, но легендарный профсоюзный лидер сумел нанести буржуазной юстиции поражение: в 1921 году ему удалось добиться освобождения.

Облава в Нью-Йорке

Вот уже несколько месяцев американские солдаты гибли на полях сражений в Европе. Газеты публиковали реалистические сообщения, рассчитанные на «патриотический энтузиазм», но достигли лишь обратного результата: ура-патриотическая волна, захлестнувшая в апреле 1917 года прежде всего мелкую буржуазию, шла на спад. Что же касается классово сознательного пролетариата, то он с самого начала боролся против милитаристских устремлений американского империализма.

Произошло то, что и должно было произойти. Многие молодые граждане США стали уклоняться от военной службы: бежали в Мексику или временно переходили на нелегальное положение у себя на родине. Они

не испытывали никакого желания отдавать свою жизнь за интересы Уолл-стрита. По обоснованным оценкам, от военной службы в то время уклонялось более 100 тысяч военнообязанных.

Таким образом, в конце 1917 года борьба с уклонением от военной службы стала для ФБР главной проблемой. Министерство юстиции создало для этого специальный военный отдел. Особое внимание руководства привлекал к себе заместитель начальника этого отдела, которому было всего 22 года. Деятельный, явно стремящийся к блестящей карьере адвокат, который только что закончил учебу, но уже показал себя достаточно неразборчивым в средствах. Звали его Дж. Эдгар Гувер. Итак, теперь он вступил на вашингтонскую политическую сцену, на которой и подвизался полвека — больше, чем какой-либо другой правительственный чиновник. Гувер стал одной из самых могущественных и влиятельных фигур в Вашингтоне. Его «начальниками» были 10 президентов США — от Вильсона до Никсона, и кое-кто из них дрожал перед ним. Тогда, в 1917 году, Гувер поначалу руководил в военном отделе регистрацией подозрительных иностранцев.

Во время облав уже были выловлены сотни дезертиров, но движение противников войны продолжало шириться. Военный министр Бейкер сообщал, что на 10 июня 1918 года число дезертиров возросло до 308 489 человек. Это соответствовало численности личного состава примерно 25 дивизий.

Тогда шеф ФБР Биласки решил провести крупную акцию с основной целью вызвать шоковый эффект. Руководство ею было поручено инспектору Чарльзу Вуди, который год назад осуществил операцию со взломом на Бродвее. Ему подчинялись 35 сотрудников ФБР, обладавшие неограниченной командной властью над 1350 солдатами, 1000 матросами, 2000 надежных членов АПЛ и несколькими сотнями полицейских. Час «икс» был назначен на 7 часов утра 3 сентября 1918 года. Точно минута в минуту целые кварталы Нью-Йорка оказались плотно оцепленными, и началось планомерное прочесывание улиц, жилых домов, общественных зданий и вокзалов.

Облава продолжалась три дня. Схваченных группами по сотне человек солдаты с примкнутыми шты-

ками загоняли в военные арсеналы. Среди 50 тысяч задержанных находилось примерно 16 тысяч дезертиров. Их предали военному суду или отправили обратно на фронт.

ФБР было опьянено успехом и требовало дальнейшего расширения своих полномочий в борьбе против «государственных врагов США».

Мистер Пальмер действует

11 ноября 1918 года закончилась первая мировая война. Из 9,5 миллиона убитых на этой империалистической бойне на долю США пришлось чуть более одного процента.

Многие крупные собственники воевавших капиталистических стран благодаря огромным военным прибылям вошли в касту миллионеров. Доля США в этих прибылях составляла 75 процентов, и таким образом Соединенные Штаты Америки стали богатейшей в мире страной, «откормленной, выросшей и процветающей на крови», как писал Уильям З. Фостер.

Но радость правящих кругов США, вызванная этим новым и перспективным положением в борьбе за мировое господство, была омрачена тем, что на одной шестой части земного шара рабочие и крестьяне уничтожили капиталистический строй. С победой Великой Октябрьской социалистической революции развернулся общий кризис капитализма; его последствия не щадили и США.

Возросли солидарность и активность американского рабочего класса. В 1919 году бастовало 4 160 348 рабочих — невиданное до тех пор в США число. 31 августа и 1 сентября 1919 года в США образовались две коммунистические партии, которые вскоре осознали незначительность расхождений в своих взглядах и затем 15 мая 1921 года объединились в Коммунистическую партию США.

К этому времени планы мирового империализма уничтожить молодую Советскую страну военной силой провалились. Послевоенный экономический бум перешел в 1920—1921 годах в прочный экономический кризис. Все это вместе и породило в США период «красной истерии». Теперь вина за все пороки американской жизни, даже за рост преступности, который

явился следствием империалистической войны, возлагалась на «большевистских агентов». Чаще всего эти бредовые идеи и злонамеренные фальсификации исходили от нового генерального прокурора США А. Митчелла Пальмера. Его кредо было таково: «Каждый, кто примыкает к этому (коммунистическому.— *Перев.*) движению,— потенциальный убийца и потенциальный грабитель, а потому не заслуживает снисхождения».

Предлог для вспышки безмерной ненависти Пальмера к большевизму дали ему два неизвестных субъекта, которые в июне 1919 года взорвали бомбу вблизи Белого дома и при этом погибли сами.

Пальмер решил перейти в наступление против «красных».

В начале 1919 года ушел в отставку шеф ФБР Биласки. Во главе бюро встал Уильям Флинн, бывший начальник «Сикрит сервис». Вскоре для организации слежки и контроля за всеми демократическими и революционными движениями в США при ФБР был создан Общий сыскной отдел — «Дженерал интеллидженс дивижн» и его начальником назначен не кто иной, как Дж. Эдгар Гувер.

Как писал Макс Ловенталь в своей вышедшей в 1950 году (вопреки воле Гувера) книге «Федеральное бюро расследований», «перед Бюро расследований стояла проблема, и она была решена в течение первых десяти дней существования отдела мистера Гувера. Это проблема получения сведений, в которых нуждалась штаб-квартира. Детективы собирали материал у тайных информаторов, у соседей или личных врагов тех лиц, за которыми велась слежка. Агенты разузнавали, что говорили об этих лицах или каких поступков можно от них ожидать. Речь шла и о сведениях, касавшихся личных склонностей и личной жизни этих людей. Агенты и доносчики постоянно побуждались сообщать все, что им становится известно. Спрос на информацию такого рода был велик».

После того как Гувер заслал в ряды обеих существовавших тогда коммунистических партий США своих секретных агентов и таким образом получил возможность быть в курсе их дел, знать о местонахождении их руководящих функционеров, он и Паль-

мер смогли нанести крупнейший удар по прогрессивным силам страны.

27 декабря 1919 года агентам отдела Гувера было дано указание встретиться со своими тайными информаторами и поручить им использовать все свое влияние, чтобы в одно и то же время были созваны собрания ячеек обеих компартий. На этот самый момент была запланирована операция, одновременно проведенная в 30 городах США и вошедшая в историю ФБР как «рейд Пальмера». 2 января 1920 года агенты ФБР и вооруженные полицейские ворвались в помещения, где собрались рабочие, напали на них и произвели массовые аресты.

Дон Уайтхед в своей официальной истории ФБР сообщал о 2500 арестованных. В действительности число их превышало 10 тысяч, причем в маленьких городах 97 процентов было задержано даже без ордера на арест. Эти данные привел американский журналист Фред Дж. Кук в 1958 году в журнале «Нейшн». Сообщение Кука разоблачало ряд фальсификаций, имевшихся в официальной истории ФБР, и потому пресса крупного капитала начисто замолчала его. Благодаря Куку стали известны некоторые подробности, раскрывающие роль Гувера в облаве 2 января 1920 года. Подробности, особенно неприятные для верхушки ФБР, ибо участие будущего шефа бюро в этой попирающей всякое право и закон операции до тех пор отрицалось. Так, Кук доказал, что Гувер лично подписывал приказы о проведении акции и всю ночь находился в своем кабинете, чтобы принимать донесения об арестах. Соответствующие телеграммы имеют пометки: «Вниманию м-ра Гувера». Некоторых арестованных временно отпускали под залог в 500 долларов, но только с личного согласия Гувера. Затем он высказался за повышение суммы залога до 10 000 долларов, заплатить которые для рабочего было заведомо невозможно.

О том, как обращались с арестованными, свидетельствуют материалы тех лет. Один адвокат из Детройта писал в сенатскую комиссию: «В помещении, отведенном для арестованных, невозможно было даже нормально стоять... Агенты министерства юстиции не позволяли увидеться с заключенными ни адвокатам, ни женам, ни родственникам... В здании почтамта им

пришлось спать на каменном полу, не имелось ни коек, ни одеял». У. О. Карред, сотрудник Детройтского почтамта, сообщал следующие подробности: «В узком коридоре сгрудились 800 человек. Коридор освещался лишь одной тусклой лампочкой... В очередь в единственную уборную постоянно стояло 40—50 человек... Вонь была нестерпимая...» После подобных издевательств многие из арестованных были приговорены к длительному тюремному заключению.

Беззакония и произвол со стороны тайной полиции заклеямили многие прогрессивные деятели за рубежом, в частности Бернард Шоу. В самих США — в профсоюзах, университетах, адвокатских кругах, среди журналистов — тоже раздавались многочисленные мужественные голоса. Они требовали восстановления права и законности. Однако ФБР вновь и вновь находило способы обходить юридические нормы.

Преступление в Дедхеме

Выстрелы в Саут-Брейнтри

Бриджуотер — маленький городок в штате Массачусетс, примерно в 30 милях южнее Бостона. К числу его наиболее известных предприятий принадлежала обувная фабрика Уайта. Многие жители Бриджуотера зарабатывали себе там на хлеб насущный.

24 декабря 1919 года среди рабочих фабрики царило приподнятое настроение, и не только из-за предстоящего рождества, но и от ожидания назначенной на этот день выдачи зарплаты. Однако все осложнилось, машина с деньгами на пути к фабрике подверглась нападению грабителей. Какой-то автомобиль вдруг загородил ей дорогу, а сидевшие в нем гангстеры открыли огонь. Уайтовские служащие не растерялись и ответили тоже массированным огнем, на что грабители явно не рассчитывали. Они обратились в бегство, исчезнув так же неожиданно, как и появились. Кто это был, так и не удалось установить.

Но через три месяца произошел еще один аналогичный случай, финал которого стал трагическим. На этот раз место действия — небольшой городок Саут-Брейнтри близ Бостона.

15 апреля 1920 года два кассира фирмы «Слейтер энд Морилл» несли контейнеры, в которых находилось 16 тысяч долларов, предназначавшихся для выплаты на одном из предприятий этой фирмы. Вдруг прямо перед ними остановилась машина, из нее выскочили двое гангстеров, хладнокровно застрелили обоих кассиров, схватили контейнеры, бросились в автомобиль, в котором сидели еще трое преступников, и молниеносно скрылись.

То были лишь первые звенья длинной цепи преступного насилия, охватившего страну и известного в истории Соединенных Штатов Америки как «дикие 20-е годы». Криминальный отдел полиции штата Массачусетс, которому поручили расследование обоих инцидентов, ничего установить не смог. В отделе действовали, конечно, не корифеи криминалистики, но это объясняет их бессилие лишь отчасти. Гораздо более важным было то, что полицейская деятельность отдела сосредоточивалась отнюдь не на расследовании преступлений, а преимущественно на «охоте за коммунистами».

2 января 1920 года Пальмер и Гувер, как уже отмечалось, провели крупную операцию ФБР против рабочего класса. Местные полицейские силы, в том числе и полиция Массачусетса, занялись вслед за тем «чисткой» своих территорий. Поэтому совершенному 15 апреля 1920 года убийству двух кассиров не уделили достаточного внимания. В полиции, как писал Уильям Д. Хэйвуд, господствовало мнение, что «уголовные элементы существованию капиталистического строя не угрожают; ее задача — уничтожить организации рабочего класса».

Однако широкие слои населения ожидали от полиции эффективной защиты от преступников, избавления от угрозы перед новыми убийствами и бандитскими налетами.

В атмосфере роста неуверенности и страха 3 мая 1920 года в Нью-Йорке произошло следующее.

Как обычно, в южном Манхэттене царил лихорадочное оживление. Люди сновали по узким, как ущелья, улицам, каждый занятый своими заботами. И потому лишь немногие успели заметить, как в воздухе мелькнуло что-то темное. Затем прохожие услышали душераздирающий вопль и глухой удар. Взвизгнули тормоза автомобилей, послышались крики ужаса. На мостовой лежал труп человека. Через несколько минут район был оцеплен, полицейские бросились к месту происшествия, поскорее положили мертвеца на носилки и помчались в здание, из которого выбросился погибший. Это было здание Нью-Йоркского суда.

Немного погодя стало известно, что погибший — итальянец Андреа Салседо. Во время охоты за «нежелательными иностранцами», подозревавшимися в сим-

патиях к коммунистам, он был в феврале 1920 года арестован агентами ФБР. Что они сделали с ним, неизвестно. Так или иначе, 3 мая он выбросился из окна 14-го этажа здания суда штата Нью-Йорк. Было ли это самоубийство, вызванное невыносимыми муками, или же Салседо просто-напросто выкинули из окна — знали только агенты ФБР, допрашивавшие его, но они предпочитали молчать.

В гуверовском списке

Организованные рабочие, особенно итальянцы, потребовали расследования. На 5 мая в Броктоне (штат Массачусетс) был назначен митинг протеста. Но на пути к месту сбора, в вагоне трамвая, арестовали двух организаторов митинга — 29-летнего Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти, который был тремя годами старше. Оба они иммигрировали в США из Италии в 1908 году, чтобы избавиться от нужды, царившей на их родине. Разочаровавшись в социальных и политических условиях США, они нашли контакты с американским рабочим движением. Чтобы не участвовать в мировой войне, оба уехали в Мексику, в результате чего попали в «черный список», хранившийся в регистратуре разведывательного отдела Гувера.

ФБР, разумеется, сразу заинтересовалось, нет ли против Сакко и Ванцетти каких-либо компрометирующих материалов. Так выявился факт их дезертирства, и полиция штата Массачусетс была поставлена об этом в известность.

Когда затем выяснилось, что Сакко служил вахтером на обувной фабрике в Саут-Стейтоне, у сотрудников отдела Гувера возникла дьявольская мысль: этот парень наверняка должен точно знать о доставке денег для обувных фабрик, а следовательно, вполне можно инкриминировать ему участие в обоих нераскрытых разбойничьих нападениях неподалеку от места его жительства и работы. Эту версию стали развивать дальше. Ванцетти, торговец рыбой, является сообщником Сакко. Оба, как утверждалось, нуждаются в больших деньгах для финансирования своей политической деятельности. ФБР спешило расплатиться по выданным им же самим векселям: население с нетерпением ожидало обещанного расследования грабительских налетов и, если американцам преподнести пойманных

«злоумышленников», в стране быстро наступит успокоение. Но еще большего эффекта ожидало ФБР от самого факта осуждения двух функционеров рабочего движения. Если удастся в судебном порядке «установить», что подобные люди и есть разыскиваемые грабители и убийцы, это движение будет крайне дискредитировано. Так Сакко и Ванцетти стали жертвами чудовищного судебного преступления.

22 июня 1920 года в Плимуте начался первый судебный процесс по делу о нападении в Бриджуотере в рождественский вечер 1919 года. Неожиданностью явилось то, что Николо Сакко на этом процессе не фигурировал, ибо директор его фабрики представил доказательства, что в тот вечер Сакко работал в Саут-Стейтоне. Правда, Ванцетти в момент преступления тоже видели совсем в другом месте. Но свидетели, которые заявили об этом факте, были итальянцы, и показания их заранее объявили недостоверными. Судья Уэбстер Тэйер прекрасно знал, на каких хилых ножках держались обвинения и «доказательства» против Ванцетти, но, поскольку справедливость ему была не нужна, он гнуснейшим образом оказывал давление на присяжных. «Если даже этот человек,— нагло заявил Тэйер,— возможно, и не совершил преступления, в котором обвиняется, все равно он морально виновен, ибо является врагом наших существующих институтов».

Своим приговором Тэйер преследовал вполне определенную цель: впереди еще предстоял главный процесс, предметом которого должны были служить события в Саут-Брейнтри. Игру там было бы легче выиграть, если бы один из обвиняемых по новому процессу оказался уже «ранее судимым рецидивистом».

Сказка о кольце

Судебный фарс начался 31 мая 1921 года в городе Дедхеме. Сакко и Ванцетти обвинялись в том, что они убили в Саут-Брейнтри двух человек.

Официально дело это не входило в компетенцию ФБР, ибо следствие вели власти штата Массачусетс. Но в дальнейшем стало известно, что ФБР и особенно Дж. Эдгар Гувер принимали большое участие в этом «фрэйм ап» — «игре с заранее обусловленным исходом»: «доказательства» были сфабрикованы в вашинг-

тонском центре ФБР. Здесь были названы и некоторые «свидетели».

Семеро мужчин и женщин заявили на суде то, что так хотелось услышать прокурору: они, мол, свидетельствуют, что Сакко и Ванцетти во время убийства в Саут-Брейнтри находились на улице. Многие показания не давали никакой возможности уверенно отождествить обвиняемых с убийцами, но представители обвинения рассматривали их как неоспоримые доказательства. «Мужчина, которого я видела, был иностранец,— заявила, к примеру, одна из свидетельниц обвинения,— потому что на лицо он был иссиня-черный, как иностранец после бритья».

28 человек, бывшие очевидцами убийства в Саут-Брейнтри, показали под присягой, что ни одного из обвиняемых итальянцев они там не видели. Служащий итальянского консульства заявил, что 15 апреля 1920 года, т. е. в день грабительского налета, встречался с Сакко в Бостоне. Еще 11 свидетелей утверждали, что в день нападения Ванцетти находился на работе в 40 километрах от места преступления. Но показания этих свидетелей были отброшены прокурором с порога: ведь речь идет об иностранцах, к тому же об итальянцах, а всем известно, как ловко они могут обманывать.

Поскольку при помощи «свидетелей» изобличить обвиняемых все же не удалось, пришлось прибегнуть к другому трюку.

В вещах Сакко нашли старый ржавый кольт 32-го калибра. Итальянец приобрел его много лет назад и брал с собой на дежурства, когда работал сторожем, но ни разу за последние месяцы из него не стрелял. Тем не менее оружие было приобщено к обвинительному материалу.

Поскольку у Ванцетти собственного оружия не имелось, ему его подсунули. Один из двух убитых 15 апреля 1920 года кассиров, по фамилии Бераделли, отстреливался из револьвера типа «Гаррисон энд Ричардсон». После нападения револьвер бесследно исчез. Но вскоре среди улик против Ванцетти вдруг стал фигурировать аналогичный револьвер. Итальянец якобы отнял его у «своей жертвы» и застрелил ее.

Ныне экспертизы оружия принадлежат к общепризнанным методам судебного следствия во всех судах

мира. Но тогда, в 1921 году, результаты этих экспертиз являлись еще спорными, ибо знания в данной области были весьма ненадежны и приблизительны. Однако на процессе против Сакко и Ванцетти обвинение, не располагая никакими конкретными доказательствами вины на самом деле невиновных подсудимых, сделало выводы «оружейной экспертизы» критерием истинности своих утверждений.

Настоящих научных экспертов обвинение представить не смогло, а использовало лиц, «авторитет» которых должен был заранее исключить всякое недоверие к их выводам. «Звездой» среди них был капитан Проктор, начальник полиции штата Массачусетс. Он заявил, что сможет рукой протолкнуть пулю через ствол кольца Сакко, чтобы тем самым доказать ее тождество с теми пулями, которыми стреляли преступники. Попытка не удалась. Тогда осрамившийся Проктор заявил, что подобный эксперимент вообще ни к чему, так как он уже и без того основательно исследовал револьвер Сакко.

Прокурор спросил: «Смертельная пуля была пущена из кольца Сакко?»

Проктор ответил: «Мое мнение: по внешнему виду пули похоже, что она выстрелена из кольца Сакко».

Другой эксперт тоже не смог полностью рассеять сомнения в истинности утверждения. «Я склонен считать,— заявил некий ван Амбург,— что пуля пущена из этого револьвера».

Капитан Проктор отказывается

Защита вынуждена была противопоставить этим утверждениям заключения ряда экспертов по огнестрельному оружию, причем адвокату Муру удалось привлечь специалистов, которые много лет проработали на оружейных заводах и квалификация которых действительно не вызывала сомнений. Так, Джеймс Барнс, прослуживший на заводах «ЮС Картридж компани» 30 лет, вполне определенно заявил, что ни одна из найденных на месте преступления пуль не могла быть выпущена из револьвера Сакко. Дж. Генри Фитцджеральд, проработавший в оружейной промышленности 28 лет, сказал: «Я не нахожу на пулях, которыми были убиты потерпевшие, никаких следов, которые можно

было бы сравнить со следами хотя бы на одной из пуль из револьвера Сакко».

Заключения экспертов обвинения вызывали сомнения, выводы же экспертов защиты были вполне определены. Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти — сначала с надеждой на справедливость, а затем с горечью — продолжали утверждать свою невиновность.

Процесс длился несколько недель, прежде чем суд удалился на совещание. Присяжные потребовали представить им для обозрения одну из пуль, о которых шла речь, и с детской наивностью разглядывали пулю и револьвер. После пяти часов обсуждения они вынесли свой приговор:

«Сакко и Ванцетти виновны в убийстве первой степени».

15 июля 1921 года весть о скандальном приговоре, попирающем всякое правосудие, мгновенно облетела весь мир. Поднялась волна возмущения, началась длившаяся шесть лет борьба за жизнь невиновных. В Германии фронт протестующих против судебного преступления включал не только коммунистов, но и таких известных прогрессивных деятелей культуры, как Генрих Цилле, Макс Либерман, Томас и Генрих Манны, Макс Райнгардт, и даже представителей буржуазии.

Защитник Сакко и Ванцетти сумел доказать их невиновность свидетельствами еще двух крупных ученых, в том числе профессора Джилла.

Капитан Проктор, основной эксперт обвинения, заявил, что в лихорадочной атмосфере процесса не смог высказать свое истинное мнение, и добавил: «Я слишком стар, чтобы видеть, как обоих итальянцев казнят за то, чего они не делали!»

Отказались от своих показаний и два «свидетеля», выступавшие на процессе против Сакко и Ванцетти. «Мы никогда не видели этих итальянцев в Саут-Брейнтри», — признались они.

Невиновность обвиняемых стала очевиднее, чем когда бы то ни было.

В ходе борьбы за справедливость сенсацию вызвало еще одно сообщение. Селестино Мадейро, молодой профессиональный преступник, по национальности португалец, признался по собственной воле: «Настоящим заявляю, что вместе с бандой Морелли я прини-

мал участие в преступлении против обувной фабрики в Саут-Брейнтри и что Сакко и Ванцетти не имеют с этим ничего общего».

Это признание могло бы послужить достаточным основанием для пересмотра дела, но все запросы и ходатайства остались без результата. Власти Массачусетса отклонили кассационное рассмотрение дела, а из девяти членов Верховного суда США ни один не проявил готовности принять участие в новом процессе. Ни власти небольшого северо-восточного штата, ни Вашингтон, ни тем более ФБР, незаконные махинации которого в данном деле уже стали известны общественности, естественно, не могли быть заинтересованы в том, чтобы Юстиция склонила чашу весов на сторону истины. На чашу несправедливости судебные органы Массачусетса положили весомый груз — заключение Кэлвина Годдарда, который в начале 1927 года предложил свои услуги, чтобы «наконец внести в дело об убийстве, совершенном Сакко и Ванцетти, неопровержимую ясность».

Человек этот прожил бурную жизнь, прежде чем бросил открывавшую блестящие перспективы медицинскую карьеру и вступил в американскую армию, где дослужился до майора. Из медицинской службы он вскоре перешел в оружейно-техническую. Там он занялся модным в ту пору делом — стал «экспертом по огнестрельному оружию». Метод его, как он сам позднее признавался, «еще не исключал некоторые возможности ошибок». Тем не менее весной 1927 года он категорически констатировал: «Пуля, убившая охранника, несомненно, была выпущена из револьвера Сакко».

Казнь была назначена на 10 июля 1927 года. Дабы придать ей видимость справедливости, губернатор Массачусетса Фуллер 1 июля распорядился об ее отсрочке и назначил следственную комиссию из трех человек. Во главе этих трех престарелых людей, почтенный возраст которых призван был рассеять любые сомнения в «справедливости» приговора, стоял 72-летний президент Гарвардского университета Эббот Лоуренс Лоуэлл. Фуллер с толком подобрал состав комиссии, и спустя короткое время она заявила, что не видит никакого основания для пересмотра дела.

Ранним утром 10 августа Сакко и Ванцетти, наголо остриженные, ожидали палача. Но судебный аппарат

США начал свою часто практикуемую игру: незадолго до казни смертникам объявили, что она откладывается.

Весь мир протестовал, но тщетно: 23 августа 1927 года невинно осужденные погибли на электрическом стуле.

По всему миру прокатилась волна гнева и возмущения. В Париже дело дошло до баррикадных боев, в Берлине Эрнст Тельман выступил перед 150 тысячами рабочих, собравшимися на траурный митинг.

ФБР сделало свои выводы из этого дела: оно назначило Кэлвина Годдарда главным экспертом бюро по огнестрельному оружию, и в этой должности он служил государственной полиции США вплоть до самой своей смерти в 1955 году. «Заключением» по делу Сакко и Ванцетти Годдард заложил краеугольный камень своей карьеры.

Главный процесс этого зловещего судебного фарса, жертвами которого стали Сакко и Ванцетти, начался в 1921 году, в то самое время, когда ФБР повело упорную борьбу за расширение собственной власти, что отнюдь не мешало, как мы видели, единым действиям реакции против рабочего класса.

«Звезда» ФБР Гастон Минс

Покер в Огайо

Уоррен Дж. Гардинг был мужчиной представительный, импозантный и всегда, даже без видимых причин, излучавший уверенность и оптимизм, но человек он был ограниченный.

Гардинг издавал в штате Огайо небольшую провинциальную газету. Любимым его занятием была игра в покер. Каждую субботу его можно было видеть среди игроков, и карты до глубокой ночи не сходили со стола. В кругу этих «веселых игроков», которые умели пользоваться своей властью и политическим влиянием не хуже, чем играть в покер, вот уже некоторое время обсуждалась идея, впервые пришедшая в голову банкирам Чикаго, а затем действительно осуществленная: мистер Гардинг стал 29-м президентом Соединенных Штатов Америки и 4 марта 1921 года перебрался в Белый дом. Он провел свою избирательную кампанию под лозунгом-приманкой «Назад к нормальным временам!», а помогали ему его влиятельные друзья по карточному столу. Многие американцы были сыты по горло послевоенной неразберихой и кризисами и поверили обещаниям столь браво выглядевшего республиканца. Крупные банки Нью-Йорка и Чикаго, а также монополии тоже сделали ставку на Гардинга, ибо считали, что при нем они смогут легко блюсти свои интересы. И Гардинг не обманул их надежд.

«Знаменитый мистер Бернс»

Начались персональные перемещения в администрации США. Прежде всего Гардинг перетащил из Огайо в Вашингтон своего партнера по покеру Гарри

М. Догерти и назначил его генеральным прокурором США. Тем временем уполномоченные монополий подыскивали нового шефа для ФБР и наконец нашли его в окружении президента. Это был некий Уильям Дж. Бернс, мелкий, но ловкий частный детектив, который высокопарно называл свою контору «Интернациональное сыскное агентство Бернса» и снискал себе симпатии различных предпринимателей готовностью слушать им.

Например, в 1912 году в ходе одного процесса чуть было не схватили за руку кое-кого из крупных финансистов. Бернс получил задание отвести от них грозящую опасность и сделал это великолепно. Ловким трюком ему удалось подобрать в присяжные своих, надежных людей.

Во время забастовочных боев послевоенного периода в сыском бюро Бернса царил штиль, и босс судорожно искал новых заданий. Он писал письма предпринимателям, расхваливая свое агентство: его шпики могут взять на себя слежку за рабочими на предприятиях и за профсоюзными собраниями, чтобы узнавать, «когда, где и каких нужно ждать стачечных беспорядков». В «актив» Бернса можно было зачислить и то, что он был другом детства нового генерального прокурора Догерти.

Правда, президент сначала медлил с назначением Бернса: надо было найти подходящий предлог для отставки тогдашнего шефа ФБР Уильяма Дж. Флинна. Но стоявшие за Бернсом предприниматели нажимали. Вице-президент одного чикагского банковского консорциума писал Гардингу: «Ни один человек его профессии в США не имеет столь многочисленных приверженцев в банковских кругах, как международно известный криминалист Уильям Дж. Бернс».

Орган финансистов «Чикаго бэнкер» писал: «Вся Пенсильвания-авеню (банковский центр в Вашингтоне.— Авт.) рада слухам, что президент Гардинг намерен сделать Уильяма Дж. Бернса «главнокомандующим» всеми криминальными и секретными службами федерального правительства. Генеральный прокурор Догерти, знающий Бернса много лет и в определенных случаях пользующийся его услугами, высказывается за его назначение! Бернса поддерживают также влиятельные хозяйственные круги, прежде всего те, которые

контролируются определенными банкирскими домами Нью-Йорка. Рабочие против Бернса, но вне профсоюзов каждый за него».

Действительно, прогрессивные профсоюзы следили за ходом событий с возрастающим беспокойством, в Белый дом поступало множество резолюций протеста против назначения шпика монополистов на должность начальника ФБР.

Все же 18 августа 1921 года решение было принято: Уильяма Дж. Бернса назначили новым шефом ФБР, а Флинна телеграммой известили об отставке. А еще через несколько дней, 22 августа, был назначен и новый заместитель — Дж. Эдгар Гувер.

Бернс стал подбирать новых специальных агентов. Через два месяца после вступления в должность он зачислил первого из них — своего друга Гастона Б. Минса. Этот человек из «лучших домов» Северной Каролины никогда в жизни не занимался каким-либо трудом, но всегда имел большие деньги, происхождение которых было весьма сомнительным. Некоторые смелые репортеры «Нью-Йорк сан» разузнали кое-что из прошлой жизни Минса.

«Минс известен прессе уже давно. В 1916 году он был германским агентом и получал деньги за то, что вредил английским торговым связям. В 1917 году он обвинялся в убийстве одной богатой вдовы, миссис Мод А. Кинг, которая была убита выстрелом из пистолета именно тогда, когда находилась в Северной Каролине в обществе Минса. Он был оправдан, но затем обвинен другим судом в использовании подложного завещания, которое отдавало ему в руки почти все состояние миссис Кинг. И вот теперь мы встречаем этого человека в министерстве юстиции в роли следственного чиновника».

Новый специальный агент начал службу с того, что первым делом уладил некоторые собственные старые делишки. Он сразу же разыскал прокурора, который в свое время привлек его к суду за поддельное завещание. Явившись к пораженному прокурору, Минс предъявил служебный жетон, плюхнулся в кресло и положил ноги на стол. Господин законник, сказал он, верно, понимает, что заварил тогда с этим завещанием хорошую кашу: теперь ему придется ее расхлебывать. Но у него есть возможность привести это дело

в порядок и помочь ему, Минсу, вступить во владение наследством. Если же ему это не угодно, что ж, тогда пусть заплатит все издержки из собственного кармана.

Прокурор, пылая возмущением, написал жалобу шефу ФБР Бернсу. Ответ не заставил себя долго ждать. По делу о наследстве, говорилось в нем, в отношении мистера Минса допущена величайшая несправедливость. Вот уже несколько лет он ведет дневник, в котором содержится одна только правда. Из дневника видно, что мистер Минс не убивал указанную миссис Кинг, а также и не помышлял о какой-либо подделке завещания. Прокурор сам должен решить, как ему уладить свои отношения с Минсом.

Подобные уловки, само собой разумеется, мало кого могли убедить. Поэтому, несмотря на всю власть, которой обладал Бернс, нападки и жалобы на Минса продолжались. В конце концов, чтобы как-то нейтрализовать эти досадные инциденты, начальник ФБР пошел на трюк: 9 февраля 1922 года, спустя три месяца с начала службы, Минса уволили с должности специального агента, чтобы в тот же день зачислить на вновь учрежденную должность «докладчика». В этой роли он стал правой рукой некоего Джесса Смита, считавшегося в министерстве юстиции «серым кардиналом». Правда, официально Смит никакого правительственного поста не занимал, но имел личное бюро в министерстве юстиции. Позже стало известно, что Смит занимался не чем иным, как сбором информации о правительственных служащих, депутатах конгресса и других лицах. Минс выполнял его мелкие грязные поручения, без которых эти досье не были бы полными. В это время в Вашингтоне не принималось ни одного решения по кадровому вопросу без предварительной посылки материалов Смита Бернсу, ибо президент придавал рекомендациям шефа ФБР большое значение.

Таким образом, Джесс Смит находился у весьма важного рычага власти и нажимал его отнюдь не бескорыстно. Уже через год, в мае 1923 года, стало известно, что он умел выгодно продавать содержание своего досье тому, на кого оно было составлено. Говорили о дополнительных доходах на сумму в целых полмиллиона. Но что-то произошло, и «серый кардинал» неожиданно пустил себе пулю в лоб.

Разумеется, кроме контроля за кадровой политикой Уоррена Дж. Гардинга у ФБР в те годы были и другие обязанности. Сразу же в начале эры Бернса произошел один уголовный инцидент, который он весьма ловко использовал в личных целях.

В штате Джорджия некий фермер по фамилии Уильямс, чтобы иметь самую дешевую рабочую силу для своих плантаций хлопчатника, прибегал к весьма своеобразному методу. Он заключал настоящие договоры с надзирателями нескольких каторжных тюрем и лагерей принудительного труда и за «подушную плату» получал от них «цветных» заключенных, причем цена каждого арестанта, как во время рабовладения, зависела от его работоспособности. Затем негры должны были отрабатывать уплаченную за них сумму на ферме Уильямса, причем требовал он от них невероятно многого. Любого, кто хоть как-нибудь, пусть даже втихомолку, возмущался бесчеловечным мучительством, сразу отправляли обратно в тюрьму или лагерь и зачисляли в категорию «бежавших, но пойманных заключенных», что грозило самым суровым наказанием. Когда ФБР узнало об этих фактах современного рабства, оно хотя и начало расследование, но намеренно затягивало его; к тому же местные полицейские власти Джорджии всячески затрудняли работу специальных агентов.

То, что ФБР взялось за это дело лишь после долгого выжидания, стоило жизни еще четырнадцати неграм. Уильямс хладнокровно застрелил их, чтобы избавиться от неудобных свидетелей. Суд, состоявший исключительно из белых, приговорил фермера за убийство четырнадцати человек к пожизненному тюремному заключению. В Джорджии это значило, что через семь лет он наверняка выйдет из тюрьмы.

В начале августа 1923 года президент Гардинг возвращался из поездки на Аляску, но доехал только до Сан-Франциско, где и скончался 2 августа при загадочных обстоятельствах. Официально было объявлено, что он умер от пищевого отравления. Но серьезного расследования сопутствовавших обстоятельств не производилось, а подозрительные моменты не были ни подтверждены, ни опровергнуты.

Билл скачет на север

Ранчо Сильвермун отнюдь не относилось к самым крупным в Техасе. Луга его почти все выгорели и были малопродуктивны, пара домишек имела жалкий вид, а несколько быков и коров с тавром в виде полумесяца давали мало дохода. Поэтому в сравнении со своими соседями, имевшими внушительные стада, владелец ранчо Хейл был не очень-то богат.

Если тишина здесь вообще когда-либо нарушалась, то виной тому являлись Хейл и его ковбой. Правда, попытки ночью угнать чужой скот с других ранчо им редко удавались: соседи были настороже. Но кольт легко вытаскивался из кобуры, и для проезжих эта местность становилась все опаснее, поскольку их наличные деньги были призваны пополнять бюджет Хейла.

Во всех налетах участвовал и сын хозяина ранчо Уильям К. Хейл, по прозвищу Билл. Он любил этот способ приобретения денег и жалел лишь, что число проезжих так невелико. Семнадцатилетний парень считал, что работа на ранчо не для него. Поэтому из всех возможностей заполучать доллары у него оставалась только одна; ее-то он, черт побери, использует куда лучше, чем ленивые ковбои с ранчо его отца!

Однажды летом 1899 года Билл с восемью долларами в кармане — больше в хижине отца он найти не смог — и провиантом на два дня вскочил в седло и навсегда покинул родное ранчо. На поясе у него висели два колта, красноречиво свидетельствующие об избранном им ремесле. Так начал свою карьеру убийцы один из самых крупных преступников, какого когда-либо знали южные штаты и у которого за три с лишним десятилетия не упал ни один волос с головы.

Билл Хейл скакал на север. Как он слышал, где-то в Оклахоме есть сказочный район; в нем хозяйничают банды, о богатстве которых ходят фантастические слухи.

Билл неделями не слезал с седла, пока наконец не достиг желанного места. Теперь он с величайшей осторожностью стал наводить справки: с человеком, отправлявшимся в район действий банды, никто особенно разговаривать не хотел. И вот наконец перед ним горы графства Осейдж, дикая, изрезанная каньонами местность на территории индейской резервации. Ущелья и возвышенности, легко защитимые от любого нападения, служили бандам надежным укрытием, отсюда белые разбойники с большой дороги, взломщики и грабители предпринимали свои набеги. Преследователи лишь изредка отваживались на собственный страх и риск отправиться в горы Осейдж: шансы вернуться назад живыми были крайне малы. Белые преступники сознательно распространяли слухи, будто пропавшие стали жертвами «краснокожих». Точно так же индейцам приписывались и все те многочисленные разбойничьи нападения, после которых неопознанные преступники исчезали за границей резервации. Словом, для белокожих бандитов здесь имелись идеальные условия, чтобы заниматься своим грязным ремеслом.

Билл Хейл сумел присоединиться к одной из банд, но его надежды быстро завладеть богатством не сбылись; напротив, жизнь в примитивной палатке или в тесной пещере была куда менее комфортабельна, чем прежде в родной хижине. Хейла преследовала мысль, как бы поскорее разбогатеть. Тогда он нарушил неписаный закон этого края, своего рода гражданский мир между бандитами и индейцами. Бандиты не трогали индейцев — у них все равно нечего было взять, — а те терпели их выходки. Однако Билл Хейл стал грабить и индейцев. И когда кто-нибудь из них жаловался, что у него исчез скот, то наверняка можно было встретить в другом районе Хейла, продающего свежую говядину. Он с большой ловкостью отводил от себя подозрения и постепенно почти полностью переключился на торговлю, которая приносила ему больше дохода и была безопаснее, чем разбой. Но Хейл все еще не нашел свой счастливый случай.

Однажды утром Билл неторопливо оседлал коня и спустился с гор в индейский лагерь, чтобы потребовать деньги, которые он одолжил одному своему клиенту. Еще издали он услышал монотонные жалобные причитания: оказалось, должник его, старый индеец, умер. Хейл, пробормотав несколько слов лицемерного сочувствия, кратчайшим путем поскакал в небольшой городок Фэрфакс. Там он пожаловался адвокату, что у него с умершим индейцем якобы были крупные дела и тот остался ему много должен.

Через несколько дней родственникам индейца был вручен иск: мистер Уильям К. Хейл претендует на все имущество умершего, на его пастбища, рогатый скот и личную собственность, но и этим задолженность еще отнюдь не покрывается. Семья, знавшая о действительном небольшом долге, иск опротестовала. Дело дошло до судебного разбирательства. Хейл выставил своих «свидетелей» — мрачных и грязных личностей.

«Так точно, ваша честь, — заверяли они, — мы хорошо знаем претензии мистера Хейла. Мы не раз были свидетелями, как он требовал от краснокожего поскорее уплатить долги. Каждый раз индеец полностью признавал их и просил отсрочки. А теперь набралась уже такая большая сумма, что и самый богатый человек не смог бы вечно ждать ее возврата. Мы, ваша честь, если говорить прямо, всегда удивлялись терпению мистера Хейла. Поэтому будет справедливо, если теперь он получит хоть часть того, что ему на самом деле причитается. А если нет письменных расписок, то мистер Хейл не должен нести от этого ущерб. Доверие за доверие — таков всегда был его девиз. Между честными людьми расписки ни к чему».

Благодаря лживым показаниям своих друзей с гор Хейл выиграл процесс. Этот судебный фарс он повторял еще не раз и с другими индейцами. Стоило какому-нибудь индейцу отправиться на тот свет, как Хейл сразу же притязал на оставшееся имущество и каждый раз одерживал верх. Но главное было еще впереди.

В районе резервации вдруг была найдена нефть, и это послужило началом целой трагедии. «Договор о правах на землю», который вашингтонское правитель-

ство в свое время заключило с жившими здесь индейцами, отнюдь не предусматривал неограниченной собственности для жителей резервации, хотя в некоторых отношениях и был более благоприятным, чем договоры, заключенные с другими племенами. Так или иначе, из факта обнаружения нефти для индейцев формально вытекала двоякая материальная выгода: предприниматели были обязаны платить федеральному правительству с каждого барреля нефти налог, незначительная доля которого причиталась индейцам, и к этому добавлялись некоторые доходы от сдачи части территории резервации нефтяным боссам.

Кое-кто из 2200 индейцев этого племени действительно разбогател, хотя позже в официальных версиях доходы их были безмерно преувеличены. Об индейцах гор Осейдж писали, будто они самый богатый народ на земле, но-де богатство для индейцев бессмысленно: они не умеют им пользоваться. Индейцев выставляли в нелепом свете, людьми «третьего сорта», чтобы как-то оправдать многолетнюю пассивность властей в расследовании преступлений в отношении этого племени.

В графстве Осейдж обладание землей с нефтяными источниками стало опасным для жизни. Если раньше Хейл преступным образом присваивал себе имущество умерших, то теперь он сам стал заботиться о том, чтобы избранные им жертвы умирали «своевременно». Многие индейцы — точное число неизвестно — загадочным образом один за другим отправлялись на тот свет. Их находили то с пулей в черепе, то погибшими от «несчастливого случая», раздавленными на ровном месте глыбами скал, само появление которых здесь было необъяснимым. Некоторые, выпив стакан виски, тут же в судорогах умирали с искаженным от боли лицом. И каждый раз выгоду от этого получал Хейл — от крупной страховки жизни, которая шла ему в карман, от подложных долговых расписок, которые без всякого труда признавались судом, или же от подозрительной грамоты на владение землей, составленной в пользу Хейла буквально накануне смерти индейца.

Ни одно из этого множества убийств расследовано не было. Полицию штата Оклахома то, что происходило в графстве Осейдж, нимало не волновало. К тому же Хейл всегда имел неопровержимое алиби, ибо не убивал собственноручно, а, как глава конторы

по убийствам, предусмотрительно держался в тени, режиссируя действиями своих прожженных бандитов из-за кулис. Если же кто-нибудь из этих субъектов не подчинялся или пытался болтать, через несколько часов он и сам становился мертвецом.

Пусть даже каждое преступление в отдельности не приносило большого дохода, в совокупности они дали Хейлу немалую прибыль. В 1920 году он покинул Осейдж и вернулся на свое ранчо. Прибранные им к рукам земли уже тогда составляли 20 тысяч гектаров, их дополняли стада крупного рогатого скота и лошади ценных пород. В Фэрфаксе Хейл приобрел половину акций одного банка, большой торговый центр, а также похоронное бюро, так что мог делать бизнес даже на погребении своих жертв. С тех пор его прозвали «королем гор Осейдж».

Однако новоиспеченному банкиру мало было достигнутого, серия убийств не прекращалась. Когда несколько индейцев поручили одному адвокату начать процесс против Хейла, этот адвокат неожиданно «выпал» из мчащегося поезда. Хейл обеспечил ему роскошные похороны. Теперь ни один адвокат не брался за дело, если его клиентом хотел стать индеец с гор Осейдж. Местные власти тоже ничего не предпринимали.

Тем временем банкир-убийца готовил дельце, которое одним махом должно было принести ему больше 300 тысяч долларов. В такую сумму примерно оценивалась собственность одной престарелой индианки по имени Лиззи Квирос. Она имела нефтяные акции и обладала неслыханным по индейским масштабам богатством. У нее было три дочери: Рита Смит — замужем за белым, Анна Браун, муж которой погиб от несчастного случая (в виде исключения без помощи Хейла), и, наконец, Молли — младшая, хорошенькая незамужняя девушка.

Банкир Хейл начал свое новое дело с того, что «напустил» на Молли своего племянника Эрнеста Буркхарта. Парень, выполняя задание, добился успеха и вскоре женился на Молли. Счастливый дядюшка Уильям дал деньги на свадьбу, которая состоялась в апреле 1921 года.

Вскоре таинственно исчезла Анна Браун. Через месяц труп ее, уже сильно разложившийся, с пулей в че-

репе, нашли в ущелье около Фэрфакса. Еще через несколько недель скончалась Лиззи Квирос. Поползли слухи, что конец ее ускорил какой-то ядовитый препарат. Чтобы волнение как-то улеглось, Хейл решил выждать и только в начале 1923 года распорядился совершить новое убийство. 6 февраля утреннюю тишину разорвал выстрел, и кузен Молли и Риты упал головой на руль своего «форда» модели «Т». Неуправляемая машина ударилась о фонарный столб, перевернулась, покатила под откос и взорвалась, охваченная пламенем. Поскольку жертвой был «цветной», местные власти Оклахомы на это происшествие не отреагировали.

Через месяц Уильям К. Хейл отправился на ежегодную ярмарку скота в Техасе. Когда он возвратился, Фэрфакс был охвачен ужасом и паникой, о чем он узнал еще на вокзале. В три часа ночи мощный взрыв потряс город, на воздух взлетел целый дом.

Хейл приказал немедленно отвезти себя к своему другу-шерифу, где получил приятное известие: причины взрыва выяснены быть не могут, поскольку никаких следов не осталось, а хозяев дома разорвало на куски. Этими хозяевами были Билл и Рита Смит, еще недавно проживавшие в резервации. Смит и его жена-индианка переселились в город по настоянию Хейла.

Вечером того же дня «король гор Осейдж» сидел в своем роскошном кабинете и подбивал итоги. Цель почти достигнута. Карандаш быстро бегал по бумаге, росли колонки цифр. 300 тысяч долларов старой Лиззи Квирос за это время должны были приумножиться. Теперь имущество Риты по наследству перейдет к Молли. Значит, остается одно-единственное препятствие, прежде чем все состояние окажется в руках его племянника Эрнеста. Ну, а с этим слабоумным парнем он уж как-нибудь справится.

Индейцы отнюдь не оставались равнодушными к преступлениям, совершаемым в отношении их соплеменников. Они посылали жалобы во все возможные инстанции и даже губернатору Оклахомы, прося защиты. Постепенно все поняли, что выгоду из всех этих убийств извлекал именно «король гор Осейдж». Но все прошения оставались без ответа, для защиты индейцев ничего сделано не было.

После взрыва в Фэрфаксе состоялся совет племени. Старейшины горько кляли судьбу, вырывавшую из их рядов одну жертву за другой. Теперь надо действовать по-другому, решили они и составили петицию министру внутренних дел в Вашингтоне. В петиции говорилось: «Поскольку убито много членов нашего племени и против них совершены и другие преступления, мы решили просить министра внутренних дел: пусть министерство распорядится схватить и предать суду убийц нашего племени». Затем следовал подробный список нерасследованных убийств и тех преступлений, в результате которых многие индейцы лишились принадлежавшего им имущества.

Скандал с «Чайником»

В апреле 1923 года письмо индейцев оказалось на столе министра внутренних дел, и обстоятельства, определившие в те недели ход событий в Вашингтоне, способствовали тому, что оно не угодило сразу в корзину для бумаг.

Вот уже три года восседал Уоррен Дж. Гардинг в Белом доме, и один скандал сменялся другим. Директор ведомства помощи ветеранам войны присвоил себе 200 тысяч долларов и теперь сидел в тюрьме. Два других высоких правительственных чиновника тоже попытались обогатиться подобным способом, но были изобличены и повесились.

Вершиной явилась афера с подкупом министра внутренних дел Альберта Фолла, которому 4 марта 1923 года пришлось уйти в отставку. Фолл уговорил президента передать в ведение его министерства нефтяные источники, принадлежавшие военно-морскому ведомству. К их числу принадлежал и нефтеносный участок в Вайоминге. В центре этого участка высилась скала, напоминавшая по форме чайник, почему вся афера и получила название скандал с «Чайником». Министр тайно, не имея на то полномочий, сдал участки в аренду крупным нефтяным магнатам. Речь шла о сумме порядка 100 миллионов долларов, немалая часть которой досталась Фоллу. Только несколько лет спустя ему пришлось за это 12 месяцев провести в тюрьме. Но его отставка в 1923 году уже предвещала огромный скандал.

Поэтому новый министр внутренних дел после отставки Фолла тщательно старался держаться подальше от подобных афер. Пришлось поневоле заняться и петицией совета индейцев, тем более что речь шла об Оклахоме, а следовательно, о нефти. Поскольку излагавшиеся в петиции вопросы относились к компетенции ФБР, министр распорядился направить в Оклахому нескольких агентов.

Летом 1923 года в Фэрфаксе один за другим поселились четыре человека: торговец скотом, геолого-разведчик-нефтяник, страховой агент и врач, лечивший травами. Это были специальные агенты ФБР, которые устраивали свои встречи и совещания тайно: никто не должен был знать об их присутствии в городе и о том задании, которое они получили.

Сначала они занялись расследованием серии убийств в семействе Лиззи Квирос, и вскоре им удалось обнаружить вне резервации и идентифицировать труп индейца Генри Роуна Хорса. В других случаях опознать трупы не удалось, поэтому дальнейшее агентов ФБР не касалось и расследованию не подлежало. Таким образом, по формальным основаниям убийства Анны Браун, Лиззи Квирос, Билла и Риты Смит не расследовались. Но и то, что было связано с гибелью Генри Роуна Хорса, давало достаточно улик. Незадолго до убийства этого индейца его жизнь была застрахована на сумму 25 тысяч долларов в пользу Уильяма К. Хейла. Дальнейшие розыски в архивах различных страховых обществ выявили большое число аналогичных случаев. Почти все страховые суммы, выплачивавшиеся непосредственно после заключения договора страхования, поступали на банковский счет Хейла. Кроме того, застрахованные погибали загадочным образом.

Так или иначе следы вели к «королю гор Осейдж». Один заключенный оклахомской тюрьмы сознался, что Хейл заплатил ему за два убийства. Стал известен и трюк, при помощи которого банкир избавился от одного из своих сообщников — Эзы Кирби. В каком бы направлении ни вели расследование специальные агенты ФБР — копались ли в старых судебных делах или незаметно расспрашивали людей, — каждый раз они натывались на Хейла.

Но дальше, как и следовало ожидать, не произошло ничего. Банкир-убийца Уильям К. Хейл получил возможность расширить свой банк и построить новое ранчо, основать в Фэрфаксе новые фирмы и задумать планы новых убийств. Более того, он даже выставил свою кандидатуру на ближайших выборах шерифа. Агенты ФБР демонстрировали явное отсутствие интереса к его персоне, они не задали почтенному мистеру Хейлу ни единого вопроса. Тем временем во главе ФБР уже стал Дж. Эдгар Гувер, тот самый Гувер, который, как утверждала буржуазная пропаганда, немедленно покончит с расхлябанностью в своем учреждении. В Фэрфаксе этого никак не заметили, ибо убийца индейцев преспокойно продолжал обделывать свои дела. Правда, он решил пока повременить с убийством юной Молли.

Как долго пробыли агенты ФБР в Фэрфаксе и в графстве Осейдж (лишь несколько месяцев летом 1923 года или целых три года), установить не удалось. Во всяком случае, в середине 1926 года они снова были там. Трехлетний период их бездействия в официальной истории ФБР оправдывается «отсутствием улик». О действительных причинах можно догадываться. Одно совершенно точно: за убийство «цветных» белого привлекали к суду крайне неохотно, ибо индейцев истребляли постоянно и ни одно из этих преступлений никогда не подвергалось расследованию. Наоборот, люди, у которых на совести было больше всего крови, провозглашались настоящими кумирами нации. К тому же эти «герои» наживали на своих кровавых авантюрах порядочные состояния. Но Хейл был слишком скомпрометирован, и дело надо было как-то закончить. Прошло три года, прежде чем агенты ФБР решились взять на заметку семейство Хейла. Первым они допросили слабовольного Эрнеста Буркхарта. Но если агенты надеялись, что он даст показания, которые позволят прикрыть расследование, то они глубоко ошиблись: Буркхарт выложил все. Дядюшка Уильям всю жизнь терроризировал его, и он подчинялся ему из страха за свою жизнь. А потом Буркхарт привел длинный список людей, которые осуществляли кровавые дела банкира. Он назвал имена убийц Генри Роу-

на Хорса, супругов Смит и Анны Браун. Кроме Эзы Кирби, все эти убийцы были еще живы: одни сидели в тюрьмах за иные преступления, другие жили припеваючи где-нибудь в Оклахоме, а третьи все еще скакали по горам «с легко вытаскивающимся из кобуры кольцом». Большинство этих закоренелых преступников было обнаружено, и почти все они без исключения поразительно быстро дали свои показания.

Щадить банкира-убийцу стало уже невозможно, пришлось его арестовать. Вел он себя спокойно. «Я скоро вернусь! — бросил Хейл репортерам, наблюдавшим за его отправкой в тюрьму. — Если понадобится, внесу миллион долларов залога». И ему действительно чуть было не удалось сделать это.

Хейл нанял самых прожженных адвокатов, каких только можно было сыскать в Оклахоме. После первого процесса они добились в окружном суде решения, что данное дело не подлежит компетенции федерального суда. Верховный суд США этот приговор кассировал, а потому потребовался второй процесс. На нем один из свидетелей защиты дал под присягой ложные показания, и присяжные оказались «не в состоянии» признать Хейла виновным. Вопрос оставался открытым. Так дело дошло до третьего процесса и осуждения Хейла. Тогда его адвокаты подали на апелляцию и добились отмены приговора. В качестве причины пересмотра дела было выдвинуто утверждение, что судопроизводство велось не в надлежащем округе.

Все это опять тянулось три года, и Хейл предстал перед судом в четвертый раз лишь в 1929 году. 26 января был вынесен приговор: пожизненное заключение без права кассации. Если учесть масштабы кровавых злодеяний банкира-убийцы, приговор этот был мягок, тем более что для богачей «пожизненное» заключение оставляло много путей выхода на свободу. И действительно, в 1947 году Хейл был выпущен. Итак, за каждого убитого он отсидел всего несколько месяцев!

Официально историю с Хейлом в США относят к «одному из самых фантастических дел ФБР», и с этим вполне можно согласиться. В самом деле, разве не фантастично долго «король гор Осейдж» безнаказанно совершал свои кровавые преступления, ФБР спокойно взирало на них, а суды выслушивали адвокатов Хейла? Целых три десятилетия!

Борьба с бандами?

Колосимо убит

В том же 1899 году, когда Билл Хейл покинул родной Техас и началась описанная выше серия преступлений, у добропорядочного парикмахера в Неаполе родился сын, которому при крещении дали имя Альфонс. Ему не было еще и года, когда родители с тремя его братьями и сестрами переселились в Нью-Йорк. Но надежды отца на лучшую жизнь в «стране неограниченных возможностей» быстро рассеялись. Он не нашел здесь работы по специальности, и ему пришлось стать землекопом. Матери тоже не оставалось ничего иного, как подрабатывать в качестве уборщицы для обеспечения скудного прожиточного минимума семьи. Дети с раннего утра до позднего вечера были предоставлены самим себе и шныряли по улицам и переулкам Бруклина, где юный Альфонс усвоил первые навыки того ремесла, которое позднее прославил его на весь мир как «великого Аль-Капоне».

Король гангстеров Чикаго начал свою карьеру преступника в «кид ганг» — детской банде Бруклина. Множество таких банд подростков держали в страхе целые кварталы города, терроризировали население. Они регулярно взимали дань с торговцев фруктами и овощами, а отказ от уплаты быстро вел к разорению владельца лавки. Банды шутить не любили. Кто не желал платить, не мог рассчитывать на то, что витрина его магазина останется целой хоть еще один день, а прилавок не будет разворочен.

Со временем Аль-Капоне превратился в благообразного молодого мужчину; вежливые манеры и солидный облик никак не выдавали в нем гангстера. Однажды он поссорился со своим близким другом, и

драка кончилась поножовщиной. Альфонс получил резаную рану от верхнего края левого уха до левого уголка рта. Рубец остался у него на всю жизнь, за что он получил свою кличку Скарфэйс — «физиономия со шрамом». Кумиром молодого парня был Джонни Торрио — босс нью-йоркской банды «Файф поинтс ганг» и вершитель дел мафии на Северо-Восточном побережье Соединенных Штатов. Мечты Скарфэйса вскоре сбылись: в девятнадцать лет он вступил в банду, стал принимать участие в разбоях и убил свою первую жертву. В это время произошло слияние банды Торрио с бандой всесильного Бриллиантового Джима — Колосимо, считавшегося главой преступного мира Чикаго. Летом 1919 года Аль-Капоне перебрался в этот город на берегу озера Мичиган.

16 января 1920 года конгресс США ввел в силу «сухой закон», запрещавший изготовление, продажу, ввоз и вывоз, а также приобретение алкогольных напитков. Нарушение «сухого закона» считалось нарушением федерального закона; финансовое ведомство создало свой собственный исполнительный орган для контроля за соблюдением этого. Так при помощи заветов пытались «осушить» страну от алкоголя.

Колосимо блестяще подготовился к борьбе против этого закона, и уже 16 января 1920 года быстро сколоченная им организация приступила к делу. Он имел по всей стране своих людей, которые изготавливали запретные напитки и торговали ими из-под полы. Во главе первой в США организации подпольной торговли спиртным стоял сам Бриллиантовый Джим.

Но другие гангстерские группы тоже хотели погреть руки на этом бизнесе; они, естественно, чувствовали себя обделенными чикагской монополией. В июне Колосимо был убит соперничающей бандой.

В пышных похоронах гангстерского главаря приняли участие почти все видные лица Чикаго — депутаты, судьи и «отцы города», ведь Бриллиантовый Джим был с ними на короткой ноге. Его преемником, унаследовавшим также и эти добрые связи, стал Джонни Торрио, правой рукой которого был Аль-Капоне.

Способы обхода «сухого закона» были самые разнообразные. Процветал нелегальный импорт спиртного. Особенно большие партии его ввозились из Канады, они беспрепятственно поступали через границу

трехмильной зоны, где «бутлегеры» перегружали опьяняющую жидкость — вино, пиво, виски, шампанское и дешевую водку — на свои быстроходные баркасы. Контрабандисты делали отличный бизнес, их доходы составляли от 400 до 2000 процентов, и полиции лишь изредка удавалось задержать лодку «бутлегеров».

Но Джонни Торрио и Аль-Капоне стремились избежать даже малейшего риска и поэтому стали на совсем иной путь снабжения алкоголем. Они создали в своей чикагской сфере влияния множество тайных водочных заводов и пивоварен, став таким образом независимыми от ввоза алкоголя.

Однако предприятия по подпольному изготовлению спиртного не могли долго оставаться тайными. «Дело» следовало усовершенствовать. И если при Бриллиантовом Джиме обычно подкупали чиновников городской администрации, полицию и юстицию, то теперь Аль-Капоне решил посадить на соответствующие посты непосредственно членов своей банды.

В 1924 году в Сисеро, насчитывавшем 70 тысяч жителей пригороде Чикаго, происходили выборы мэра, и Аль-Капоне сумел добиться избрания на этот пост своего сообщника Джона Паттона. Начальник полиции тоже был из банды Торрио — Капоне, поскольку Скарфэйс проживал в Сисеро и сам решал, что должно происходить в «его» городе. Ведь в конечном счете он командовал внушительным отрядом из 700 человек, которые либо изготавливали и распространяли спиртные напитки, либо обеспечивали дела гангстерского треста в городском управлении.

В Сисеро царила железная дисциплина. Тот, кто решался воспротивиться приказу босса, мог считать величайшим счастьем, если ему просто переломают ноги, потому что в большинстве случаев дело кончалось убийством.

Выстрелы из катафалка

Аль-Капоне исполнилось всего двадцать пять лет, когда состояние его поднялось до необозримых многомиллионных высот. Оно было нажито преступлениями, совершенными под защитой его друзей из полиции. Иначе такая жизнь была бы небезопасной.

К банде Торрио — Капоне принадлежал и некий О'Бэнион, который, будучи неудовлетворен причитав-

шейся ему долей прибыли, откололся и стал действовать самостоятельно. Когда же он со своей бандой попытался распространить торговлю спиртным на священные владения Торрио и Аль-Капоне, судьба его была решена.

О'Бэнион руководил своим делом из цветочной лавки, которую он завел для маскировки. 10 ноября 1924 года он, как обычно, открывал свой магазин, когда к дверям его медленно подъехал автокатафалк. Из него неторопливо вышли трое джентльменов, державшиеся с достоинством, подобающим служащим такого учреждения, как похоронное бюро, и размеренными шагами вошли в помещение. «Вчера мы заказали венки,— сказал один из них,— и хотели бы забрать их».

«Торговец цветами», всегда вооруженный и всегда на чеку, на сей раз дал себя провести и протянул руку, чтобы поздороваться. В тот же миг прогремели выстрелы, и О'Бэнион упал замертво.

Похороны его по своей пышности превосходили все виденное дотоле в Чикаго. Конная полиция охраняла бесконечную колонну скорбящих, 26 грузовых и 120 легковых автомашин, доверху заваленных цветами и венками. «Отцы города» выражали свое соболезнование, а сразу за стоявшим 10 тысяч долларов гробом, среди 15 тысяч провожающих, шли те двое, на совети которых была смерть О'Бэниона,— Торрио и Аль-Капоне.

Полицейское расследование, как и надо было ожидать, никаких результатов не дало. Но дело этим не кончилось, ибо друзья О'Бэниона жаждали мести. Их покушение на Аль-Капоне сорвалось. Однако с тех пор гангстерского босса видели только в бронированном лимузине и в окружении телохранителей.

Меньше повезло Торрио: во время покушения на него он получил несколько огнестрельных ран. Тогда он перенес свое местожительство и командный пункт в надежную полицейскую тюрьму, предварительно как следует обезопасив свою превращенную в роскошные апартаменты камеру от непрошенных визитеров. Поскольку банда О'Бэниона не отказалась от планов мести, Торрио спустя девять месяцев предпочел покинуть Чикаго и на несколько лет удалиться из США.

Таким образом в 1925 году Аль-Капоне стал единоличным властителем преступного мира Чикаго, но согласно «кодексу чести» гангстеров стычки продолжались. Аль-Капоне разыскал двух участников покушения на Торрио и приказал их убить. Но убийцы оказались плохими стрелками и промахнулись. Соперники попытались предпринять контрход, чтобы окончательно сломить всеилие Аль-Капоне. Некий Вайс, стоявший теперь во главе банды О'Бэниона, подготовил эту акцию, словно военную операцию. Его люди на восьми броневиках ворвались в Сисеро, где оцепили отель, в котором находилась резиденция Скарфэйса. По команде Вайса гангстеры открыли огонь из всех стволов. В здание впились по крайней мере 600 пулеметных пуль. Было много раненых, но Аль-Капоне среди них не обнаружили, поскольку телохранители вовремя обеспечили его безопасность. Скарфэйс оплатил убытки, за его счет был отремонтирован отель, а врачи «заштопали» раненых. Полиции удалось схватить некоторых из нападавших, но, когда им устроили очную ставку с Вайсом, все задержанные в один голос заявили, что видят его впервые. В отношении самих задержанных были даны показания, «свидетельствующие», что в момент налета они находились далеко от Сисеро. Как и обычно в таких случаях, полиция расследование прекратила.

Но Вайс не унимался, его людям удалось похитить шофера Аль-Капоне. Его подвергли пыткам, чтобы узнать о новом местонахождении Скарфэйса, а когда и это не помогло, убили, бросив труп в колодец. Когда труп обнаружили, Аль-Капоне сделал новый ход. Он предположил, что Вайс захочет присутствовать в качестве наблюдателя на предстоящем процессе против одного из его друзей, и не ошибся. Выходивший из здания суда Вайс оказался прекрасной мишенью для пулеметчиков Аль-Капоне. Самый злостный соперник «великого человека» чикагского «дна» был застрелен вместе со своим близким сообщником, остальные люди Вайса получили такие тяжелые ранения, что надолго отошли от «большого бизнеса».

Таким же образом Аль-Капоне рассчитывал разделаться и с другой бандой, осмелившейся торговать алкоголем в его владениях. Но после этой новой кровавой стычки впервые был издан приказ об аресте

Скарфэйса, осуществить который, однако, не удалось, поскольку главарь гангстеров скрылся. Через три месяца он сам явился к властям.

— Я только что вернулся из путешествия и узнал об этом абсурдном подозрении. Просто чудовищно обвинять меня в преступлении по отношению к моим же собственным друзьям. Я ни в коем случае не примирюсь с этим бредом!

Этой угрозы и запоздалой явки в судебные органы оказалось достаточно для отмены приказа об аресте Аль-Капоне.

Затем 20 октября 1926 года в роскошном чикагском отеле «Шерман» состоялось любопытное совещание. Явиться на него было дозволено только видным лицам гангстерского мира, и все присутствовавшие, в том числе Аль-Капоне, придерживались заранее достигнутой договоренности. Он тоже пришел без оружия, а его 15 «горилл» — телохранителей остались дома. Кроме Скарфэйса в конференц-зале сидели главы всех гангстерских банд, действовавших в районе Чикаго. И все были единодушны в том, что так дальше продолжаться не может. Под конец они в торжественной форме объявили амнистию всем тем гангстерам, которые еще стояли в списках «подлежащих» убийству. Никаких больше счетов за бывшие перестрелки и немедленное прекращение всех стычек между бандами. Единая линия поведения в отношении прессы и полиции и, наконец, разделение всей территории на сферы влияния, как это водится между трестами.

Газеты широко оповестили об этом соглашении в отеле «Шерман», но полиция и юстиция не стали вмешиваться, заявив, что Аль-Капоне и другим джентльменам ничего уголовного не инкриминируется.

Гангстерская мораль — дело ненадежное, и соглашение от 20 октября 1926 года явилось не мирным договором, а в лучшем случае небольшим перемирием. Но передышка на некоторое время была необходима, чтобы подготовить успешные удары по конкурентам и повернуть некоторые дела, которые сулили желаемый доход. В марте 1927 года борьба между бандами Чикаго развернулась с новой силой.

Аль-Капоне можно было упрекнуть в чем угодно, только не в отсутствии фантазии. В 1927 году он решил уделять поменьше внимания стычкам между бандами и осуществить новое задуманное предприятие. Многие из его юношеского опыта «кид ганг» теперь трансформировалось в новых масштабах. Аль-Капоне изобрел «рэкеты» — своего рода способ вымогательства денег у владельцев различных фирм.

Еще ранее в Чикаго было немало случаев, когда банды бросали бомбы в прачечные и красильни, выбивали стекла, обливали фасады магазинов серной кислотой, крали белье клиентов. Вскоре владельцы фирм стали получать предложения: за приличную плату они будут избавлены от бомб и кислоты. Это в их же собственных интересах, а потому им не остается никакой иной альтернативы, как принять «предложение о защите». Финансовые дела «рэкеты» решались на основе принципов акционерного общества, и большая доля попадала в руки Аль-Капоне. Но и этого мало. Прежний единоличный владелец крупнейшей в Чикаго прачечной предложил Скарфэйсу стать партнером его фирмы, благодаря чему сразу же отпала необходимость в полицейской охране предприятия.

При все усиливавшемся переплетении капиталистических предприятий с преступным миром у Аль-Капоне имелось много различных средств обеспечения своих интересов, к тому же не только в Чикаго, но и в других городах. Специалисты оценивали в 1928 году его обороты в сумму свыше 105 миллионов долларов, причем 60 миллионов поступали от все еще процветавшей торговли алкоголем на «черном рынке», 25 миллионов — от принадлежавших ему казино, где играли в запрещенные азартные игры, 10 миллионов — от публичных домов и еще 10 — от новых предприятий.

Чем больше обороты, тем сильнее страх за свою жизнь. Аль-Капоне постоянно искал надежного убежища. Начиная с 1927 года он правил своей «империей» с роскошной, строго охраняемой яхты, стоявшей у небольшого островка Палм, близ Майами, во Флориде.

14 февраля 1929 года, в день св. Валентина, в Чикаго произошло крупное столкновение нескольких

банд, после которого на улице остались лежать шестеро гангстеров. На сей раз полиция реагировала более живо, чем обычно: дюжина любителей перестрелок угодила в тюрьму, в том числе и трое близких сообщников Аль-Капоне. Хотя их быстро выпустили под залог крупной суммы, это все же послужило тревожным сигналом.

Гангстерские главари попытались еще раз прийти к соглашению. В мае 1929 года они собрались в городе Атлантик-Сити; переговоры длились три дня и закончились невиданным дотоле документом: четыре самые крупные банды объединились в единый синдикат, в один преступный концерн, все прибыли которого должны были поступать в общую кассу и делиться по заранее установленному принципу. Но и этому проекту, прямо опиравшемуся на экономическую структуру Соединенных Штатов, не была суждена долгая жизнь, и уже вскоре между бандами вновь вспыхнули ожесточенные столкновения.

«Дело Америки — бизнес»

Тридцатилетнего Аль-Капоне теперь не покидала мысль оставить «дело» и удалиться на покой. Невероятное богатство давало ему возможность вести роскошную жизнь, из перестрелок он выходил невредимым, а полиция и юстиция его не трогали.

Если до сих пор гангстерскому боссу во всех его делах невероятно везло, то это объяснялось не только его положением, завоеванным длинной цепью преступлений. «Успехи» Аль-Капоне неразрывно связаны с обстановкой «диких 20-х годов». Так именуют американские историки период с 1924 года, когда США захлестнула волна преступлений и насилия, превзойдя все, что когда-либо совершал мир концентрированной и организованной преступности.

Беспримерны были и цифры, которые приводятся официальной и далеко не полной статистикой: 12 тысяч убийств в одном только 1926 году, причем с тенденцией роста. В 1933 году было зарегистрировано 1 миллион 300 тысяч крупных преступлений, ежедневно совершались нападения на банки. Годом позже было совершено 46 614 разбойных нападений, 190 389 взломов и около 523 тысяч краж. Криминаль-

ная статистика доказывает, что в то время в Соединенных Штатах действовало гораздо больше преступников, чем американских солдат в Европе в первую мировую войну.

Буржуазные криминологи, социологи и историки и сегодня еще спорят о причинах, породивших «дикие 20-е годы». Большое значение придают они «сухому закону». Однако он обнажает только стимул, но не корни явления, ибо, когда в 1933 году закон был отменен, банды, занимавшиеся подпольной торговлей алкоголем, быстро переключились на наркотики.

Расцвет преступности совпал с приходом к власти нового президента США — Калвина Д. Кулиджа. Свою программу он сформулировал словами: «Дело Америки — бизнес». Выдвинувшие его монополии видели в этом выход из глубоких социальных и экономических потрясений. Машина бизнеса была запущена на полный ход. Выпуск массовой продукции принял невиданные масштабы. Ужесточилась борьба монополий за рынки и прибыли. Миллионы людей желали принять участие в бизнесе, ставшем государственной доктриной США. В этой конкурентной борьбе все средства были хороши.

Для наступления против сознательной части рабочего класса, для борьбы с конкурентами и увеличения прибылей многие монополии стремились ко все более тесному союзу с организованной преступностью. Повсюду возникали самостоятельно, а частично и по заданию крупных монополистических картелей преступные объединения и «рэкет», чтобы взимать с мелких предпринимателей мзду за «охрану» их от гангстеров.

Преступность приобретала все более организованные формы и начала, приспособляясь к той ситуации, в которой находилось американское общество, переходить к монополистическим методам. Слияние коммерческого и криминального капитала становилось все более тесным, что, в свою очередь, вело к росту политического влияния гангстеров — сначала в местном, а затем и в федеральном масштабе.

Когда же непродолжительное «процветание» перешло в крупную депрессию и в октябре 1929 года разразился экономический кризис, монополии постарались переложить всевозрастающее бремя этого кризиса

на плечи трудящихся. По их заданию рэкетеры пытались сломить сопротивление трудящихся, срывали стачки и деморализовали профсоюзы.

Невозмутимый мистер Гувер

В «дикие 20-е годы» в Вашингтоне в аппарате власти произошли перемены. Приход в Белый дом в 1924 году после Гардинга Кулиджа вызвал персональные перестановки. Прежде всего новый президент уволил в отставку генерального прокурора США М. Догерти. На его место он назначил своего школьного товарища Харлана Ф. Стоуна. Пришлось подать в отставку и замешанному во многих скандалах шефу ФБР Бернсу. Дж. Эдгаром Гувером, который тогда был уже его заместителем, овладели мрачные мысли. «Вероятно, я следующий, кому придется уйти»,— подводил он итоги своей прошлой деятельности, которая слишком часто выходила за рамки государственных законов.

10 мая 1924 года Стоун вызвал Гувера к себе. Как всегда, новый генеральный прокурор выглядел угрюмым. «Садитесь»,— предложил он молодому человеку, физиономия которого была схожа с мордой бульдога. Стоун долго бесстрастно разглядывал его и после умышленно затянутой паузы без всякого предисловия сказал: «Эдгар, я думаю назначить вас директором Федерального бюро расследований».

Гувер сумел подавить свои чувства, поначалу никак не отреагировал, тоже помолчал и потом ледяным голосом произнес: «Охотно принимаю это назначение, мистер Стоун, но на определенных условиях». И Гувер потребовал себе большей самостоятельности.

Новому шефу ФБР было 29 лет. За прошедшие семь лет он сумел зарекомендовать себя, и 1924 год подтвердил, что испытание он выдержал. Кандидатур было немало, но решающую роль сыграло то, что к молодому Гуверу благоволили монополии. Они действовали через человека, занимавшего высокий правительственный пост,—министра торговли Герберта К. Гувера, позже ставшего президентом США. Именно он и предложил Стоуну назначить главой ФБР своего однофамильца.

Гувер вступил в эту должность в 1924 году, чтобы, как он однажды признался, «оградить Америку от

красных и черных». Для этого ему необходим был боеспособный инструмент, и он железным кулаком принялся наводить в ФБР «порядок». Ненадежные сотрудники были уволены, обстоятельства личной жизни, семейные условия и прошлое оставшихся и вновь набранных агентов — подвергнуты тщательному изучению. Отныне в ФБР должны были служить только исключительно «честные люди», верные господствующему строю. С помощью хорошо разработанной системы инспектирования постоянно контролировались успехи, усердие и развитие характера агентов.

В течение полугода Гувер реорганизовал свое учреждение и создал предпосылки для того, чтобы позже его стали называть «американским гестапо». Однако это было результатом не только кадровых изменений, но и превосходного умения начальника ФБР идти навстречу желаниям и воле государственно-монополистического капитала.

Всю свою жизнь Гувер питал особую слабость к картотекам. Уже с 1917 года, когда он стал начальником регистратуры подозрительных иностранцев в военном отделе министерства юстиции, он мог предаваться своей страсти — собирать и классифицировать материал о нежелательных лицах.

К 1924 году он распорядился завести картотеку на всех, кто играл определенную роль в общественной жизни страны. Картотека содержала постоянно обновляющиеся сведения о самых разных людях — от простого почтового служащего до президента страны. Биографические данные, сведения о мировоззрении, об участии в «левых» митингах, в подписании различных петиций, о подписке на прогрессивные газеты, о семье, родственниках и друзьях, о финансовом положении и «хобби», о поездках за границу и встречах с иностранцами, о любовных похождениях и возможных сексуальных извращениях — все это и многое другое отражалось в досье ФБР. В 1931 году Гувер хвастался, что располагает «самой крупной картотекой в мире». Ныне в нее уже внесен каждый второй гражданин США. Эта картотека вместе с отпечатками пальцев представляет собой важнейший инструмент власти ФБР.

Но что сделало сформированное Гувером ФБР для борьбы с преступностью в «дикие 20-е годы»?

«Если однажды попадешь в тяжелое положение и придется сесть в тюрьму, пусть тебя отправят в Атланту» — этот совет потихоньку давали даже в самих правительственных кругах Вашингтона, ибо повсюду ходили прямо-таки фантастические слухи о привольном житье в этой федеральной тюрьме, находящейся в штате Джорджия.

Только что назначенный генеральный прокурор США поручил ФБР проверить, так ли это. 1 октября 1924 года группа оперативных агентов прибыла в Атланту и в течение нескольких дней установила, что слухи об условиях в этой тюрьме были скорее преуменьшенными, нежели преувеличенными.

Так, в почтовом отделении тюрьмы хозяйничал старый знакомый джи-менов Грэдди Уэбб, который за несколько ограблений почт должен был отсидеть 25 лет. Он считался начальником почты тюрьмы, ему помогали сведущие мастера своего дела, тоже осужденные за ограбления почтовых отделений. Если заключенному не хватало тюремного харча, он мог питаться в ресторане одного из городских отелей, в тюремной робе или в цивильном костюме — как ему угодно. В саду виллы, в которой жил начальник тюрьмы, вовсю шла игра в покер, и ставки достигали 50 долларов. Те, кого такое времяпрепровождение не удовлетворяло, посещали по вечерам бары или другие увеселительные места либо приглашали друзей из других камер повеселиться и выпить. Каждый мог обставить свою камеру по собственному вкусу, — конечно, при условии, что у него достаточно наличных. Разумеется, и другие удобства предоставлялись не бесплатно и распределялись отнюдь не в соответствии с принципом справедливости. За хорошую жизнь надо было платить, а часть заключенных была в состоянии это делать.

Директор тюрьмы Уорден А. Сартейн получал от каждого привилегированного «гостя» от 100 до 5000 долларов в месяц. Кое-какие «куски» доставались и другим служащим тюрьмы, а также тюремному священнику. «Небольшие суммы, примерно сто долларов в месяц, — рассказал он, — давали заключенным весьма

немного, самое большое — койку поудобнее или некоторое послабление в работе. А тот, кто хотел обедать вне тюрьмы, играть в покер и танцевать, должен был раскошелиться на 2500 долларов».

Джи-менам не пришлось прилагать ни большого труда, ни изобретательности, чтобы выяснить истину. И тем не менее это «расследование» было преподнесено как огромный успех ФБР, как наглядное доказательство того, сколь решительно повел Гувер борьбу с коррупцией даже в тюремных заведениях.

Развеселая жизнь в Атланте кончилась тем, что директору Сартейну самому пришлось провести в ней 18 месяцев, но уже в качестве заключенного № 24207. Некоторые служащие тюрьмы были приговорены к одному году и одному дню отсидки, остальных участников аферы оправдали. Возбужденное против священника дело закончилось безрезультатно, так как вмешался епископ и быстренько перевел служителя божьего в другое столь же богоугодное заведение.

Налог взимается и с преступлений

В 1929 году ФБР затеяло с Аль-Капоне мелочный спор. Речь шла не о множестве убийств — эти «дела» были давно положены под сукно — и даже не о существовании банд. Обвинения против гангстерского босса были куда невиннее.

В начале года в Чикаго по жалобе федерального правительства должен был состояться процесс, на который вызывался в качестве свидетеля и Аль-Капоне. Однако Скарфэйс не явился. Вместо себя он прислал справку от врача, что пациенту Аль-Капоне, больному воспалением легких, предписан больничный режим и он является нетранспортабельным.

Агенты ФБР установили, что «тяжелобольной» посещал в это время скачки в солнечной Флориде, прогуливался на своей яхте у берегов Майами, летал на Багамские острова и посещал увеселительные заведения в других местах. Так появился пункт № 1 обвинения против супергангстера — неуважение к суду. Оно обошлось ему всего в 5 тысяч долларов — столь невелик был залог, которым он после ареста выкупил себе свободу. Затем Аль-Капоне поехал на совещание

гангстерских боссов в Атлантик-Сити и провел еще день на море с одним из своих «горилл». 16 мая он возвращался в Чикаго. По дороге, в Филадельфии, неожиданно отказал мотор автомашины и пришлось искать мастерскую для ремонта. У городского кино-театра Аль-Капоне попал в устроенную полицией проверку документов.

Усердные служаки «копы» (полицейские [жарг.].— *Перев.*) даже обыскали его и нашли револьвер в элегантной кожаной кобуре.

— Это — мое личное оружие,— развязно объяснил Капоне,— а вот и разрешение на него.

— Но разрешение выдано в Чикаго и в штате Пенсильвания оно недействительно. Вы арестованы, мистер, за тайное ношение смертоносного оружия!

Все произошло очень быстро, через 17 часов процесс был закончен, и Аль-Капоне на целый год стал заключенным тюрьмы Холмесбург. Тюремное начальство вполне отдавало себе отчет, какая ему выпала честь — держать у себя за решеткой столь знаменитого заключенного. Следовательно, в удобствах для него недостатка не было. Аль-Капоне мог вести продолжительные телефонные разговоры с Чикаго и даже приглашать своих доверенных лиц на беседу в тюрьму. Организация его продолжала действовать без помех.

В тюрьме Скарфэйс первый раз в жизни почувствовал себя свободным и раскованным. «За все долгие годы моей службы мне никогда еще не приходилось видеть более покладистого, веселого и услужливого арестанта. Он идеальный заключенный»,— вспоминал впоследствии тюремный врач.

Всеобщее удивление, вызванное тактикой Аль-Капоне, стремившегося к возможно скорейшему окончанию процесса и немедленному оглашению приговора, рассеялось, когда мэр Филадельфии заявил представителям прессы: «По донесениям, которые я имею, Аль-Капоне после совещания со своими соперниками ощущал грозящую ему смертельную опасность. Он скрывался от одной банды, которая хотела его убить. Поэтому совещание и состоялось в Атлантик-Сити, а не в Чикаго. Если бы он не был заинтересован в том, чтобы попасть в тюрьму, он бы боролся на суде до последнего».

Итак, пункт № 2 обвинения — незаконное ношение оружия — действительно не противоречил желаниям Аль-Капоне.

Отнюдь не отвечал интересам гангстера пункт № 3 обвинения — уклонение от уплаты налогов. Кому-то пришла в голову мысль, что с 1924 года Аль-Капоне приобрел огромное состояние, но не уплатил с него ни единого цента налогов. И вот против него было выдвинуто примечательное обвинение в том, что он не сообщал государству о своих преступлениях, а посему оно не имело возможности взимать с него подходящий налог. Итак, предметом обвинения стали не убийства, не шантаж, не разбой и другие уголовные преступления, а уклонение от уплаты налогов с этих «дел»!

Само собой разумеется, расследование по данному пункту было непростым, ибо гангстерский босс сделал все возможное для сокрытия своих прибылей. Ревизоры мучились целых два года, а итог был жалок. Доказать удалось лишь то, что за период с 1924 по 1929 год доходы Аль-Капоне составили не менее одного миллиона, что означало неуплату налогов в сумме около 185 тысяч долларов. Поскольку Аль-Капоне не смущаясь тратил свои деньги в открытую, можно было считать, что в действительности речь шла о гораздо большей, многомиллионной сумме. Противоречие между своими официально установленными доходами и фактическими расходами Аль-Капоне объяснил с подкупающей наивностью: «Один миллион — из собственного кармана, а остальные одолжил». Так как обратное доказать не удалось, засчитали только один миллион.

На суде в Чикаго всё установили самым «тщательным» образом: за период с 1925 по 1927 год подоходный налог не уплачен, а за 1928—1929 годы нет сведений о доходах. За все вместе Аль-Капоне приговорили к десяти годам тюрьмы и 50 тысячам долларов денежного штрафа. Приговор был вынесен 24 октября 1931 года, и апелляционные инстанции, вплоть до Верховного суда США, утвердили его.

Первые два года Аль-Капоне провел в федеральной тюрьме в Атланте, веселые времена в которой, однако, уже миновали. Затем его перевели в более надежную с точки зрения невозможности побега тюрьму на скалистом острове Алькатрас, расположенном око-

ло Сан-Франциско. После семи лет и шести месяцев заключения тюремные врачи поставили диагноз, что Аль-Капоне неизлечимо болен в результате запущенного сифилиса. В ноябре 1939 года его досрочно выпустили из тюрьмы на собственную виллу во Флориде, где он и умер в январе 1947 года.

После исчезновения Аль-Капоне с чикагской сцены наследие главаря принял «экс-горилла» Энтони Аккардо. Под его эгидой начал гангстерскую карьеру и человек, чье имя впоследствии стало известно всему миру в связи с убийством президента Кеннеди, — Джек Руби.

Преступники в белых воротничках

Примерно к 1930 году приобрел свою теперешнюю структуру крупнейший преступный синдикат Соединенных Штатов — «Коза ностра». Создание его началось в 90-х годах прошлого века, когда сицилийская мафия переключилась на США. Окруженное тайной и легендами братство, которое олицетворяет, пожалуй, самую старую форму организованной преступности, нашло в Новом Свете благодатную почву для своего процветания.

Мафиози впервые привлекли к себе внимание, когда в Новом Орлеане и других городах Америки были найдены трупы членов этой организации, казненных по приговору тайного суда — «фемы» за «предательство». На всех убитых был знак — разрез от уха до уха. Полиция тогда не сумела расследовать до конца ни один из этих случаев, ибо высший закон мафии гласил: молчание.

Банды мафиози утвердились во многих городах Соединенных Штатов, прежде всего в Новом Орлеане, а затем на Северо-Восточном побережье. Между ними шла ожесточенная борьба, когда Сальваторе Маранцано выдвинул план объединения всех этих групп чисто американским способом — в один «синдикат». Но осуществить свой план он не успел. Его злейшие конкуренты в борьбе за пост верховного главы нанесли свой удар 10 сентября 1931 года. Лаки Лучиано и Вито Дженовезе убили Маранцано и 40 его ближайших сообщников. Массовые убийства среди мафиози посеяли ужас по всей стране между Атлантикой и Тихим океа-

ном. Но путь к господству Дженовезе и Лучиано, который затем стал играть первую скрипку, был открыт.

Вскоре 24 преступные банды, носившие невинное название семей, объединились в «синдикат» «Коза ностра», что в переводе означает «наше дело». С возникновением «синдиката» закончился тот процесс преобразования американского преступного мира, который был начат еще при Аль-Капоне. Теперь место бицепсов занял рассудок, обогащенный опытом борьбы с «сухим законом», и это стало дополнительным залогом успеха бандитов. Гангстерские боссы уже не пачкали рук сами: оплаченные субъекты делали за них «мелкую» и «грязную» работу. Сами же они вели свое большое «дело» в стиле солидных предпринимателей и, разумеется, исправно платили налоги со своих доходов. «Единственная разница между мной и директором с Уолл-стрита,— заявил однажды Лаки Лучиано,— в том, что я занимаюсь не нефтью, а другими вещами». И внешне этот глава «синдиката» тоже демонстрировал отличие от времен Аль-Капоне: место хвастливого, вульгарного типа занял человек в неизменной сорочке с белым воротничком; отсюда и пошло выражение «преступник в белом воротничке».

Ведущую роль в организованной на коммерческих началах преступности вскоре стала играть торговля наркотиками. Хотя пресечение ее и входило в компетенцию федеральных властей, однако было поручено не ФБР, а специальным органам — «полиции по борьбе с наркотиками» и «таможенной полиции», которые подчинялись министерству финансов.

Но наиболее щедрыми источниками доходов «синдиката» стали запрещенные азартные игры и денежные пари. Они были разрешены только в штате Невада. Здесь «Коза ностра» действовала легально; вскоре она стала главным акционером всех игорных домов Лас-Вегаса. При терпимости местных законов нажитые миллионы вкладывались в качестве капитала в различные легальные предприятия. Таким образом «синдикат» приобрел огромную экономическую силу, а также и политическую власть,— теперь его даже называют вторым правительством США. «Коза ностра» действовала во всех штатах, а то, что власти принимали против «синдиката», если сравнить с масштабом преступлений и нелегальных «дел», равно

нулю. ФБР тоже безучастно смотрело на это. Лишь местные власти время от времени наносили незначительные удары.

Так, например, в Нью-Йорке прокурор Томас Э. Дьюи решил отдать Лучиано под суд. «Рэкет», осуществлявшийся «синдикатом», в середине 30-х годов подчинил себе все мелкие и средние предприятия этого города. Дьюи, позднее ставший губернатором Нью-Йорка, констатировал лишь следствие, не вскрывая общественных причин, когда писал: «В настоящее время в Нью-Йорке едва ли существует такая деловая отрасль, которая бы не платила дань преступному миру. Поэтому к цене за каждую булку, за каждую курицу, за все продовольственные товары добавляется определенный процент, выплачиваемый потребителем. Один крупный универмаг недавно отказался заплатить дань. Последствия не замедлили сказаться: служащие универмага по пути в магазин становились жертвами таинственных нападений, в торговых залах необъяснимым образом возникали пожары и происходили взрывы. Обязаны платить дань рэкету и все строительные фирмы. Они заранее включают эти суммы в цену. Гость, съезжающий в нью-йоркском отеле или ресторане свиную отбивную, вместе с ее ценой платит и выкуп за то, что во время трапезы рядом с его столом не взорвется какая-нибудь вонючая бомба. Полиция до сих пор проявляла полное бессилие. Многие полицейские органы и не испытывают никакого желания выступать против рэкета. Видные политики всеми силами препятствуют таким расследованиям».

И все-таки Дьюи нашел в себе мужество возбудить обвинение против Лучиано. Но инкриминировалась ему отнюдь не вся совокупность его преступлений, а только «рэкет» в области проституции, который в одном лишь 1935 году принес ему от нью-йоркских представительниц самой древней профессии дань — 20 миллионов долларов.

После процесса Лучиано исчез за тюремными стенами. Приговор гласил: 50 лет. Но «Коза ностра» осталась нетронутой и продолжала действовать дальше, точно так же как и Лаки, который, как показали последующие годы, нисколько не лишился своей власти.

Весной 1943 года фашистская Италия, в течение трех лет воевавшая на стороне гитлеровской Германии, потерпела тяжелые поражения. Мощное антифашистское движение, развернувшееся в стране, не только заставило дрожать Муссолини, но и сильно обеспокоило американскую руководящую верхушку. «Италия не должна стать красной» — таково было ее требование, которое могло быть реализовано только быстрым захватом страны на Апеннинском полуострове вооруженными силами западных держав.

10 июля британские и американские войска высадились на юге Сицилии. Английские части под командованием фельдмаршала Монтгомери в ходе тяжелых, упорных боев, продвигаясь вдоль восточного побережья, лишь через пять недель дошли до Мессины. Зато марш через горы 7-й американской армии под командованием генерала Паттона можно было сравнить с прогулкой. Через семь дней «джи-ай»¹ уже развлекались на улицах Палермо, ибо они нигде не встретили серьезного сопротивления противника.

Долгое время тайна «самой молниеносной войны в истории», как ее назвал генерал Паттон, строго сохранялась. А состояла она в том, что путь американской армии через Сицилию открыл «генерал мафия» во главе с Лаки Лучиано.

В период второй мировой войны Нью-Йоркский порт стал важной базой переброски войск и вооружения в Европу и Северную Африку. Помня о германских диверсионных актах в первую мировую войну, американские власти стремились найти теперь способ надежно обеспечить охрану портовых сооружений от немецких агентов. Однако, как выяснилось, сделать это было не так-то просто, ибо многочисленные портовые сооружения и службы контролировались «рэкетом» организации «Коза ностра». Агенты секретной службы военно-морского флота и ФБР, в компетенцию которых входила охрана портовых сооружений, осторожно изучили вопрос и установили, что боссы

¹ Американские солдаты (сокращенное наименование по первым буквам слов «Government issue», что буквально означает «государственное имущество»). — *Прим. перев.*

«рэкета» в Нью-Йоркском порту готовы сотрудничать с ними на определенных условиях и с благословения Лучиано. При содействии адвоката «синдиката» были установлены контакты с Лучиано, находившимся в тюрьме Комсток. Лаки дал «зеленый свет», и из его камеры потекли указания «рэкету». Начался период интенсивного мирного сотрудничества гангстеров с обеими секретными службами США.

«Коза ностра» была связана с Сицилией многими нитями. Лаки Лучиано распорядился передать главарю мафии на островах Средиземного моря просьбу поддерживать американские войска, и Галоджеро Виццини проявил полную готовность. Когда генерал Паттон изготавился к прыжку из Северной Африки на Сицилию, Виццини пустил в ход свои связи. Итальянские солдаты стали дезертировать из горных крепостей: угрозами мафии пренебрегать было нельзя. «Если вы сделаете хоть один выстрел по американцам,— угрожали доверенные лица синьора Виццини,— мы уничтожим ваши семьи!» Танки Паттона катились по острову, сицилианцы с восторгом встречали «джи-ай». В горных деревнях звонили колокола. Они возвещали не только о крахе фашизма в Италии, но и о невиданном еще в истории сотрудничестве секретных служб с гангстерами двух континентов.

В конце 1945 года Лучиано в знак признания его заслуг был помилован, однако ему все же пришлось покинуть США и вернуться в Италию. Но уже с мая 1945 года «Коза ностра» возглавлял «сильный человек»: в США вернулся Вито Дженовезе. Правда, на основании его прежних преступлений против него сразу же было возбуждено уголовное дело, но «синдикат» «урегулировал» эту проблему присущими ему методами. Главный свидетель скончался до начала процесса от таинственного отравления, и суду пришлось оправдать Дженовезе «за отсутствием улик».

Со временем у Дженовезе появились два новых соперника в борьбе за лидерство в «Коза ностра» — Фрэнк Костелло и Альберт Анастасиа. Противоречия решались многократно испытанным методом: покушение на Костелло не удалось, зато покушение на Анастасиа было «отличной работой». 25 октября 1957 года он был убит автоматной очередью в одном парикмахерском салоне Нью-Йорка.

Итак, Дженовезе еще раз одержал верх, но три недели спустя его участь чуть не была решена. 13 ноября 1957 года в небольшом городке Апалачин (штат Нью-Йорк) собрались на совещание главари «Коза ностра». Один бдительный сержант распорядился провести облаву. 58 мафиози, в их числе Дженовезе, были арестованы. Но большинство из них вскоре оказались на свободе, и лишь некоторые получили наказания, причем до смешного малые.

Дженовезе оставался на свободе еще год. В 1959 году его приговорили к 15-летнему тюремному заключению за подпольную торговлю наркотиками. Однако вплоть до февраля 1969 года, когда он умер, Дженовезе продолжал оставаться основной фигурой «Коза ностра». Тюремные служители изо дня в день передавали его указания 450 доверенным лицам «синдиката». Особенно «громких» имен после этого не было. Гангстеры организованной преступности взяли на свое вооружение методы деятельности экономических объединений и крупной промышленности, все более превращаясь во внешне «достопочтенных граждан».

Спустя несколько лет после второй мировой войны один журналист задал директору ФБР вопрос о роли «синдиката». «Это плод вашей фантазии,— ответил Дж. Эдгар Гувер.— Никакой «Коза ностра» не существует». Утверждение Гувера опровергается более поздней, проведенной самим правительством США акцией против «синдиката». Учитывая эту ложь, не приходится удивляться, что главное место в истории криминалистики США в 30-е годы занимают не новые гангстерские главари в белых воротничках, а похитители людей и последыши всегда готовых стрелять убийц времен «диких 20-х годов». Доля их преступной добычи в сравнении с огромными прибылями «синдиката» невелика. Но к ним до сих пор умышленно привлекают куда большее внимание публики, чем к тайно оперирующей «Коза ностра».

Похищение в Саурленд Маунтинс

Перелет через Атлантику

Целый день лил дождь; теперь он наконец прошел, и только отдельные грозовые облака мчались над аэропортом Рузвельта в Нью-Йорке. Многочисленные посетители аэродромной столовой внимательно вслушивались в сводку погоды. Из репродуктора прозвучало: «Прогноз благоприятный».

Услышав это, 25-летний молодой человек неторопливо поднялся со стула, тщательно поправил шляпу, купил еще две булочки и неторопливо зашагал к взлетной полосе. Во всяком случае, так рассказывали потом репортеры о начале этого смелого предприятия, — вероятно, чтобы еще больше подчеркнуть невозмутимость своего героя. Через несколько минут молодой человек уже сидел в довольно потрепанном на вид самолете, на фюзеляже которого виднелась надпись «Дух Сен-Луи». Взревел 200-сильный райтовский мотор, машина быстро набрала скорость, дала в конце взлетной полосы полный газ и устремилась ввысь.

Молодой человек был в самолете один. Видимости впереди — никакой. Только по борту просматривались волны Атлантического океана. Чтобы уменьшить полетный вес, летчик не имел на борту ни рации, ни секстанта. Карты и компас — вот все, чем располагал он для ориентировки. Даже от движения руки, протянутой за термосом, самолет покачивало. Заснуть от усталости не давал только сильный град. Но пилот все же сумел достигнуть намеченной цели. После более чем 33 часов полета самолет приземлился на парижском аэродроме Ле Бурже. 21—22 мая 1927 года пилот американского почтового самолета Чарльз Линдберг, швед по происхождению, первым в мире совершил

беспосадочный перелет через Атлантический океан. То был огромный подвиг, стоивший немалых жертв.

Дотоле неизвестный летчик в мгновение ока стал всемирно знаменит, сделался символом летного мастерства. Чарльз Линдберг был тогда в Америке самым популярным человеком и вполне сумел воспользоваться своим успехом. Перед ним открылись двери «высшего общества», он женился на Анне Морроу — дочери американского посла в Мексике. Позднее он попытался играть активную роль в политике, поддерживал профашистское движение, которое под лозунгом «Америка превыше всего» призывало к мировому господству США. Но прежде всего он позволил американской прессе превозносить себя как американского кумира, как человека, который обладал всеми шансами на успех и собственными силами проделал «путь наверх». К тому же он получил погоны полковника.

Шумиха вокруг него в прессе и по радио не смолкала многие годы, и когда 27 июня 1930 года у супругов Линдберг родился сын, поздравления шли почти таким же потоком, как и после перелета через Атлантику. Маленький Чарльз Линдберг, можно сказать без преувеличения, был тогда самым знаменитым ребенком во всех Соединенных Штатах. Но ему не исполнилось и двух лет, когда он стал жертвой поистине одного из самых волнующих криминальных дел того времени.

В США между различными органами уже многие годы шли споры о полицейских компетенциях, и почти всегда с целью «отделаться» от какого-либо уголовного дела, «подбросить» его другому. «Не наша компетенция» — это излюбленное выражение в США. Вполне типичным поэтому было поведение агентов ФБР в ходе расследования преступлений банкира-убийцы Хейла, о котором рассказывалось выше.

Однако были и такие случаи, когда различные полицейские органы из узковедомственных и эгоистических соображений оспаривали друг у друга громкое уголовное дело, хотя бы и во вред расследованию. Примером может служить следующая история.

Спор в Трентоне

Полковник Линдберг любил «паблисити». Но постоянная осада любопытствующими, которой подвергался он сам и его семья, постепенно стала ему обреме-

нительна. До сих пор он жил в доме своего тестя в небольшом городе Энглвуд (штат Нью-Джерси), примерно в 75 километрах южнее Нью-Йорка. Но поскольку здесь невозможно было укрыться от посторонних глаз, он решил построить собственный дом в малонаселенных горах Нью-Джерси. Зимой 1931/32 года у подножия Саурленд Маунтинс вырос большой дом в стиле французской дворянской усадьбы. До ближайшего населенного пункта — маленького городка Хопуэлла — было всего пять километров, а Трентон — столица штата Нью-Джерси — находился в 22 километрах.

Вечером 1 марта 1932 года обитатели нового дома занимались своими обычными делами. Бетти Гоу, хорошенькая 25-летняя няня, уложив маленького Чарльза в кроватку, отправилась в свою комнату. Около 22 часов Бетти, как обычно, желая посмотреть, хорошо ли спит малыш, вошла в детскую, зажгла свет и с ужасом уставилась на пустую кроватку. Наверное, миссис Линдберг взяла ребенка к себе, подумала она и бросилась к хозяйке, а потом в кабинет хозяина. Ребенка нигде не было. Сначала подумали, что ребенок вылез из кроватки и ползает где-то по дому. Но все поиски оказались тщетными. Оставалось предположить только одно: маленького Чарльза похитили!

Линдберг вдруг вспомнил о каком-то странном звуке — словно сломалась ветка. Это было с час назад. Тогда он не придал этому никакого значения, потому что была сильная гроза. Линдберг выбежал из дома и быстро обошел все вокруг. Неподалеку от окна детской она нашел обломки деревянной лестницы, которая явно не принадлежала к инвентарю их дома. Сомнений больше не было.

Спустя короткое время из Хопуэлла прибыли извещенные по телефону полицейские во главе с майором Шеффелем. Они стали искать в детской следы и отпечатки пальцев похитителей, но ничего не обнаружили, кроме того, что оконная рама разбухла от дождя и не закрывается. Вдруг на одном из подоконников майор увидел письмо. Он вскрыл конверт. В нем лежал грязный листок бумаги, на котором было написано:

«Держите наготове 50 000 долларов: 25 000 долларов — 20-долларовыми купюрами, 15 000 — 10-долла-

ровыми и 10 000 — 5-долларовыми. Через 2—4 дня мы известим вас, где отдать деньги. Предупреждаем: не поднимайте шума и не сообщайте полиции. Ребенок находится в хороших руках. Оознавательный знак для наших писем — сигнатура».

Эта «сигнатура» состояла из весьма странных знаков: два синих пересекающихся круга, а внутри красный овал и кроме того три четырехугольные дырки. Письмо было написано непривычной к писанию рукой и содержало много орфографических ошибок. Синтаксис напоминал типично немецкий, а не американский. Кроме того, знак доллара, вопреки общепринятому обозначению, стоял не перед цифрами, а после них. Поэтому сразу предположили, что похититель — из европейских иммигрантов, переселился в Америку недавно и не очень образован. Предположение было довольно рискованным, ибо вымогатель вполне мог умышленно написать письмо с ошибками, чтобы отвлечь от себя подозрение. Произведенный затем осмотр сада не дал никаких следов, так как все смыл сильный ливень.

В 23 часа 30 минут известие о похищении было передано в виде специального сообщения по радио. И около полуночи началась невиданная до тех пор в США акция расследования. По тревоге была поднята вся полиция штатов Нью-Джерси, Пенсильвания и Нью-Йорк, на дорогах установлен контроль, проверявший все автомашины. Волнение в доме Линдбергов достигло наивысшей точки, когда около пяти часов утра прибыли начальник полиции Нью-Джерси полковник Шварцкопф и детектив капитан Лэмб.

Каждое сообщение по радио еще более усиливало страх за жизнь маленького Чарльза: ведь вся эта шумиха могла вызвать у похитителей панику, что могло привести к гибели ребенка. Линдберг заявил, что готов заплатить требуемый выкуп и отказаться от помощи полиции. Но представители полиции и слышать об этом не хотели: ведь это был редкий шанс в один миг стать знаменитыми. Даже если они и не найдут похитителя, все равно их имена будут и дальше упоминаться рядом с именем кумира Америки.

Жажда славы вызвала даже спор между ними. Майор Шеффель, прибывший первым, не хотел выпустить нити расследования из своих рук. Но Шварц-

копф тоже претендовал на руководство расследованием. В спор вмешались даже административные органы: власти Хопуэлла и Трентона, теряя драгоценное время, спорили, кто из них более компетентен в данном случае.

В конце концов верх одержал полковник Шварцкопф. Он официально возглавил операцию, но и другие продолжали действовать на свой страх и риск. Примечательным следствием всех полицейских мер явилась невероятная неразбериха.

Регулярно передававшиеся по радио сообщения о похищении маленького Чарльза, естественно, возбуждали умы, подогревали любопытство публики и жажду сенсаций. Сотни людей устремились ранним утром в эти места. Толпы журналистов и фотографов, представителей кинокомпаний, охотников за сувенирами и авантюристически настроенных зевак окружили дом Линдберга. Некоторые даже стали сами вести расследование, изучая местность. В результате когда полиция наконец прочесала поля, сады, леса и различные строения по всей округе, негативные результаты были уже налицо: слишком многие возможные следы затоптаны и уничтожены.

Спустя два дня похититель вновь напомнил о себе. Линдберг получил письмо с предостережением от дальнейших контактов с полицией. Письмо содержало требование уже большего выкупа — 70 000 долларов вместо 50 000; в нем имелись те же орфографические и синтаксические ошибки, и оно скреплялось той же странной «сигнатурой». Но и на этот раз конкретные указания о том, каким образом и в каком месте должны быть переданы деньги, отсутствовали. В письме говорилось только, что похититель даст о себе знать лишь тогда, «когда полиция перестанет заниматься этим делом».

Тем временем полиция не продвинулась вперед ни на шаг.

Оставленная лестница давала основания предполагать, что она сделана специально для совершения данного преступления, причем качество изготовления, подгонка отдельных частей говорили о том, что делал ее мастер. Эти факты и вымогательские письма привели к выводу, что похититель — квалифицированный столяр или по крайней мере опытный в данном ремесле

человек. И искать его надо среди миллионов иммигрантов из Европы, скорее всего из Германии.

В этой ситуации губернатору штата Нью-Джерси показалось, что он нашел выход из тупика. Он провозгласил лозунг «Вся нация ищет похитителя!» и призвал всех заинтересованных криминально-полицейских специалистов США приехать на совещание в Трентон.

Лишь немного из того, что обсуждалось за закрытыми дверями столицы штата, стало известно общественности. И тем не менее вскоре появилась всеобщая уверенность: сколь различен состав участников этого совещания, столь же различны и их точки зрения. Над всем доминировали вопросы компетенции, и они сводили на нет все приемлемые предложения. После совещания еще раз обследовали местность в радиусе 10 миль, но опять без всякого успеха.

То, что не удалось специалистам в Трентоне, тем более хотелось сделать Дж. Эдгарду Гуверу, хотя дело официально и не входило в компетенцию ФБР. Прошло совсем немного времени, и все важные нити из рук полиции Нью-Джерси перешли в руки ФБР. Когда же специалисты Гувера приступили к расследованию, они самым жалким образом опозорились.

На кладбище в Бронксе

Тусклый свет луны скупо освещал место действия, и надгробные камни бросали тени, похожие на привидения. Зловещую тишину кладбища Бронкса вдруг нарушил крик совы. Человек, стоявший у стены, застыл и прислушался. Потом медленно пошел по узкой тропе, осторожно приближаясь к кустарнику. Он все отчетливее ощущал, что рядом кто-то находится и что решающий момент наступил.

— Доктор Кондон? — донесся до него тихий голос из кустов.

— Да, это я, — приглушенно ответил человек.

— Принесли?

— Присядьте на какую-нибудь скамью, нам надо поговорить.

— О'кэй. Идите двадцать шагов прямо и сверните направо. Встретимся на первой скамье.

Человек по имени доктор Кондон последовал этому требованию. Прождав почти десять минут на

скамье, он уже решил, что его одурачили. Но вдруг перед ним словно из-под земли возник человек и сел рядом.

— Вы пришли один?

— Я соблюдаю условия,— ответил доктор Кондон.— Я пришел в Бронкс один.

Затем начались переговоры между уполномоченным Линдберга и предполагаемым похитителем.

Эта встреча 12 марта на кладбище св. Раймонда в нью-йоркском квартале Бронкс состоялась в силу весьма странных обстоятельств. Доктор Джон Ф. Кондон, 74 лет, прежде доцент педагогики в Фордхэмском университете, а в юности неплохой спортсмен, был в Нью-Йорке известным человеком. С растущим интересом следил он за делом о похищении. Безрезультатность акций полиции побудила его к действию, и он опубликовал на первой странице ежедневной бронкской газеты объявление, что готов в любом месте встретиться с похитителем ребенка и вступить с ним в переговоры. Абсолютная секретность гарантируется. Кроме того, он обещал добавить к выкупу 1000 долларов из собственных средств.

Поскольку различные (к сожалению, преждевременно становившиеся известными публике) предложения супругов Линдберг оставались без ответа, немедленная реакция похитителя на предложение доктора Кондона вызвала некоторое удивление. Но ответное письмо имело ту же «сигнатуру», и можно было предполагать, что оно действительно исходит от похитителя. Письмо содержало требование к посреднику ежедневно с 18 часов вечера находиться дома, так как последуют дальнейшие инструкции. Само собой разумеется, должны быть приготовлены 70 000 долларов.

Поздним вечером 12 марта доктор Кондон получил второе письмо с требованием немедленно доехать до последней станции метро на линии Джером-Эв, а оттуда последовать на север в направлении Ван-Кортлендт-парка. Примерно в 300 метрах от станции он увидит павильон. Справа от входа под камнем будет лежать записка с дальнейшими указаниями.

Через три четверти часа доктор Кондон уже держал записку в руках. В ней говорилось, что он должен следовать в направлении 233-й стрит, пока не наткнется на открытые ворота кладбища св. Раймонда, затем

медленно идти по узкой тропе рядом с кладбищенской стеной...

Так состоялась эта встреча, продолжавшаяся 15 минут. Доктор Кондон сразу заявил, что денег у него с собой нет, ибо полковник Линдберг и его жена требуют гарантий, что их ребенок действительно находится у получателя денег. Кроме того, платить больше 50 000 долларов он не уполномочен.

— Но мы требуем семьдесят тысяч! — заявил неизвестный. — Наша группа состоит из трех мужчин и двух женщин. Мы решили, что первый и второй номер получают по двадцать, а остальные — по десять тысяч долларов.

Сам он — номер второй, зовут его Джон и проживает он в Бостоне. Ребенок в порядке, но находится в 150 километрах отсюда. Ломаный язык незнакомца предположительно со скандинавским акцентом выдавал в нем иностранца.

Похититель все время подчеркивал, что похищение ребенка — дело целой группы. В конце концов они договорились, что при новой встрече Джон представит доказательства того, что ребенок у него и жив.

Еще через три дня доктор Кондон получил пакет с пижамой похищенного Чарльза Линдберга. Итак, значит, Джон действительно имел отношение к похищению.

Прошло еще две недели, прежде чем 2 апреля 1932 года снова удалось установить контакт с похитителем.

Таким же образом, как и в первый раз, Кондона вызвали на место встречи на то же самое кладбище, находившееся в южной части Бронкса. После некоторых колебаний похититель согласился на 50 000 долларов и в свою очередь вручил Кондону конверт, который следовало вскрыть только через три часа.

Линдберг, ожидавший доктора Кондона на углу близлежащей улицы, точно выдержал срок. Потом он вскрыл конверт и прочел:

«Мальчик находится на лодке «Нелли». Это небольшая лодка, длиной 28 футов. Найдете ее между Хозенекс-бич и Кей-Хидом, вблизи острова Элизабет».

Ранним утром 3 апреля Линдберг полетел в указанное место северо-западнее Нью-Йорка, где на причале стояло множество лодок. Но ни одна из них не назы-

валась «Нелли» и не имела указанной длины. Линдберг обыскал весь берег и прилегающую прибрежную полосу. Водная полиция тоже установила контроль за всеми лодками в этом районе.

4 апреля поиски были продолжены, но безрезультатно. Наконец Линдбергу пришлось признать, что похититель обманул его и 50 000 долларов пропали даром.

Как же вели себя при этом полиция и ФБР? Уже после первой встречи доктора Кондона с похитителем можно было с большой вероятностью предположить, что он совершил преступление в одиночку. Схватить его при второй встрече было сущим пустяком, но этого сделано не было.

Места жительства Линдбергов и доктора Кондона находились под наблюдением. О предстоящей второй встрече, на которой похитителю должен был вручаться выкуп, полицию информировали заранее. За встречей с похитителем с безопасного расстояния даже наблюдал представитель полиции. Но похитителю после получения 50 000 долларов дали беспрепятственно скрыться.

Сначала ФБР рвалось расследовать дело, но в решительный момент не сделало ничего, кроме того, что заранее переписало номера серий пяти тысяч купюр.

Это странное поведение ФБР едва ли можно объяснить сентиментальным желанием сдержать обещание секретности встречи, данное похитителю Линдбергом и Кондоном. Ведь известно было, с какой жестокостью вскоре с помощью ФБР был погублен совершенно неповинный в похищении человек. Однако пассивность ФБР становится понятной, если предположить, что дело Линдберга интересовало ФБР лишь как возможность наконец расширить сферу своей компетенции.

Смерть Виолет Шарп

Шли недели, а ничего так и не прояснилось.

12 мая к вечеру двое мужчин ехали по холмистым отрогам гор на возу с дровами. В одном месте, откуда можно было различить расположенный в нескольких милях дом Линдбергов, дровосеки остановились, так как одному из них потребовалось по нужде. Он слез

с воза и отправился в кусты, но через секунду выскочил на дорогу.

— Орвилл,— крикнул он,— иди сюда быстрее! В кустарнике мертвый ребенок!

Мужчины молча разглядывали страшную находку. Всего в тридцати метрах от дороги, прикрытый ветками, в небольшом углублении лежал мертвый ребенок. Дровосеки бросились к своему возу и изо всех сил погнались к Хопуэллу, где известили полицию.

После сравнительно быстрого расследования было установлено, что это труп маленького Чарльза. Окончательную идентификацию облегчило наличие прирожденного дефекта на двух пальцах правой ступни. Судебно-медицинское исследование показало, что смерть наступила в результате разможнения черепа и что ребенок убит уже более двух месяцев назад. С достаточной уверенностью можно было предположить, что он был умерщвлен сразу же после похищения и кое-как спрятан на месте его обнаружения.

Этот лес в свое время тоже неоднократно прочесывался полицией, которая так ничего и не нашла, хотя данный участок дороги на Хопуэлл должен был бы привлечь особое ее внимание. Теперь же предположили, что похитители наблюдали отсюда за домом Линдберга и заметили, как вдруг во всех комнатах зажегся огонь — признак того, что похищение обнаружено. Это, как полагали, повергло похитителей, понявших, что полиция начала поиски, в панику и послужило поводом для убийства ребенка.

Было ли это предположение правильным или нет, не установлено, но, во всяком случае, тщательность полицейских поисков непосредственно вблизи места обнаружения трупа оказалась под сомнением.

Итак, дело о похищении превратилось в дело об убийстве. Но и теперь расследование не продвинулось ни на шаг. Чтобы вообще что-то делать, полиция вновь занялась прислугой семей Линдберг и Морроу, ибо за несколько недель до того подозрение пало на одного дружка няни Бетти Гоу. Однако безосновательность этого подозрения выяснилась очень скоро. Теперь расследование сосредоточилось в первую очередь на прислуге семьи Морроу — родителей миссис Линдберг. Во время допроса Виолет Шарп, привлекательная 27-летняя горничная, не смогла достаточно убедительно и

подробно рассказать о своих делах в день похищения, со времени которого как-никак прошло уже больше десяти недель. Незначительного противоречия в ее показаниях оказалось достаточно, чтобы основательно «взять ее в оборот».

Виолет сообщила, что в день совершения преступления она познакомилась с одним молодым человеком; ей известно только его имя — Эрни. 1 марта они договорились еще с одной парой пойти в кино. Но затем Виолет сказала, что они лишь пошли выпить пива. Полиции это показалось подозрительным.

Что произошло потом, 10 июня, за закрытыми дверями, кто именно с особой жестокостью взял девушку «в оборот» — агенты полиции штата Нью-Джерси или же сотрудники ФБР, — так и осталось неизвестным. Официально сообщалось, что Виолет Шарп не смогла дать об этом «Эрни» и другой паре никаких сведений. Когда же ей предъявили фотографию ранее судимого таксиста Эрнеста Бринкерта, она якобы узнала в нем того самого «Эрни», а потом вышла в соседнюю комнату и отравилась цианистым калием.

Эрнест Бринкерт на допросе смог доказать свое безупречное алиби: он не имел ничего общего ни с Виолет Шарп, ни со всем этим делом.

Когда о смерти девушки стало известно общественности, объявились некий Эрнест Миллер и другая молодая пара, которые 1 марта вместе с Виолет находились в Энглвуде, за много миль от места преступления.

Что бы ни послужило причиной смерти Виолет Шарп, так или иначе совершенно невинный человек лишился жизни ради того, чтобы полицейские служащие могли похвалиться «удачным расследованием» дела. Многие газеты тогда писали, что это «позор для юстиции и полиции США».

В такой ситуации ФБР решило, что настал его час восстановить «честь полиции и юстиции», а для этого — твердо взять дело в свои руки. Специальный закон «Линдберг киднеп акт», принятый конгрессом в Вашингтоне, отныне расследование похищений людей («киднеппинг») относил к компетенции ФБР.

Гувер решил показать, на что способна его организация, и выделил из своего насчитывавшего 326 сотрудников учреждения 24 человека (под началом детективов лейтенантов Джеймса Дж. Финна и Фрэнка

Маккарти), которые должны были «заниматься делом Линдберга до тех пор, пока похитители не будут схвачены».

Последней зацепкой теперь могли служить только номера серий тех 50 000 долларов, которые передал похитителю доктор Кондон. Эти номера были напечатаны в газетах всех штатов, списки их получили и банки. Время от времени купюры с соответствующими номерами появлялись в небольшом количестве, особенно в магазинах северной части Нью-Йорка, но на след их владельцев напасть никак не удавалось. Тем не менее это позволяло предположить, что похититель проживает в Бронксе, где, как известно, встречался с ним доктор Кондон.

Миновал 1932 год, наступил 1933-й, но и он не дал никакого результата. Прошло уже почти девять месяцев нового года, когда 15 сентября «господин Случай» наконец-то принес успех, который был непосредственно связан с проведением «нового курса».

Под лозунгом «нового курса» в 1932 году вступил в избирательную борьбу Франклин Делано Рузвельт, обещая найти выход из экономического кризиса, потрясавшего США с 1929 года. В 1932 году число безработных в стране составляло более 13 миллионов человек.

Учитывая этот факт, можно понять, почему пресса и радио уделяли столь большое внимание делу Линдберга. Ведь для средств массовой информации уголовный инцидент в семье известнейшего человека был как раз на руку, ибо он в разгар экономического кризиса помогал отвлечь внимание широких кругов населения от их собственных бед.

«Пропагандистская акция Линдберг» началась в марте 1932 года и держала людей в напряжении минимум четыре месяца — до смерти Виолет Шарп и полной передачи дела в руки ФБР в июне того же года. Избирательная борьба шла полным ходом, и в ноябре Рузвельт был избран президентом США.

С 1933 года он стал проводить в жизнь различные законопроекты «нового курса». Оказание помощи безработным, осуществление проектов создания новых рабочих мест, защита фермеров от принудительных мер и т. п. — вот что было его программой. Но поскольку «новый курс» прежде всего был направлен на спасение

капиталистического общественного строя и не затрагивал его основ, решающего успеха он не принес. Главным доказательством этого явилось то, что и спустя шесть лет в стране насчитывалось 9,5 миллиона безработных.

Однако один из законов, принятых в рамках «нового курса», оказался для похитителя ребенка Линдбергов роковым, а именно положение об «аннулировании пункта о золоте». Желтые долларовые банкноты, владельцы которых ранее могли разменять их на золотые монеты, подлежали обмену на обычные зеленые банкноты (уже без права размена) до 1 мая 1933 года. После этого срока обмен производили только несколько банков.

Показания против показаний

Уолтер Лайл был владельцем бензозаправочной станции на 125-й стрит в Нью-Йорке. В субботу 15 сентября 1934 года клиентов было мало. Наконец к бензоколонке подъехал «додж». Лайл заправил его.

— С вас 98 центов, мистер.

Тот без слов протянул ему скомканную желтую 10-долларовую купюру.

— Теперь такие встречаются редко,— заметил Лайл.

— У меня их осталось всего несколько, но ведь их можно обменять.

— О'кэй, вот вам сдача — девять долларов два цента.

Когда машина отъехала, Лайл подумал: «Не буду рисковать» — и записал на краю купюры номер «доджа»: «NY4U — 13—41».

Уже в тот же день Лайл обменял желтую купюру, а в понедельник главный кассир банка обнаружил, что это купюра из выкупа, уплаченного Линдбергом похитителю. Он сразу же позвонил в ближайший полицейский участок, откуда сообщение передали агенту ФБР Финну. Немного погодя по номеру автомашины была установлена и личность ее владельца: Бруно Рихард Гауптман, уроженец саксонского города Каменц, квалифицированный столяр. В 1923 году нелегально иммигрировал в США, многие годы безработный, ныне проживает по адресу: Бронкс, 1279 Ист, 222-я стрит.

В течение дня агенты ФБР незаметно следили за Гауптманом, следуя за ним по пятам и отмечая, как он расплачивался желтыми купюрами с зарегистрированными номерами. 18 сентября он был схвачен.

После выдачи его штату Нью-Джерси (поскольку преступление было совершено там) 2 января 1935 года начался сенсационный суд присяжных, который длился шесть недель и закончился смертным приговором Гауптману. Обвинение представило против Гауптмана следующие доказательства: в его квартире и гараже были найдены еще 14 000 долларов из суммы выкупа. Кроме того, доктор Кондон опознал в нем человека, с которым он дважды встречался и которому передал 50 000 долларов. 14 вымогательских писем и 16 других письменных документов Гауптмана имели одни и те же грамматические ошибки. Принадлежность этих материалов Гауптману подтвердили и восемь графологов. Лестница была изготовлена инструментами обвиняемого, а часть материала для нее взята из деревянных свай дома Гауптмана на 222-й стрит, что доказал специальный эксперт ФБР Артур Келер. Свидетели показали, что видели Гауптмана 1 марта 1932 года, перед преступлением, в Хопуэлле и 12 марта, перед встречей с доктором Кондоном, около его квартиры.

Все это, вместе взятое, давало весьма убедительные улики, которые не могли не произвести впечатления на присяжных. Однако защита утверждала, что найденные в квартире Гауптмана деньги в действительности принадлежат его другу парикмахеру Айседору Фишу, который якобы перед своим отъездом в Германию передал ему пакет на сохранение. Фиш умер в марте 1934 года. Тогда Гауптман будто бы вскрыл пакет и счел себя вправе воспользоваться неожиданно приобретенными им долларами. Кроме того, первая очная ставка с Кондоном была неубедительна и тот окончательно опознал Гауптмана только при второй встрече. Один из графологов и защитники оспаривали заключения экспертов обвинения. Свидетелям, выставленным прокурором, адвокаты Гауптмана противопоставили собственных, которые заявляли, что видели обвиняемого в момент преступления совсем в другом районе страны.

К тому же защита утверждала, что эксперты, состоящие на правительственной службе, дискредити-

ровали себя во многих предшествующих случаях и сейчас улики сфабрикованы.

Итак, одни показания противоречили другим. Сам же Гауптман не впадал в своих показаниях ни в какие противоречия даже при самых изощренных приемах, с помощью которых представители обвинения пытались заставить его признаться. Однако показания свидетелей, выступающих в его пользу, сильно обесценивались тем, что большинство из них были ранее судимы. Кроме того, в биографии Гауптмана имелись темные места: перечень уголовных дел, совершенных им прежде в Германии, включал несколько краж и одно уличное ограбление с применением оружия.

Но если беспристрастно взвешивать все обстоятельства, вина Гауптмана отнюдь не была доказана однозначно. Присяжным тоже потребовалось более одиннадцати часов, прежде чем они пришли к единому решению. Противоречивы были и заключения экспертов. Виновен или невиновен — фактически осталось недоказанным.

Жестоким и типичным для американского правосудия было то, что происходило далее, в период между осуждением и казнью. Приговоренному в течение тринадцати месяцев семь раз сообщали время казни и каждый раз за несколько минут до нее переносили срок приведения приговора в исполнение. 3 апреля 1936 года Бруно Гауптман был казнен на электрическом стуле.

Новые похождения Гастона Минса

Подробные сообщения средств массовой информации о случаях похищения людей вызвали новые преступления. Захотели погреть руки и мошенники, не имевшие отношения к похищениям. Сочиняя всякие истории, они стремились завладеть выкупом. Немало таких попыток было и в связи с делом о похищении ребенка Линдбергов.

Самый же крупный трюк проделал агент ФБР — уже упоминавшийся нами Гастон Б. Минс. Ни его деятельность в период первой мировой войны в качестве германского агента, ни обвинения в убийстве, а также подделке завещания не помешали этому гангстеру в президентство Гардинга быть принятым на службу в

ФБР в качестве специального агента. Затем как «докладчик» министерства юстиции Минс приобрел большое влияние на кадровую политику Белого дома.

Вскоре после похищения сына Линдбергов в Вашингтоне состоялась встреча Минса с некой миссис Эвелин Уолш Маклин, весьма состоятельной дамой, женой издателя газеты «Вашингтон пост». Это похищение она приняла особенно близко к сердцу, ибо несколько лет назад одному из ее сыновей тоже угрожало похищение и его пришлось охранять днем и ночью в течение нескольких месяцев. Минс живо прикинул, что при помощи подходящей сказки у миссис Маклин можно выудить кое-какую сумму, но действительный успех превзошел все его ожидания...

Они болтали и шутили о том о сем, пока миссис Маклин сама не заговорила о преступлении в Саурленд Маунтинс.

— Ужасно! Бедные родители...— простонала она. Немного помедлив, Минс ответил:

— Собственно, мне не следовало бы говорить об этом, но, поскольку вы так близко принимаете к сердцу этот случай, буду с вами вполне откровенен. Недавно от одного знакомого я услышал об этом похищении нечто весьма примечательное. Если я не ошибаюсь, человек этот связан с бандой, похитившей ребенка.

Миссис Маклин была вся наэлектризована мыслью, что сможет помочь вернуть ребенка несчастным родителям. Идея эта и определила все ее дальнейшие поступки. Через два дня Минс снова появился у нее.

— У меня есть кое-какие успехи,— сообщил он.— Мне удалось установить контакт с людьми, укравшими ребенка. Малышу живется хорошо. Но...— и при этом лицо его помрачнело,— банда требует за его освобождение 100 тысяч долларов. Если бы я только мог найти такую сумму...

Минс сразу заметил, что названная им сумма не вызвала шока. Поэтому он продолжал лгать, привел некоторые «подробности» и даже назвал несколько имен и кличку главаря банды — Лис. В конце концов ему удалось побудить богатую даму пообещать ему 100 тысяч долларов.

— Я заплачу эти деньги похитителям,— заверил Минс,— только тогда, когда ребенок будет находиться в безопасности, причем именно у вас! А до тех пор надо

соблюдать абсолютную секретность. Вы не должны говорить об этом ни единому человеку, иначе вам грозит опасность.

Для миссис Маклин потянулись недели ожидания. Уже через шесть дней она передала Минсу требуемую сумму. Мошенник время от времени появлялся у нее и рассказывал о трудностях, которые надеется вскоре преодолеть. Но это будет стоить еще 4 тысячи долларов. Он получил и их.

Затем последовали таинственные телефонные звонки, и Лис пообещал вскоре лично посетить миссис Маклин, чтобы договориться о деталях.

Лис действительно появился — в маске, в светлых замшевых перчатках. Он отлично сыграл свою роль и поведал, как это опасно — проникнуть через полицейский кордон, чтобы доставить ребенка. Не пообещав ничего конкретного, Лис снова исчез. Вслед затем у миссис Маклин стали опять раздаваться таинственные звонки.

— Говорит номер сто семнадцать,— произносил Минс, пользовавшийся этим кодом при телефонных разговорах.— Ребенок может быть у вас через два дня. Но Лису нужны еще 35 тысяч долларов, чтобы без риска пройти через полицейское оцепление. Ровно столько от него требуют «копы», чтобы открыть проход в кордоне.

В своей неслыханной доверчивости миссис Маклин уже хотела заложить собственные драгоценности. Она поручила это своему адвокату, которому не составило большого труда узнать от клиентки всю историю. Юрист немедленно возбудил ходатайство об аресте Гастона Б. Минса.

15 июня 1932 года начался процесс по делу бывшего агента ФБР, закончившийся осуждением его на 15 лет каторжной тюрьмы за мошенничество. От этого сурового наказания Минса не спасло даже присутствие в зале суда его бывшего друга. После того как Минс был допрошен в качестве свидетеля по собственному делу, он не сразу вернулся на скамью подсудимых. Без всяких помех со стороны суда Минс направил свои стопы к той скамье, на которой сидел Гувер.

— Ну, Эдгар,— спросил он,— что скажете на это?

— Хорошенькую же вы заварили кашу,— ответил шеф ФБР.

Минс доверительно подмигнул:

— Но вы должны признать, что дело было обстряпано великолепно. Я все равно выкручусь.

Как бы то ни было, но 104 тысячи долларов, припрятанные преступником в надежном месте, спокойно дожидались его. Несмотря на интенсивные поиски, полиции не удалось найти ни цента.

Немного дольше находился на свободе Лис, но потом взяли и его. Человек, так хитро скрывавшийся под этой кличкой, оказался не кем иным, как адвокатом Норманом Уайтэкером. Несмотря на свою профессию, ему пришлось смириться с крупным провалом. Он получил такое же наказание, как и Минс, с той лишь разницей, что его не ждали припрятанные доллары, ибо получить свою долю в 35 тысяч он не успел.

«Час, которого мы ждали»

Трюк
с деревянным пистолетом

В один из первых майских дней 1934 года Дж. Эдгар Гувер вызвал в свой кабинет джи-мена Сэмюэла П. Коули.

Собственно говоря, этот 34-летний агент всей своей предыдущей жизнью вовсе не был предуготовлен для той тактики, которую он теперь должен был продемонстрировать в качестве образца. Ряд лет он разъезжал по стране как проповедник-миссионер мормонской церкви, затем кончил юридический факультет, некоторое время занимался адвокатской практикой и в конце концов оказался в ФБР. Но Гувер знал, почему он поручает намеченное дело именно этому внешне неуклюжему бывшему проповеднику, о котором, между прочим, говорили, что он лучший снайпер во всем ФБР.

— Послушайте, Сэм,— начал разговор шеф ФБР,— вчера на совещании у генерального прокурора Штатов было решено принять особые меры против Джона Диллинджера. С этого дня он «государственный враг номер один». Мы должны справиться с ним, чего бы это ни стоило. Операцию против Диллинджера возглавите вы. Идите по любому следу! Задерживайте всех лиц, которые хоть как-то были связаны с бандой. Лучше всего, разумеется, живыми, но важнее всего, чтобы эти люди вообще были обезврежены. Вам дается полное право применять огнестрельное оружие. Я ожидаю, что вы будете действовать беспощадно. Кстати, дело это стоящее. За голову Диллинджера, живого или мертвого, назначена награда в десять тысяч долларов!

— Можете полностью на меня положиться! — ответил джи-мен Коули.

Его ближайшим помощником стал Мелвин Пурвис, начальник отделения ФБР в Чикаго. В последующие недели оба специальных агента и другие члены их оперативной группы демонстрировали образец действий джи-менов на будущее и дали еще один повод для восхваления агентов ФБР в многочисленных фильмах и книгах, причем облик их определялся отнюдь не детективными способностями, а беспощадностью. Лучшим из агентов ФБР считался тот, кто быстрее других нажимает на спуск. «Совершенно новый тип полицейского», — писал английский криминолог Леонард Гриббл о джи-менах, начавших действовать в 1934 году.

«Дело Диллинджера» положило начало «жестокой волне». Обучением агентов ФБР прежде всего меткой стрельбе занимались еще ранее специалисты армии и флота. Затем конгресс принял закон, разрешавший агентам ФБР постоянно носить огнестрельное оружие и при первой необходимости пускать его в ход. Теперь надлежало применить новую тактику.

Джон Герберт Диллинджер начал свою гангстерскую карьеру как мелкий грабитель — с налетов на одиноко стоящие бензозаправочные станции и похищения их выручки. Неудачное ограбление привело его на восемь лет за решетку. В мае 1933 года он был условно выпущен из тюрьмы штата Индиана, после того как обещал в будущем никогда не вступать в конфликт с законами. Но в действительности у 30-летнего гангстера еще в тюрьме созрел новый план. Выйдя на свободу, Диллинджер немедленно решил его осуществить, для чего сколотил «готовую стрелять» банду, которая с сентября 1933 года по июль 1934 года грабила на Среднем Западе один банк за другим.

Оружие банды было по большей части из полицейских арсеналов — добыча от трех нападений на полицейские участки. Крупнейший «улов» банда Диллинджера получила в январе 1934 года в Ист-Чикаго: она похитила 300 тысяч долларов. При этом был убит очередью из автомата патрульный полицейский, как раз совершавший обход банка.

Полиция штата Индиана, где находится Ист-Чикаго, не сомневалась, что новое ограбление банка — дело рук банды Диллинджера, ибо отпечатки пальцев, пули и гильзы были достаточно явной «визитной карточкой».

Но полиция Индианы тщетно разыскивала Диллинджера и его сообщников, ибо главарь банды вместе с тремя самыми близкими компаньонами отбыл во Флориду, отдохнуть. Через неделю море гангстеру надоело, и он решил подняться в горы. В городе Тусон, неподалеку от мексиканской границы, его прибежищем на неделю стал роскошный «Гранд-отель». В первый же вечер «джентльмены» были пьяны в стельку. А через несколько часов ночной город был разбужен сигналом пожара. Пламя грозило перекинуться с соседнего дома на отель, поэтому пришлось срочно эвакуировать из него всех проживающих.

Администрация попросила полицию убрать из отеля упившихся до полного бесчувствия четверых гостей. Поскольку фотографии Диллинджера были опубликованы в газетах, у полицейских не было сомнения, что лежавший перед ними поперек постели мужчина — не кто иной, как самый опасный враг Америки. Зная, чего можно ждать от такого человека, полицейские запросили подкрепления. В отель поспешил явиться и шериф Тусона. Диллинджер и трое его сообщников, еще не идентифицированные, были доставлены в полицейскую тюрьму.

Заинтересованные штаты немедленно потребовали их выдачи. Кларка, Маклея и Пирпонта отправили в Огайо, чтобы привлечь их там к ответу за убийство шерифа. Джона Диллинджера на самолете доставили в Индиану и изолировали в тюрьме Граун-Пойнт. Чтобы он не сбежал, его посадили не в камеру предварительного заключения, а в камеру смертников. Окружной судья уже готовил обвинение, процесс должен был начаться в ближайшие дни. Но 3 марта 1934 года произошло невероятное: Джон Диллинджер все-таки сбежал. Каким образом ему это удалось, так и осталось невыясненным. Ходили многие версии: с помощью деревянного пистолета, который он якобы вырезал бритвенным лезвием из тюремной табуретки, чтобы запугать тюремщика, или макета автомата, или даже настоящего автомата, который ему якобы тайно переправили в тюрьму. Но, так или иначе, он заставил тюремного охранника открыть ему дверь камеры, схватил два автомата, угнал автомашину шерифа и скрылся из Граун-Пойнта.

После удачного побега Диллинджер действовал осмотрительно, спеша покинуть тот район, где, как он считал, его уже разыскивали. Поэтому он устремился по автостраде, ведущей на запад, достиг границы штата и помчался в соседний Иллинойс. Со второй половины дня 3 марта 1934 года, когда он пересек границу Иллинойса, дальнейшее его преследование автоматически переходило в ведение ФБР, стало «делом федерального значения», так как подпадало под действие специального закона, принятого конгрессом еще в 1919 году, — «переброска краденного автомобиля из одного штата в другой».

Через несколько дней после побега Диллинджер случайно чуть было не угодил в ловушку. Но ему и его сообщникам удалось уйти.

Вскоре Диллинджер произвел налет на полицейский участок в Уорсо (штат Индиана), испробовал на месте пуленепробиваемые жилеты, забрал подходящее оружие и пополнил свои боеприпасы. Агенты ФБР, которым было поручено найти следы банды, прибыли ровно на час позже, когда ее и след простыл.

Тем временем фотографии Диллинджера и его сообщников стали известны почти каждому американцу. В апреле 1934 года ФБР получило информацию, что члены банды скрываются в Литл-Богемии в штате Висконсин — курорте на канадской границе.

В качестве укрытия банда избрала одинокую ферму в труднопроходимой местности; проехать туда на автомашине было почти невозможно, но команда джи-менов сумела найти дорогу. Сторожевые псы на ферме при приближении джи-менов подняли отчаянный лай. Под прикрытием заградительного огня нескольких автоматов банда успела скрыться в непроходимых болотах. Но один из бандитов, прозванный за свой ребячливый вид «Детское личико», захотел устроить «большое шоу»: он остался на ферме и, подпустив джи-менов поближе, дал очередь из автомата. Агент ФБР Картер Баум был убит, а другой джи-мен и один полицейский тяжело ранены.

Итак, на счету банды Диллинджера был уже десяток убийств, когда Гувер отдал приказ о беспощадной охоте на нее. При этом поплатились жизнью немало

граждан, имевших несчастье внешне быть похожими на Диллинджера или на кого-нибудь из его банды. Памятуя об обещанной награде в 10 тысяч долларов и имея полную свободу применения оружия, многие джимены слишком часто вытаскивали свой кольт из кобуры. Они стреляли при малейшем подозрении, что перед ними «государственный враг № 1». Такие «перегибы», разумеется, замалчивались, и официальные сообщения о «деле Диллинджера» никаких цифр и подробностей не приводили. Однако осторожные неофициальные подсчеты свидетельствуют, что было убито не менее 30 ни в чем не повинных людей, т. е. в 3 раза больше, чем насчитывала банда Диллинджера.

Тем временем, чувствуя, что рано или поздно он попадется «готовым в любую минуту стрелять» агентам ФБР, гангстерский босс решил изменить свою внешность. Диллинджер нашел двух врачей, которым была запрещена профессиональная деятельность, и они за 5 тысяч долларов согласились сделать ему пластическую операцию лица. Оперировали Диллинджера в одной чикагской квартире, всего в нескольких кварталах от местного отделения ФБР. Квартира принадлежала бывшему подпольному торговцу алкоголем, который предоставил ее для этой цели за 40 долларов в день.

Хирурги попытались укоротить и расширить лицо Диллинджера. Были подвергнуты обработке и кончики пальцев: Диллинджер хотел стать человеком без отпечатков пальцев. Правда, затея эта оказалась безрезультатной: гладкими кончики пальцев Диллинджера все равно не стали.

Операция на несколько недель вывела преступника из строя, но уже в конце июня он и его банда снова были на «боевом посту». Действуя по принципу, что наибольшая наглость вернее всего ведет к успеху, Диллинджер специально выбрал для своего нового преступления такое место, которое находилось в центре района его предшествующих преступлений. Его люди очистили сейфы банка Саут-Бенда в северной Индиане — недалеко от Ист-Чикаго.

ФБР пришло в смятение. Гувер был вне себя от ярости. Он публично обзывал Диллинджера «трусливой крысой», но гангстер передал ему, что этот комплимент, полученный от «бульдога», его просто рассме-

шил. Во многих городах джи-мены гонялись за мнимыми диллинджерами, а настоящие гангстеры тем временем «работали» в других местах. Они еще освободили из техасской тюрьмы парочку преступников, ожидавших казни, когда на помощь ФБР пришел случай.

Финал в кино

Вечером 21 июля 1934 года джи-мен Мелвин Пурвис скучал в своем кабинете в чикагском отделении ФБР, когда ему доложили, что его хочет видеть какая-то посетительница. В комнату вошла брюнетка лет сорока, со следами бурно прожитой жизни на лице.

— Я выдам вам Диллинджера, если мы с вами договоримся,— заявила она.

Затем она рассказала, что зовут ее Анна Кумпанс, в 1914 году она эмигрировала из Румынии в США и с тех пор зовется Анна Сейдж. Сейчас у нее возникли трудности с иммиграционными властями и ее хотят выслать, как нежелательную иностранку. А причина пустяковая: иногда сдавала комнаты на час. Но ее дом вовсе не какой-нибудь бордель. Если ФБР поможет ей остаться в Штатах, тогда, пожалуй, с делом Диллинджера можно быстро покончить... И наконец, она хочет получить вознаграждение: 10 тысяч долларов были бы ей сейчас очень кстати.

— Завтра вечером Джон, его новая подружка Полли Гамильтон и я собираемся пойти в кино — или в «Марбро», или в «Биограф». Это я вам точно говорю. Там вы и сможете его сцапать. Я надену красное платье, потому что без меня вам его не узнать. Теперь у Джона лицо совсем другое.

Пурвис немедленно проинформировал Коули и Гувера. Была срочно сформирована оперативная группа, получившая последнюю инструкцию лично от самого шефа ФБР.

— Джентльмены, все вы знаете привычки Джона Диллинджера. Теперь мы заплатим ему той же монетой. Если мы его выследим и затем он удерет, это будет позором для бюро. Джентльмены, это час, которого мы ждали, и Диллинджер должен быть у нас в руках! Каждому из вас дано право делать все, что необходимо. Лишь одно требование является безусловным: Диллинджера надо доконать.

В переводе на общепонятный язык это означало: прикончить гангстера при первой же возможности. Конечно, имелись все шансы взять Диллинджера и живым. Оба кинотеатра находились в районах, которые можно было «герметически закрыть». Но Гувер не хотел рисковать, чтобы избежать возможного позора для ФБР, а тем самым и для себя самого. При этом сознательно упускался шанс получить от взятого живым Диллинджера сведения об остальных гангстерах из его банды и о других преступлениях.

22 июля Мелвин Пурвис с напряжением ожидал, даст ли о себе знать, как было условлено, Анна Кумпанс. Около 18 часов зазвонил телефон: «Мы идем в «Биограф», на первый вечерний сеанс».

Агенты ФБР устроили совещание, обсуждая вопрос, не застрелить ли им Диллинджера прямо в переполненном публикой кинотеатре. Но потом все же решили дождаться конца сеанса.

Сидевшие в публике джи-мены незаметно подобрались к вышедшей тройке. Как и было условлено, «дама в красном» уронила носовой платок, отстав на несколько шагов. Диллинджер явно почувствовал неладное. Он вдруг оттолкнул свою спутницу Полли и бросился бежать, но угодил как раз под очередь автомата Коули. Агенты со всех сторон начали стрелять в Диллинджера, и только чудом остальные посетители не были ранены или убиты.

Гангстер попытался вытащить свой револьвер, но рухнул на пол. Позже в его теле насчитали 28 пуль. «Государственный враг № 1» был мертв.

Полное извращение понятий морали в американском обществе привело к тому, что в США возникла легенда о Диллинджере. Его преступления прославлялись миллионными тиражами. Диллинджер и «Детское личико» стали настоящими кумирами молодежи. «Преступление стоит того, чтобы его совершать!» — таков был девиз бульварной литературы. Для многих юношей эти дешевые брошюры стали руководством к действию. Они хотели быть такими же отчаянными смельчаками.

Все это внесло свой вклад в рост преступности, террора и насилия, буквально захлестнувших Соединенные Штаты Америки.

Джи-мены отправляются на войну

**«...Тем самым дело
заканчивалось»**

Шестого сентября 1939 года президент Рузвельт специальной директивой поручил ФБР «взять на себя расследование дел о шпионаже, саботаже и нарушении нейтралитета».

Это означало, в частности, что подобные дела отныне входят в компетенцию ФБР. Вместе с тем это означало огромный рост влияния данного учреждения, которое тем самым получило в свое ведение дела внутренней государственной безопасности США. Теперь любую политическую активность оно могло подвести под одну из трех указанных в директиве категорий или же истолковать как подготовку к названным в ней действиям.

Задания подобного рода были, конечно, не новы, но прежде приобретенную ныне власть ФБР вынуждено было делить с другими федеральными органами. Гувер настойчиво стремился к изменению положения и уже много лет практиковал то, что теперь было закреплено за ним официально. В соответствии со своими новыми задачами ФБР было уполномочено проводить расследования по заданиям государственного департамента.

Таким образом Гувер и его друг — государственный секретарь Корделл Хэлл договорились о том, что ФБР должно координировать действия против «коммунизма и фашизма». Это клеветническое отождествление совершенно противоположных политических явлений, столь типичное для антикоммунистической империалистической пропаганды, фактически давало ФБР карт-бланш для действий против прогрессивных сил США.

Поводом для договоренности между Гувером и Хэллом послужил затяжной экономический кризис 30-х годов, который потряс основы американского государства. К 1936 году на улицу было выброшено 9 миллионов трудящихся. Крупные забастовки на предприятиях «Дженерал электрик», «Дженерал моторс» и других концернов служили явным сигналом того, что трудящиеся больше не желали безропотно принимать бремя кризиса на свои плечи. Миллионы рабочих, по примеру «Индустриальных рабочих мира», стали объединяться; монополистическая буржуазия оказалась перед опасностью возникновения массовой революционной организации. Кроме того, решившиеся на борьбу «цветные» создали «Национальный негритянский союз»; тысячи американцев, для которых демократия являлась не пустым понятием, вступили в батальон имени Линкольна, защищавший республику на испанской земле.

Все это происходило в середине 30-х годов и прибавило ФБР много работы. В официальном отчете бюро за 1936 год говорилось: «Итак, ФБР тайно и не раскрывая характера своих полномочий установило контроль за деятельностью коммунистов» (под которыми подразумевались все прогрессивные силы страны).

Пресловутая персональная картотека Гувера невероятно разрослась, причем особое внимание в ней уделялось бойцам батальона имени Линкольна, которые якобы нарушили «Закон о нейтралитете» от 31 августа 1935 года. Этот закон предоставлял свободу рук германскому и итальянскому фашизму, а также благоприветствовал испанским фалангистам. Даже те, кто пожертвовал какой-нибудь доллар в помощь Испанской республике, вносились в картотеку ФБР, так что эти досье впоследствии сыграли роковую роль для многих граждан США.

Для проформы ФБР вело расследование и против таких организаций, как «Германо-американский союз». В уже цитированном отчете ФБР говорилось: «Время от времени ФБР получало задание внимательнее приглядеться к тем лицам или организациям, которые вели пронацистскую деятельность. Обычно в таких случаях проводилось расследование, сведения предоставлялись министерству юстиции и тем самым дело заканчивалось»,

Нацистские организации — числом более ста — могли, таким образом, беспрепятственно вести свою агитацию, ибо их цели явно находились в согласии с государственной доктриной США тех времен — изоляционизмом. Нейтралитет любой ценой, никакой военной конфронтации с Германией — за это выступали такие влиятельные промышленники, как Дюпон и Форд, которые в 20-х годах помогли Германии снова стать на ноги, дабы создать в Европе надежный оплот против коммунизма.

Существовали самые различные переплетения американских монополий с такими крупными германскими концернами, как «ИГ Фарбениндустри» и другие. Например, через полгода после захвата власти Гитлером основатель и глава «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» Бен отправился в Германию, чтобы выяснить там возможности расширения своего концерна, в результате чего было создано дочернее предприятие «Стандарт-электрицитет-гезельшафт» и куплена фирма «Лоренц» в Штутгарте. Эти два дочерних предприятия американского концерна получили затем военные заказы от фашистского вермахта. Беседа Бена с Герингом привела к контакту, благодаря которому «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» вложила миллионы долларов в вооружение фашистской «люфтваффе», получив огромные прибыли. Гитлер был для американских империалистов тем человеком, который оберегал капиталистический строй от революционной опасности. Они рассчитывали направить агрессивность фашистской Германии (не являвшуюся для них, разумеется, секретом) против Советского Союза.

Политические деятели, группировавшиеся вокруг Франклина Д. Рузвельта, более реалистически оценивали планы гитлеровской Германии, сознавали опасность «нейтралитета любой ценой». Президент нашел поддержку и тех монополий, которые (исходя, правда, совсем из других соображений) видели в военной конъюнктуре выход из затяжного кризиса.

Когда 11 декабря 1941 года в Белом доме получили официальное объявление войны из Берлина и Рима, то даже в тех слоях американского народа, которые еще до недавнего времени верили в пользу изоляционизма, произошло быстрое изменение настроений, бла-

годаря чему большинство трудящихся поддержало цели антигитлеровской коалиции с Советским Союзом.

Вынужденное считаться с этими антифашистскими настроениями, а также стремясь к введению строгого, обеспечивающего прибыль монополиям военного режима (для чего нужны были доказательства вражеской деятельности внутри страны), ФБР тоже «вступило в войну». ФБР обладало во время войны огромными полномочиями. Гувер был назначен еще и начальником почтовой цензуры. Разрешалось контролировать любые почтовые отправления и официально санкционировалось подслушивание телефонных разговоров. Другие федеральные органы были обязаны передать ФБР личные дела своих сотрудников. Так, например, федеральное ведомство путей сообщения и связи передало ФБР материалы примерно на 200 тысяч сотрудников радио и транспорта.

Борьба ФБР со шпионажем далеко не безупречна, а в отдельных случаях имели место и провалы. Так, многим фашистским шпионам удалось вовремя скрыться и избежать наказания, например замешанному в деле о шпионаже в Перл-Харборе Клаусу Менерту, который позже стал известен в Федеративной Республике Германии как «советолог». Теперь он является «экспертом по вопросам Восточной Европы» и, став «профессором», заведует в Аахене кафедрой «политических наук». Боннское министерство иностранных дел даже использует его в качестве «консультанта по восточным проблемам». Широким кругам ФРГ имя Менерта стало известно после того, как он начал выступать комментатором кёльнского радио, разражаясь злобными тирадами против социализма. Правящие круги США давно предали забвению его преступную шпионскую деятельность, о чем говорит, например, приглашение Менерта в качестве лектора в Колумбийский университет в Нью-Йорке. Фашистским агентам удалось похитить из секретных американских лабораторий образцы самых современных бомбосбрасывателей и навигационных приборов. Эти приборы стали затем серийно производиться в Германии для вооружения «люфтваффе».

Но, конечно, такие «накладки» ФБР не афишировало. Стремясь для получения еще больших ассигнований повысить репутацию своего бюро, Гувер оперировал

астрономическими числами обезвреженных шпионов и донесениями о потрясающих успехах. Так, в годовом отчете от 9 октября 1943 года он утверждал, будто ФБР «обработало» 390 805 «случаев угрозы национальной безопасности», т. е. на 50 процентов больше, чем в предыдущем году, и впредь держит под своим контролем все враждебные элементы внутри страны.

Южнее Рио-Гранде

ФБР уже давно под предлогом «охраны» посольств США в зарубежных странах стало внедрять в их персонал своих агентов. На самом деле эти агенты имели задачу следить за своими собственными дипломатами и вести зарубежный шпионаж. В 1940 году Гувер послал группу своих агентов в Лондон, где они обменялись опытом с британской секретной службой и договорились с ней о сотрудничестве на будущее.

Тот же год принес дальнейшее расширение внешней деятельности ФБР. Его сотрудники «перешагнули» границу Мексики, и с этого момента вся Латинская Америка стала полем деятельности джи-менов.

Уже в мае 1940 года в Вашингтоне состоялись различные совещания, в которых приняли участие шеф ФБР Гувер, государственный секретарь и руководители военных разведывательных служб. Обсуждался вопрос о том, как сделать более успешной борьбу с нацистскими агентами в Южной Америке, вытеснить их с занятых позиций и усилить влияние США в этой части Западного полушария.

Гувер, всегда хорошо чужавший, где можно расширить свою власть, сумел добиться при обсуждении вопроса, кто будет осуществлять зарубежные акции, принятия своей точки зрения: в ФБР должен быть создан новый специальный разведывательный отдел Эс-ай-эс, предназначенный для операций в Южной Америке. Были сформулированы и задачи этого отдела: действовать незаметно, уничтожать вражескую шпионскую и диверсионную сеть, вести самостоятельную разведывательную работу, снабжать информацией все виды вооруженных сил США и государственный департамент. Руководитель нового отдела — лично директор ФБР Гувер. Эти предложения были направлены в Белый дом. 24 июля 1940 года Рузвельт одобрил их.

Более сотни джи-менов были спешно подготовлены для выполнения новых задач, получили кодовые имена и опознавательные номера. Уже через месяц они находились на пути к месту своей деятельности в южной части Западного полушария. Акция началась совершенно секретно. Одни агенты Эс-ай-эс были зачислены в штат американских посольств в качестве новых сотрудников, другие разъезжали под видом маклеров или поступили на службу в экспортные фирмы для работы в их южноамериканских филиалах, третьи пересекли границы под видом простых туристов.

Идя по следам германских агентов, джи-мены просочились во все латиноамериканские страны. Но определить при этом точно, что сделано именно отделом ФБР, в большинстве случаев было весьма трудно, ибо в южноамериканском «Эльдорадо для шпионов» действовало множество секретных служб, в том числе и «Интеллидженс сервис», и, разумеется, органы контрразведки стран Латинской Америки.

Со временем между Эс-ай-эс и полицейскими органами латиноамериканских государств установилось тесное сотрудничество. США даже добились того, что девять латиноамериканских государств приняли тогда их предложение зачислить в свои полицейские части сотрудников ФБР в качестве советников по борьбе со шпионажем и диверсиями.

«Законные атташе»

«Горячая» война еще бушевала в своей последней фазе, а уже готовилась война «холодная».

Обладая временной монополией на атомную бомбу, США хотели запугать другие страны, и в первую очередь своего союзника по антигитлеровской коалиции — Советский Союз, чтобы получить возможность навязывать всему миру собственную волю. Наконец-то, считали могущественные монополистические объединения США, они имеют в руках средство для установления своего давно желанного мирового господства. Но для этого требовалась также твердая координация деятельности всех секретных служб США, нужна была организация, объединяющая всю подрывную работу за рубежом.

Гувер предложил сделать таким центральным органом свой отдел Эс-ай-эс, соответственно расширив его. Но на роль создателей подобного органа претендовали и другие влиятельные соперничающие круги. За кулисами началось энергичное «перетягивание каната», пока не было принято окончательное решение. 30 июня 1946 года отдел ФБР Эс-ай-эс был расформирован, а некоторое время спустя создано Центральное разведывательное управление (ЦРУ).

Гувер остался недоволен таким ходом событий: расширения влияния ФБР, на которое он рассчитывал, не произошло; более того, сфера его деятельности на международной арене даже сузилась. Тогда он инспирировал посылку в Вашингтон нескольких дипломатических протестов от своих влиятельных сообщников, которыми он обзавелся в Южной Америке во время войны. В этих протестах выражалось сожаление, что теперь хорошо налаженное сотрудничество с ФБР не сможет продолжаться, и высказывалась мысль о нецелесообразности заменять эти оправдавшие себя связи какими-то другими, эффективность которых еще остается под сомнением. Но ничего не изменилось: Эс-ай-эс был официально заменен ЦРУ.

Однако через некоторое время ФБР снова появилось на международной арене. Активность секретных служб постоянно возрастала, возникла необходимость официального размещения агентов ФБР в столицах различных государств под прикрытием дипломатического иммунитета. Они могли выполнять свои особые задания, не будучи обремененными другими проблемами, которые, например, приходилось решать в целях собственной маскировки сотрудникам ЦРУ в посольствах США. Первыми странами, где они появились, были Мексика и Канада, затем последовали государства Центральной и Южной Америки. В конце 60-х годов уже 11, а в 1972 году даже 25 стран, в том числе Федеративная Республика Германии, разрешили посольствам США использовать агентов ФБР для работы на территории своих стран. Эти джи-мены получали даже дипломатический статус «атташе».

Все это совершалось в полной тайне. Впервые внезапное расширение сети ФБР привлекло внимание всей общественности в начале 70-х годов. Это было связано с тогдашней актуальной задачей ФБР за ру-

бежом — выявить и отправить обратно в США лиц, уклоняющихся от военной службы, поскольку число их в результате «грязной войны» во Вьетнаме значительно возросло.

«Атташе», кроме того, вели наблюдение за политическими противниками США, которые нашли себе убежище за границей. По желанию соответствующих правительств агенты ФБР подвизались в качестве «советников» в полицейских органах этих стран, что, само собой разумеется, открывало перед США новые возможности расширения своего влияния. Зачастую иностранные государства прибегали к содействию ФБР лишь потому, что его «полицейская помощь» навязывалась им вместе с «экономической помощью» по принципу: хочешь получить одно — поневоле бери и другое.

Агенты ФБР получили еще одну секретную миссию в посольствах США — шпионаж против страны пребывания. Официальные должности предоставляли им для этого почти неограниченные возможности, которые использовались уже с давних пор, причем предпочтительными опорными базами считались страны Центральной и Южной Америки.

Газета «Интернэшнл геральд трибюн» писала 21 января 1972 года: «Дж. Эдгар Гувер потихоньку добился согласия Никсона на расширение международных разведывательных операций ФБР». Этот акт шефа ФБР в области «иностранных дел» не был согласован с ЦРУ, а явился выражением острого соперничества обоих ведомств в вопросе о власти, что не является редкостью во взаимоотношениях между секретными службами одной и той же империалистической страны.

Линчеватели из Гринвилла

— Хэлло, шериф, убийцу уже схватили?

— Думаю — да. Одного тут доставили в Пикенс. Мы как раз хотим съездить в округ, посмотреть, что и как. Это какой-то ниггер!

Помощнику шерифа Тарнеру не следовало бы так много болтать. Но когда тебя называют шерифом, это льстит. А Тарнер очень хочет стать шерифом. Льстит, даже когда говорит такой жалкий тип, как этот Сэм Хиггс.

Сэм Хиггс околачивался у офиса шерифа почти целый час, лишь изредка присаживаясь на ступеньки. Теперь он наконец-то узнал новость — немного, но все-таки кое-что.

Хиггс пересек площадь перед офисом. Под ногами плавился раскаленный лучами неумолимого солнца асфальт. Да, лето 1947 года в Южной Каролине было необычайно жарким и сухим. На скамейке тенистого парка Хиггса с нетерпением ожидали трое мужчин.

— Ну, Сэм, выкладывай. Выяснил, кто прикончил водителя?

— Все по порядку. Сначала должен как следует хлебнуть.— Хиггс взял протянутую ему бутылку и влил себе в глотку немалую толику виски.— Так вот, это был ниггер. «Копы» притащили его в Пикенс. Сейчас шериф и его люди стараются заставить птичку запеть. Бычок-помощник сам сказал мне это!

Теперь четверо получили новую пищу для разговоров, а тема во всем Гринвилле была только одна.

С утра этот городок на северо-западе штата Южная Каролина кипел от возмущения: на рассвете патрульная машина полиции обнаружила на дороге в го-

род Либерти одиноко стоящий автомобиль, водитель которого скрючился за рулем в какой-то неестественной позе. Как установили полицейские, это было такси из Гринвилла. Его шофера зверски убили несколькими ударами ножа в спину и ограбили.

Известие быстро распространилось по городу: в 1947 году такое убийство еще было способно привлечь к себе внимание. Полиция, как сообщалось, начала розыск убийцы и уже напала на его след.

Хиггса и его пьянчуг дружков больше всего интересовало, сколь велика могла быть добыча убийцы, ибо у них самих в кармане не звенело ни цента. И не удивительно: постоянной работы они чурались и жили случайными заработками, предпочитая шляться по улицам и напиваться до посинения. Нередко у них рождалась мыслишка где-нибудь что-то украсть, и делали они это до сих пор успешно, поскольку никогда не переходили той грани, за которой полиция обычно начинает расследование.

Опустошив последнюю бутылку, четверка стала раздумывать, как бы обратить полученную новость в звонкую монету или, на худой конец, во что-нибудь пьющееся.

— Пошли в «Роджерс-бар» к таксистам, они заглядывают туда отдохнуть и, верно, еще ничего не слышали о Пикенсе.

Когда подвыпивший квартет появился в баре, там уже царило возбуждение. Но причиной тому были не игральные автоматы, стоявшие вдоль стен, а разговоры за столиками, все еще вертевшиеся вокруг убийства.

— Сколько дадите, джентльмены,— обратился к присутствующим Хиггс,— если я скажу вам, где убийца?

— Убирайся со своими рассказями, хочешь выклянчить себе на бренди,— отмахнулся один из посетителей.

— Это будет подороже бренди. И то, что я хочу сообщить, не рассказы. Мы долго просидели перед офисом шерифа. Потом вышел Тарнер, от него я и узнал новость...

Все вокруг стали прислушиваться.

— Дайте Хиггсу сказать, да принесите им выпить!

— Так вот,— начал Хиггс,— вашего дружка при-

шил один ниггер. Сам признался. Ради «зелененьких». Они его приволокли в Пикенс.

— Так я и думал. Белый на это не способен! — констатировал один из собеседников Хиггса.

Голоса звучали все громче.

— И это тебе сказал сам Тарнер, Сэм?

— Ясное дело! Он как раз направлялся в Пикенс.

— Вот проклятая свинья этот ниггер! Что они с ним собираются делать?

— Пока черного отдадут под суд, пройдут целые недели!

— Слишком долго, надо им подсобить!

— После войны этот сброд стал невыносим. Воображает черт знает что, а все от того, что им позволили воевать рядом с нами!

— А завтра, может, очередь дойдет и до кого-то из нас.

— Я всегда сую револьвер в карман.

— Что же, показывать его каждому пассажиру?

— Надо что-то сделать, чтобы запугать этих черных!

— Давайте заберем этого парня!

— И сразу вздернем на ближайшем дереве!

— Хороша идея, да только слишком много чести для такого типа!

— Забьем этого сукина сына до смерти!

— Так чего же ждать?!

Присутствовавшие все больше и больше впадали в состояние массовой истерии, а бренди лишало их способности рассуждать здраво. Уже никто не сомневался в правдивости слов Хиггса, в которых истине отвечало лишь то, что в Пикенсе сидит «цветной» и по каким-то причинам его подозревают в совершении этого преступления.

Бациллы суда Линча быстро распространились из бара по всему городу, заражая людей фанатической ненавистью. Новость переходила из уст в уста, повсюду говорили только об одном: полиция схватила убийцу, он негр, — значит, его надо линчевать.

Тем временем перед офисом шерифа уже собралась огромная толпа во главе с таксистами. Появился шериф Дэйер.

— Жители Гринвилла! — начал он. — Мы поймали убийцу таксиста! Это Уилли Ирл из Либерти. Правда, ниггер все отрицает, клянется своей головой, что

непричастен к преступлению, но мы его заставим говорить. Ирл даже оставил в такси свою сумку. Хочет втереть нам очки: говорит, позабыл ее, когда пьяный ехал из Гринвилла в Либерти. А водитель, мол, когда он уходил, был жив и здоров. Ну ничего, завтра вспомнит, как было на самом деле. Мы будем заниматься этим парнем до тех пор, пока к нему не вернется память. А сегодня мы посоветовали ему подумать как следует в его камере в Пикенсе. Как видите, джентльмены, вы вполне можете положиться на своего шерифа!

Когда снова раздались призывы линчевать негра, Дэйер быстро исчез в своем офисе, будто ничего и не слышал.

Толпа покатилась по улицам, а на стоянке такси у «Роджерс-бара» уже формировалась колонна автомашин жаждущих отправиться в Пикенс. Четверо притащили винтовки, другие вооружились ножами. Проклятия по адресу Уилли Ирла звучали все более грозно.

К вечеру колонна, насчитывавшая больше двадцати автомашин, пришла в движение. Тут же оказался и Хиггс со своими друзьями. Под дикие возгласы колонна подъехала к зданию тюрьмы в Пикенсе. Машины расположились полукругом у въезда. Гремели выстрелы, летели и разбивались об асфальт бутылки.

— В какой камере сидит ниггер? — заорал кто-то. — Сейчас узнаем сами!

В тюремные ворота застучали приклады, пока не открылось узкое оконце.

— Не так шумно, джентльмены. В чем дело?

— Хотим пригласить мистера Ирла на ночную прогулку. Отдайте нам эту черную обезьяну! Да поживей, а то разнесем всю вашу контору вдребезги!

Снова звуки бьющегося стекла. На сей раз это окна тюрьмы, разбитые камнями.

Вдруг раздались громкие крики. Трое из толпы проникли в маленький домик напротив тюрьмы и теперь тащили оттуда мужчину в одном белье.

— Этот тип собирался лечь дрыхнуть! Ну ничего, он у нас заснет навсегда, если сейчас же не выдаст нам Ирла!

— Усек наконец, чего мы хотим? — Хиггс едва ворочал языком. — Тогда поспешай!

— Раз так серьезно, я поспешу.

Через несколько минут ворота открылись на какие-то полметра, и два охранника вытолкнули в щель худощавого негра. Он с ужасом смотрел на бушующую толпу.

— А ну иди сюда, дорогой, ты так любишь кататься на такси, теперь проедемся вместе! — обратился к нему верзила Рик Пирсон, которого все остальные признали своим предводителем.

— Я не убивал шофера, сэр! — Голос Ирла дрожал от страха. — Я вам все объясню. Я музыкант, а вчера в Гринвилле был праздник...

— Вот весело! Музыкант! Мы тоже хотим повеселиться под музыку! — И с этими словами Пирсон ударил негра в лицо. — Ну-ка заткнись! Ударами кулаков и пинками негра загнали внутрь автомобиля.

— А теперь — к водохранилищу! — скомандовал Пирсон.

Колонна быстро выехала на окраину города и взяла курс к близлежащим отрогам гор. Сидящие в машинах ликовали и опустошали новые бутылки, чтобы привести себя в должное состояние для следующего акта.

Наступила ночь. Слабо светила луна, смутно вырисовывалась во тьме плотина водохранилища. Волны укрощенной реки Салуда тихо плескались о каменную стену. Но от всей этой идиллии не осталось и следа, лишь только колонна прибыла на место.

Фары автомашин освещали жуткую сцену.

— Жаль, не захватили с собой факелов. Было бы совсем, как у Ку-клукс-клана. — Эти слова перекрыв взрыв хохота.

Рик Пирсон стоял посредине освещенного круга, когда в него втолкнули Уилли Ирла.

— Мы живем в демократической стране, — начал свою речь руководитель белого сброда, — а потому каждый имеет право высказать здесь свое мнение. Но в счет идет только правда. Мы хотим знать, почему этот черный ублюдок заколол одного из наших. А потому слушай как следует, ты, ниггер! Мы люди занятые, и времени у нас мало. Мы приехали на Салуду не для того, чтобы слушать всякие сказки. Расскажи-ка нам побыстрее, зачем убил?

Это была самая длинная речь, которую когда-либо

таксисты слышали от Рика Пирсона. Раздались аплодисменты.

— Я не убивал,— тихо произнес Ирл,— я никому в жизни не сделал зла.

— Ты не уразумел моих слов, жалкий койот?! — заорал Пирсон.— Нам не нужны сказки, нам нужна правда!

— Это правда, сэр.

— Такого наглого типа я еще в жизни своей не видывал. Верно, страдает плохой памятью. Но мы ему поможем, Билл, дай-ка ему хороший урок!

Приземистый лысый мужчина бросился на негра и с силой схватил его за правую руку. Ирл отчаянно вскрикнул: пальцы у него были сломаны.

— Клянусь всем святым,— заклинал он с искаженным от боли лицом,— это не я! Отпустите меня, прошу вас, отпустите меня обратно в тюрьму. Полиция наверняка найдет настоящего убийцу.

— Сейчас мы проучим тебя за ложную клятву! — орал какой-то субъект из пьяной толпы.— А ну, Рик, дай-ка ему!

Пирсон, известный во всем городе драчун, принялся за незащитного негра. Его железные кулаки молотили по голове и телу юноши, пока тот не упал, обливаясь кровью.

— Перестаньте! Я скажу все, что вы хотите!

— Ты убил водителя?

— Нет... Да, это я, это я его убил!

Пирсон с торжеством оглянулся по сторонам:

— Все слышали? Ирл — убийца!

Жестокое избиение продолжалось, поскольку каждый из этой пьяной орды хотел сыграть роль судьи Линча. Крики жертвы уже перешли в замирающий хрип.

Звери палачи оставили свою жертву лежать на месте преступления и отправились в Гринвилл, где до полуночи обмывали в «Роджерс-баре» свою месть.

На следующий день, когда весть о суде Линча распространилась по городу, большинство жителей восприняли ее довольно равнодушно.

— Правильно было линчевать этого черного,— говорили многие,— а то его, пожалуй, выпустили бы. И если теперь негры захотят роптать, по крайней мере будут знать, что старый судья Линч еще жив!

Разумеется, в Гринвилле имелось немало и порядочных людей, которые осуждали самосуд, но открыто высказывать свое мнение они не решались, ибо противопоставить себя буйствующему расистскому сброду было бы равнозначно самоубийству.

Весть о самосуде достигла и города Либерти, где добрая дюжина свидетелей показала следующее: в ту ночь Уилли Ирл велел таксисту отвезти себя на рыночную площадь, где и вышел. Покачиваясь и насвистывая, он отправился домой и находился там до тех пор, пока на следующий день его не арестовала полиция. Таксист же развернулся на рыночной площади Либерти, посадил там в машину какого-то пассажира и поехал с ним в направлении Гринвилла.

Это доказывало, что Уилли Ирл не имел никакого отношения к убийству, за которое так зверски расправилась с ним толпа. Настоящего убийцу так и не нашли.

Позднее ФБР получило задание министерства юстиции расследовать это дело. Причем речь шла в первую очередь о выяснении весьма простого вопроса: действительно ли тюремные служащие Пикенса нарушили в отношении подследственного арестанта Уилли Ирла «гарантированные ему конституцией основные права», выдав его на растерзание толпе?

Агенты ФБР пришли к выводу, что нарушение не имело места, поскольку служащие тюрьмы действовали под давлением и ничего иного в тот момент сделать не могли.

И где-то на задворках расследования остался сам факт суда Линча. Джи-менам не стоило труда выяснить в Гринвилле имена всех 28 лиц, участвовавших в преступлении. Губернатор штата Южная Каролина даже возбудил затем против них судебное преследование. Но выводы ФБР сделали свое дело: раз ФБР подтвердило законность поведения тюремных служащих, которые не нарушили основных прав Ирла, аргументировала защита убийц, то, следовательно, по этому принципу можно доказать и несправедливость обвинения весьма почтенных граждан города. Ведь никому из них и в голову не приходило лишать негра каких-либо гарантированных ему конституцией основных прав. Напротив, они спрашивали его насчет убий-

ства, а следовательно, придавали большое значение свободе мнений. Что различия во мнениях бывают, известно каждому, и то, что порой из-за них происходит небольшой «обмен любезностями», — дело обычное. В результате произошел трагический несчастный случай, о котором все глубоко сожалеют. Бедный мистер Ирл так неловко упал, что это явилось причиной его смерти. И вообще инцидент в Пикенсе нельзя рассматривать как похищение заключенного, ибо заключенным может считаться лишь тот, кто совершил какое-либо преступление. Ирл же, как всем известно, убийцей не был, а следовательно, можно сказать, что добросердечные граждане просто освободили невиновного из тюрьмы несколькими днями раньше, чем его выпустили бы власти.

Защитники требовали оправдательного приговора, и суд в Гринвилле пошел им навстречу. У убийц не упал с головы ни один волос.

Итак, суд оправдал линчевателей из Гринвилла, и ни ФБР, ни министерство юстиции не предприняли никаких шагов к наказанию виновных в этом отвратительном преступлении. «Инцидент» был для статистики присовокуплен к списку 800 тысяч тяжких преступлений, совершенных за 1947 год.

Новый период в истории ФБР

Администрация США считалась с возможностью роста преступности после второй мировой войны, но полагала, что спустя определенное время кульминационная точка будет преодолена и затем все придет к «нормальному уровню». Действительно, преступность возросла по сравнению с довоенным периодом на 27 процентов, но ожидавшегося спада не наблюдалось. В 1952 году число зарегистрированных тяжких преступлений уже перевалило за два миллиона.

Однако Гувер не видел оснований для волнений. «На фронте преступности мы вскоре выйдем из морального хаоса, идущего по пятам за всеми войнами. Многие факты позволяют на это надеяться», — писал он в 1956 году. Но шеф ФБР ошибался. Кривая преступлений продолжала круто идти вверх. В 1969 году она перешла пяти-, а в 1972 году — шестимиллионную границу.

Бурный рост преступности в США объясняется, конечно, многими причинами, которые коренятся в самой системе империалистического государства. Но определенную роль здесь играет и смещение акцентов в деятельности ФБР. Хотя расследование многих преступных деяний относится только к компетенции ФБР, его усилия в преобладающей степени направлены на выполнение совсем других задач. Даже официальная статистика указывает, что более половины дел, ведущихся ФБР, носят политический характер. При этом следует учесть, что такие общие данные намеренно вводят людей в заблуждение, поскольку огромная часть акций, проводимых ФБР против прогрессивных сил, тоже подгоняется под рубрику борьбы с преступностью, чтобы опорочить эти силы, обмануть общественность. Между тем убийства, разбой, крупные кражи или взломы расследуются ФБР подчас с использованием незначительных средств.

Новый период в развитии ФБР начался почти одновременно с процессом по делу о линчевателях в Гринвилле и по иронии истории тоже со своего рода суда Линча — с процесса против «голливудской десятки».

«Голливудская десятка»

На скамьях для публики не оставалось ни одного свободного места. Среди тесно набившихся в зал людей сидели многочисленные кинозвезды. Одни из них смотрели на происходящее с робким опасением, как бы это не коснулось их самих, другие — не без злорадства. Кроме того, среди публики было немало зевак, пришедших сюда просто из любопытства, чтобы поблизи поглазеть на своих экранных кумиров. За длинными столами сидели, раскрыв блокноты, почти две сотни журналистов. Кинооператоры в ожидании открытия заседания искали подходящие ракурсы для съемки. И наконец в зал вошли те, ради кого все собрались: голливудская знаменитость Герберт Биберман, известный своим фильмом «Соль земли», видные сценаристы Лестер Коул, Алва Бесси, Ринг Ларднер-младший, Джон Хоуард Лоусон, Далтон Трамбо и четверо других известных голливудских деятелей. Десятке, которую 27 октября 1947 года вызвали в Вашингтон на заседание сенатской комиссии по расследованию

«антиамериканской деятельности», пришлось занять места в середине зала.

Газеты писали, что только теперь удалось раскрыть «коварные замыслы» этой десятки, а, как пояснило ФБР, ее действия должны рассматриваться в качестве «наиболее злостных преступлений против американского народа».

Все это, разумеется, привлекло внимание любопытствующих, для которых Голливуд, с его скандальными историями и преступлениями, был загадочным миром. Теперь они рассчитывали заглянуть за его кулисы, став очевидцами разоблачения новых преступлений, в которых замешаны «знаменитости». Но после многочасового допроса многие зрители, особенно из молодых, были разочарованы. Что же такого сделали допрашиваемые? — недоумевали они, так как ни о каких преступлениях пока не было сказано ни слова.

У десятирех обвиняемых выясняли данные, относящиеся к годам их молодости, спрашивали, когда они пришли работать в кино, кто их друзья, что они делают в свободное время, на что тратили деньги, часто ли бывали за границей или принимали у себя иностранцев, какое намерение преследовали тем или иным своим фильмом, кто подал им идею этого фильма, как часто посещали различные собрания.

Но в первую очередь интересовались вопросом, который позднее, по ассоциации с популярной радиовикториной, получил ироническое название «64-долларового вопроса»: «Являетесь ли вы сейчас или были когда-либо в прошлом членом коммунистической партии?»

Слушание дела длилось до 30 октября. Обвиняемые на «64-долларовый вопрос» отвечать отказались; при этом они ссылались на ту статью конституции США, согласно которой ни один гражданин не может быть принужден давать сведения о своей принадлежности к той или иной политической организации. Они заявили, что вся эта процедура — не что иное, как «легализованная форма суда Линча». И, как выяснилось несколько позже, утверждение это отнюдь не являлось большим преувеличением. В нарушение их «записанного в конституции права» не отвечать на подобные вопросы каждый из десяти кинематографистов полу-

чил шесть месяцев или год тюрьмы за «неуважение к конгрессу», как было сформулировано в обосновании приговора.

После этой «десятки» отвечать за свое мировоззрение перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности пришлось еще ряду видных деятелей Голливуда. До 1954 года были расторгнуты договоры примерно с тремя сотнями актеров, сценаристов, операторов и музыкантов.

Приказ президента о «проверке лояльности»

С окончанием процесса «голливудской десятки» в октябре 1947 года в США машина «холодной войны» внутри страны (что являлось частью широко задуманного заговора американского империализма против все более возраставшего международного влияния социализма) была запущена на полные обороты.

Официальный старт «холодной войне» дал Уинстон Черчилль своей печально известной речью 5 марта 1946 года в Фултоне (штат Миссури). Он сказал: «На русских больше всего действует аргумент силы», подразумевая тем самым, что следует создать англо-американский военный блок и придать его политике необходимую «убедительность» при помощи атомной бомбы.

Ровно через неделю президент Трумэн, едва лишь год пробывший в Белом доме, показал всему миру, что практиковавшееся Рузвельтом сотрудничество с Советским Союзом уже принадлежит прошлому. Господство на всем земном шаре — такова была цель, и президент для начала потребовал от конгресса дополнительно к военному бюджету 400 миллионов долларов, чтобы «избежать коммунистической опасности».

Как почти все американские президенты, Трумэн тоже пытался дать «теоретическое обоснование» своей политики и в марте 1947 года провозгласил названную его именем доктрину — доктрину «сдерживания» коммунизма. Итак, речь шла о «сдерживании» социализма и вместе с тем революционного движения во всем мире, и не в последнюю очередь, разумеется, в США.

- Основой внутривнутриполитического «сдерживания» явился декрет, подписанный Трумэном 21 марта 1947 года и ставший известным как «распоряжение о проверке лояльности». Началась проверка политической благонадежности федеральных служащих США — от почтальонов и научных сотрудников государственных институтов до членов правительства. Проверке подвергались также служащие частных фирм и предприятий, выполнявшие правительственные или военные заказы.

Ответственность за выполнение этой программы «проверки лояльности» была возложена на специальный орган — федеральное ведомство личного состава, а также на следственные органы соответствующих федеральных учреждений.

Но в каждом отдельном случае в проверке непременно участвовало ФБР, ибо все контрольные анкеты проходили через его вашингтонский центр, где существовало только две возможности: или штампель «Никаких компрометирующих данных в ФБР не имеется», или задание джи-менам расследовать возникшее подозрение в политической неблагонадежности данного лица.

Разумеется, ФБР в прежнем составе было не в состоянии осилить огромную гору работы по расследованию: только за период с 1933 года бюрократический аппарат правительства увеличился с 600 тысяч сотрудников до двух с лишним миллионов. И уже существовавшая в ФБР система сыска была теперь расширена. Вскоре во всех учреждениях сидели «доверенные лица» ФБР. Трумэновское «распоряжение о проверке лояльности» предписывало держать имена этих «информаторов» в строгой тайне.

Повсюду в стране установилась гнетущая атмосфера, незначительные личные конфликты быстро перерастали в доносы; привлек к себе внимание ряд самоубийств.

Из всех следственных органов того времени особенно печальную известность снискала уже упоминавшаяся сенатская комиссия по расследованию «антиамериканской деятельности». Председателем ее с 1947 года являлся человек, имя которого стало символом поры «охоты на ведьм», — Джозеф Маккарти, сенатор от штата Висконсин. В ходе слушания дела

«голливудской десятки» в октябре 1947 года он впервые продемонстрировал современные варианты инквизиции и психологического суда Линча.

Тот, кого вызывали на допрос в комиссию Маккарти, был человек конченный, уничтоженный как личность или по меньшей мере лишенный своего материального положения. Отказ от дачи показаний или утвердительный ответ на «64-долларовый вопрос» всегда означал потерю работы, а зачастую тюрьму и в придачу подорванное здоровье, стоило этому человеку попасть в руки «расследователей». Если же кто-либо ради сохранения куска хлеба пытался выдать свою принадлежность к коммунистической партии за «временную ошибку», маккартисты требовали от него сведений о всех известных ему членах этой партии. Того же, кто хоть раз что-нибудь «показал», они толкали все дальше по пути предательства. Таким образом ФБР приобрело для себя немалое число осведомителей.

Фред Дж. Кук в своей книге о ФБР отмечал, что между Гувером и Маккарти возникла «удивительная общность» взглядов и действий. Когда, например, сенатору для его пресловутой комиссии требовался новый сотрудник, шеф ФБР охотно отдавал в его распоряжение своего лучшего агента. Гувер и Маккарти даже проводили вместе свой отпуск на морском курорте Ла Жолла близ Сан-Диего в Калифорнии. Когда репортеры спросили шефа ФБР, каково его мнение о сенаторе, тот ответил: «У него энергичный характер... Я считаю его своим другом и полагаю, что он платит мне тем же».

Подводя итог, Кук пишет о периоде «охоты на ведьм»: «Это был неприкрытый облик возникающего фашизма. Это были методы, которыми пользовались Муссолини и Гитлер. При такой системе пускаются на любое предательство, лишь бы уничтожить политического оппонента. Тут уж больше не дискутируют о проблемах».

Месть судьи Медины

Стрелки электрических часов в зале суда на нью-йоркском Фоли-сквер показывали ровно 11 часов, когда судья Медина поправил свою черную мантию и, крихтя, уселся в кресло, бросив злобный взгляд на

одиннадцать подсудимых. Затем он повернулся к секретарю суда: «Пусть войдут присяжные».

В зал гуськом вошли двенадцать мужчин и женщин.

Началась длинная церемония опроса присяжных секретарем суда. Прежде всего председатель суда разъяснил, что присяжные должны прийти к единогласному решению и признать всех обвиняемых «виновными в смысле предъявленного обвинения». Затем секретарь задал каждому из двенадцати присяжных один и тот же вопрос: «Считаете ли вы обвиняемого Юджина Денниса виновным в смысле предъявленного ему обвинения?»

Ответы гласили: «Да, все обвиняемые виновны».

Обвиняемыми были Юджин Деннис, тогдашний Генеральный секретарь Коммунистической партии США, Генри Уинстон, нынешний Председатель Компартии США, Гэс Холл, ее нынешний Генеральный секретарь, и другие члены Национального комитета компартии.

— Благодарю присяжных за проделанную работу и за это решение, — сказал в заключение процесса судья Медина. — Вы, леди и джентльмены, отнеслись к ней с должным рвением. Вы оказали нации огромную услугу. Еще раз благодарю вас.

А затем судья огласил меру наказания: пять лет каторжной тюрьмы и 10 тысяч долларов денежного штрафа каждому приговоренному. Только Роберт Томпсон получил три года: судья учел его высокую награду, полученную в годы второй мировой войны.

Дабы создать устрашающий прецедент для последующих процессов, судья Медина придумал нечто совсем необычное. Закрывая заседание суда, он попросил шестерых защитников встать.

— За неуважение к суду и дурное поведение приговариваю к наказанию и вас тоже.

Адвокаты обвиняемых получили от четырех недель до шести месяцев тюремного заключения. Судья Медина мстил защитникам за то, что они протестовали, когда он лишал их слова.

Этот процесс против руководящих деятелей Коммунистической партии США, закончившийся 14 октября 1949 года, длился почти девять месяцев.

Что же инкриминировалось обвиняемым?

Суд опирался на так называемый закон Смита 1940 года. «Виновным в нарушении закона становится тот, — говорилось в нем, в частности, — кто сознательно или преднамеренно высказывается за обязательность, необходимость или целесообразность совершения насильственного переворота». Приверженность революционному учению марксизма-ленинизма объявлялась уголовным преступлением. Предметом обвинения являлись не какие-либо действия, а сами убеждения коммунистических деятелей.

Заговор против Компартии США ФБР начало готовить с 1946 года и через год уже собрало «доказательства». Из штаб-квартиры Гувера материалы были переданы в верховную прокуратуру США. Это — три заключения, насчитывающие вместе 1850 страниц, а также еще 900 «улик» и «документов», которые в основном представляли собой вырванные из контекста цитаты из марксистских работ, речей обвиняемых, их случайные высказывания. Кроме того, имелись и показания «свидетелей».

Позже об этой практике официально сообщали совершенно неприкрыто: «Шпики, просочившиеся в партию, помогали длительным тайным расследованиям, днем и ночью проводившимся в различных городах... Гувер счел необходимым назвать поименно некоторых агентов, которых ФБР за ряд предшествующих лет сумело внедрить в партию и которым дало выступить в суде в качестве свидетелей обвинения. С августа 1948 года по январь 1949 года ФБР провело примерно 60 совещаний в верховной прокуратуре и со своими доверенными людьми, готовыми дать показания».

Одной из самых одиозных фигур среди тайных агентов был Герберт Филбрик, который начиная с 1940 года вел двойную жизнь. Он сам предложил свои услуги ФБР и затем по его указанию вступил в Коммунистическую партию США, став членом ее местного руководства в Бостоне. На нью-йоркском процессе против коммунистов этот провокатор выступал как важнейший свидетель обвинения.

Две недели спустя после приговора судьи Медины по стране прокатилась новая волна преследований. Были арестованы еще 17 видных функционеров Коммунистической партии США, в том числе Элизабет Гэрли Флинн. В итоге коммунистам было вынесено в

общей сложности 108 приговоров, но ни разу — за какие-либо конкретные действия: судьи судили убеждения.

14 октября 1949 года Юджин Деннис воспользовался своим последним словом, чтобы дать меткую оценку террористическим приговорам буржуазного правосудия.

«Я хотел бы обратить внимание на то, что трибуналы заседали и в нацистской Германии, и в муссолиниевской Италии и что они тоже выносили профашистские приговоры. Но я хотел бы напомнить суду, что народы этих стран отбросили прочь те приговоры. Точно так же поступит наш народ, отбросив прочь вынесенные сейчас приговоры и решения. Народ сделает свой выбор в пользу мира, демократии и социального прогресса».

В те октябрьские дни 1949 года машина сыска в штаб-квартире ФБР крутилась на полную мощь. Готовилось новое «дело».

Телефон из Синг-Синга не зазвонил

Жертвы найдены

«Директор ФБР Дж. Эдгар Гувер сидел за своим письменным столом в здании министерства юстиции на Пенсильвания-авеню и изучал совершенно секретное донесение. Из полученной информации следовало, что агенты иностранной державы похитили главный секрет атомной бомбы — секрет ее конструкции и механизма взрыва.

Гувер снял трубку внутреннего телефона, отдал своему ближайшему сотруднику несколько приказаний, и уже вскоре гигантский аппарат ФБР пришел в движение. Суть гуверовских приказов сводилась к следующему: украден секрет атомной бомбы! Держи вора! Дело в том, что с 1 января 1947 года за сохранение секрета атомной бомбы отвечали уже не вооруженные силы, а ФБР. И вдруг Гувер получает сведения о столь возмутительном событии. Люди Гувера какстая саранчи полетели на атомные объекты в Лос-Аламосе и Санта-Фе в штате Нью-Мексико и на другие подобные сооружения. Они перевернули все архивы и личные дела комиссии по атомной энергии, допросили сотни лиц, которые, как им казалось, могли послужить зацепкой».

Этимися словами Дон Уайтхед начинает в своей уже упоминавшейся официальной истории ФБР звучащий как фантастика рассказ об «украденном» секрете атомной бомбы.

Все дальнейшее разворачивание событий навеяно обстановкой 1949 года. К тому времени ни «холодная война», ни «атомная» дипломатия американского империализма не привели к желаемым успехам. Поэтому

были предприняты новые шаги к обострению международной обстановки.

6 апреля 1949 года президент Трумэн заявил: «Я готов применить атомную бомбу ради мира (!) во всем мире», а двумя днями раньше был заключен направленный против Советского Союза агрессивный Североатлантический пакт.

Антисоветская кампания приняла такие масштабы, что один из представителей высшей власти в США уже сам не мог отличить, где пропагандистская истерия, а где — действительность. С возгласом «Русские идут!» 22 мая 1949 года выбросился из окна 16-го этажа санатория министр обороны США Джеймс Форрестол. Верхушка военщины открыто обсуждала вопрос о возможности «превентивной войны» против Советского Союза.

Однако воинственные разжигатели антисоветской истерии испытали отрезвляющий шок, когда СССР испытал свою первую атомную бомбу. Тем самым атомная монополия США кончилась, «атомная» дипломатия американского империализма потерпела провал, а все его мечты военным или дипломатическим путем поставить Советский Союз на колени развеялись как дым.

Один из основных тезисов империалистической пропаганды до тех пор постоянно базировался на якобы неограниченном превосходстве американской науки и техники над наукой и техникой страны социализма. После успешного испытания советской атомной бомбы у реакционных кругов США возникла мысль сохранить в новых условиях эту фикцию для мировой общественности и американского народа. И тогда апологеты империализма пустили в ход ложь, будто Советский Союз «похитил» у Соединенных Штатов секрет атомной бомбы.

Дабы придать этой заведомой лжи видимость правдоподобия, нужны были, разумеется, «атомные шпионы». Начались поиски подходящих жертв, которым можно было бы приписать «кражу секрета». Эти поиски продолжались до 18 июня 1950 года — дня, когда был арестован Юлиус Розенберг. 12 августа сотрудники ФБР арестовали и его жену Этель.

«Дело Розенбергов» прекрасно вписывалось в политический ландшафт США, ибо спустя неделю после

ареста Юлиуса началась американская агрессия в Корею. Пропагандистская волна шовинизма теперь дополнилась сенсационным сообщением о возмездии «атомным похитителям».

Кто же были эти люди, которым ФБР предназначило роль жертв «фрэйм ап»? Этель Гринглас, родившаяся в 1916 году, и Юлиус Розенберг, родившийся в 1918 году, происходили из Лоуэр Ист-Сайда — восточной части Нью-Йорка, огромного района бедняков в этом многомиллионном городе. Хотя они и кончили одну и ту же школу, но познакомились только в 1936 году. Этель работала в конторе. Несмотря на исключительные способности, ей пришлось отказаться от своей мечты стать актрисой и певицей, так как денег на образование не было. Иногда она выступала перед бастующими рабочими, а также участвовала в концертах с целью поддержки Испанской республики, которой угрожали фашисты. Юлиус отлично окончил школу, а в 1939 году получил диплом инженера-электрика; в том же году он женился на Этель.

Их политическая деятельность началась тогда с посещений антифашистских митингов (иногда Этель выступала на них как певица) и со сбора пожертвований в пользу невинно осужденных буржуазным правосудием. Весьма вероятно, что уже в то время на Розенбергов было заведено досье в ФБР.

Сначала Юлиус Розенберг работал в мелких фирмах, а потом находился на правительственной службе, в сигнальном корпусе в Нью-Йорке.

В 1942 году молодая супружеская пара подыскала себе небольшую квартиру, а год спустя родился сын Майкл. Как и многие другие американцы, Этель и Юлиус Розенберг критически высказывались по поводу затягивания открытия «второго фронта» — высадки войск западных союзников в Нормандии — и не скрывали своего восхищения великолепными победами Советского Союза — союзника их собственной страны по антигитлеровской коалиции.

Со вступлением Трумэна на пост президента США курс американской внешней политики изменился. Тот, кто в какой-либо форме высказывал свои симпатии к Советскому Союзу, еще до эры Маккарти для государственной службы уже больше не годился. Юлиуса Розенберга уволили под часто применявшимся предло-

гом, что у него имеются признаки коммунистических убеждений.

Частная электрофирма, в которой он прежде работал над выполнением правительственных заказов, не захотела отказаться от услуг квалифицированного инженера и продолжала использовать его, однако лишь для выполнения тех заказов, которые не исходили от правительства. Никакого отношения к американским атомным проектам это предприятие не имело.

Когда в конце 1945 года положение с заказами у фирмы ухудшилось, Юлиусу Розенбергу пришлось искать себе другой заработок, и он вместе с двумя братьями жены и еще одним партнером, который дал для этого капитал, открыл небольшую мастерскую по ремонту машин. Один из братьев, Дэвид Гринглас, сыграл в жизни супругов Розенберг роковую роль.

Дэвид носился с честолюбивой мечтой стать ученым, но провалился на всех экзаменах. В мастерской он работал спустя рукава, и жалобы клиентов множились с каждым днем, так что доходы сократились и денег не хватало даже на выплату зарплаты. Партнер, финансировавший предприятие, заявил, что он хочет работать дальше только с одним Юлиусом, поскольку тот — единственный человек, способный уберечь мастерскую от банкротства. После этого Дэвид и его брат Бернхард покинули фирму.

Рут Гринглас, жена Дэвида, была горько разочарована. Она надеялась стать супругой профессора или директора, а теперь была вынуждена жить на жалкий заработок слесаря. Виновником своей судьбы она считала — совершенно несправедливо — Юлиуса Розенберга, руководившего мастерской.

Шпионаж при помощи... коробки из-под пудинга

Когда ФБР по приказу Гувера начало поиски «атомных шпионов», джи-мены натолкнулись на имя Дэвида Грингласа, который в 1943 году был призван в армию и служил в ней слесарем. Как таковой он был переведен в 1944 году в Лос-Аламос. Он знал только, что здесь осуществляется какой-то секретный проект. Подробности ему были неизвестны, так

как он занимался лишь мелкими ремонтными работами.

В поисках способов быстро разбогатеть Дэвид Гринглас совершил в Лос-Аламосе несколько краж, за которые в свое время никакого наказания не понес, так как впервые о них стало известно лишь в 1950 году. В свете строгих секретных предписаний «Манхэттенского проекта» каждая из этих краж уже расценивалась как шпионаж, за что полагалась смертная казнь или 30 лет каторжной тюрьмы. Однако ФБР запаслось еще и «весомым свидетелем». Некий Гарри Голд утверждал, что в 1945 году приобрел у Дэвида Грингласа за 500 долларов набросок схемы изготовления атомной бомбы. Этот Голд, который должен был отбывать длительный срок тюремного заключения, немедленно продан ФБР и доносил на своих соседей по тюрьме. Обвинением Дэвида Грингласа он надеялся заработать снижение срока.

Итак, над Дэвидом Грингласом навис дамоклов меч смертной казни — опасность, которая грозила и его жене Рут в случае, если бы было доказано, что она принимала какое-либо участие в краже или извлекла из нее какую-либо материальную выгоду. Но имелся единственный выход из создавшегося положения, и адвокат подсказал его супругам Гринглас. В одном законе, принятом еще в 1878 году, говорилось: «Соучастники заговора, не уличенные прежде ни в каком бесчестном преступлении, могут избежать судебного преследования, если они... полностью и откровенно расскажут все как свидетели».

Тут ФБР осенило: соучастники! Сам Дэвид Гринглас — личность слишком бесцветная, чтобы сделать его главным героем крупного, призванного взбудоражить весь мир процесса по делу о шпионаже. Нет, это должен быть человек, который считается коммунистом, — иначе желаемого антисоветского эффекта не достигнуть. Кроме того, он должен понимать в физике больше, чем слесарь-ремонтник, даже если он сам и не работал в Лос-Аламосе.

При допросах Грингласа, естественно, было названо имя Розенберга, упоминалось и об увольнении его с правительственной службы в 1945 году. Привлекло внимание и тогдашнее обоснование этого увольнения тем, что он якобы коммунист. Теперь у ФБР и аме-

риканской юстиции был исходный пункт для организации «фрэйм ап» против супругов Розенберг, что отвечало и антисемитским настроениям.

Дэвид Гринглас решил пожертвовать сестрой и ее мужем, которого он считал виновником своего профессионального банкротства, и ради спасения собственной головы поведал ФБР именно то, что оно и хотело услышать: да, он передал Юлиусу Розенбергу набросок схемы изготовления атомной бомбы. Юлиус будто бы рассказал ему, что прекратил свою работу для коммунистической партии, так как нашел кое-что получше. «Юлиус сказал мне,— фантазировал Гринглас,— что теперь он может наконец делать то, что всегда хотел: поставлять информацию Советскому Союзу».

На основе этих «обвинений» Этель и Юлиуса Розенберг допрашивали целыми часами и днями, но тем не менее никаких доказательств против них не было. Их спокойные показания противостояли лжи супругов Гринглас. Но решение о «виновности» Этель и Юлиуса Розенберг было вынесено заранее.

Официальная версия в изложении Дона Уайтхеда выглядела так:

«Дэвид работал над атомной бомбой, самым смертоносным оружием, которое когда-либо изобрел человеческий мозг. Юлиус и Этель хотели получить от него сведения о его работе, чтобы ими смогли воспользоваться русские... «Я дам тебе кое-что, и ты сможешь опознать человека, который придет к тебе»,— сказал Юлиус Дэвиду. Затем Рут и Розенберги вышли на кухню. Юлиус оторвал одну сторону коробки из-под порошка для пудинга и разорвал ее на две части. Одну из них он дал Рут Гринглас, и все трое вернулись в комнату. Дэвид Гринглас поглядел на обе половинки; если их составить вместе, место разрыва совпадет. «Ну и хитер же ты!» — заметил он. Юлиус засмеялся: «Чем проще, тем хитрее!»

В сентябре 1945 года,— пишет далее Дон Уайтхед,— Гринглас снова проводил свой отпуск в Нью-Йорке. На этот раз Гринглас, по его словам, передал Розенбергу эскиз поперечного разреза бомбы, сброшенной в Нагасаки. Гринглас будто бы нарисовал этот эскиз на основе своей работы над механизмом взрывателя и бесед между учеными и другими лицами, которые он подслушивал. Кроме эскизов Розенберг полу-

чил также рукописные заметки о работах в Лос-Аламосе. Юлиус Розенберг был обрадован. «Это здорово», — похвалил он. Они поставили в комнате стол с картами и принесли туда пишущую машинку. Этель Розенберг перепечатала рукописные заметки Грингласа, а Юлиус и Рут исправили грамматические ошибки».

Теперь обратимся к следующим фактам.

В осуществлении проекта атомной бомбы участвовало более 150 тысяч сотрудников. И только самый узкий круг приближенных Роберта Оппенгеймера — директора проекта — имел общее представление об этом проекте. Всем же другим сведения о функции и значении их конкретных частичных работ для проекта в целом были неизвестны. В одном докладе об атомном центре Хэнфорд говорилось, что только для схематического наброска технологического процесса на данном предприятии потребовалось 30 толстых книг. Ничуть не иначе все выглядело и в атомных центрах Ок-Ридж или Лос-Аламос. И вот здесь-то всего один человек, занимавшийся слесарно-ремонтными работами и имевший чин сержанта, «на основе собственной работы» и на основе подслушивания бесед мог разведать подробности устройства атомной бомбы (!).

Во время и после своей службы в армии, Дэвид Гринглас учился в общей сложности в четырех технических школах, но его умственных способностей не хватило даже на то, чтобы усвоить простейшие теоретические знания, а потому на каждом экзамене он вновь и вновь проваливался. И вот теперь Дэвид Гринглас будто бы сумел на нескольких клочках бумаги зафиксировать «секрет атомной бомбы». А ведь он не владел как следует даже родным английским языком, и приходилось исправлять его грамматические ошибки!

Во время судебного процесса против Этель и Юлиуса Розенберг выдвигались только обвинения, исходившие от супругов Гринглас, выступали или подвергнутые давлению ФБР «свидетели» или компания судей и прокуроров, которые всячески старались представить обвиняемых коммунистами.

Например, фотограф Бен Шнайдер под присягой показал, что супруги Розенберг снимались в его ателье для паспорта, чтобы сбежать в Мексику. После процесса служащий ФБР Джон Гаррингтон заявил, что

это утверждение было получено от фотографа путем шантажа. Сам Шнайдер признался, что прежде никогда обвиняемых не видел.

Кроме того, было возбуждено обвинение против Мортона Собелла, товарища Юлиуса Розенберга по учебе. Оба со школьных лет встречались всего несколько раз. Тот факт, что Собелл как раз в период, когда развернулись «поиски атомных шпионов», уехал в отпуск в Мексику, ФБР расценило как бегство. Собелл был обвинен, как указывалось официально, в «заговоре с целью шпионажа». Прокурор обвинил его — опять же без всяких доказательств — в том, что он являлся «связным русских». Ведь для того, чтобы сделать спектакль убедительным для американцев, нужно было представить и «связного»!

Поскольку доказать ничего не удалось, суд направил свои усилия на детальное установление места и времени, где и когда встречались вместе обвиняемые или «свидетели». Эти встречи, вполне обычные и нормальные между друзьями и родственниками, истолковывались как таинственные связи. Скандальная пресса сообщала о каждой такой встрече, подавая ее как «идущее шаг за шагом разоблачение атомного шпионажа», и утверждала, будто Розенберги навлекли на Соединенные Штаты чудовищную опасность.

Сообщения для прессы писал в качестве «специалиста» небезызвестный генерал Л. Клей¹. «Через десять секунд после того, как над Нью-Йорком была бы сброшена атомная бомба,— писал он,— в радиусе полумили оказалось бы уничтоженным все живое. Вот такую-то судьбу и хотели уготовить Соединенным Штатам обвиняемые!»

Казнь

Процесс начался 6 марта 1951 года в здании суда на Фоли-сквер в Нью-Йорке. Ирвинг Кауфман, в свои 40 лет самый молодой и вместе с тем весьма честолюбивый член Верховного суда США, старался играть роль судьи справедливого.

¹ В первые годы после второй мировой войны главнокомандующий американских войск и начальник военной администрации США в американской зоне оккупации Германии.— *Прим. перев.*

— То, что я должен сказать,— заявил он, оглашая 5 апреля приговор,— нелегко мне самому. Я размышлял целыми часами, днями и ночами. Я тщательно взвешивал доказательства, я изучал дела и вопрошал свою совесть. И все-таки я убежден, что нарушил бы серьезный и священный долг, возложенный на меня населением моей страны, если бы мягко обошелся с обвиняемыми Юлиусом и Этель Розенберг. Итак, я приговариваю их к смертной казни. Суд решил, что они должны быть казнены, в соответствии с законом, в течение недели, начинающейся в понедельник 21 мая. А теперь объявляю небольшой перерыв.

После перерыва Кауфман продолжал:

— Я приговариваю Мортону Собелла к тридцати годам каторжной тюрьмы. Хотя с моей стороны это может показаться излишним, я пользуюсь случаем заявить, что я — против любого помилования.

Этель и Юлиуса Розенберг отвезли в расположенную тридцатью милями севернее их родного города тюрьму Синг-Синг. Там они сидели, отделенные друг от друга тридцатью метрами, в изолированных камерах смертников, рядом с помещением для казни на электрическом стуле.

За время процесса реакционная пресса добилась большого успеха в воздействии на умы многих людей. Но постепенно становилось известно, какие чудовищные фальсификации привели к смертному приговору. И хотя для того, чтобы выступить в защиту Розенбергов, требовалось огромное мужество (юстиция США своим «фрэйм ап» продемонстрировала, на что она способна), все же нашлось большое число честных американцев, создавших примерно 70 комитетов, которые требовали «справедливости в деле Розенбергов».

В апелляционный суд было подано семь прошений, ходатайство о пересмотре дела было направлено в Верховный суд США, но все эти прошения и ходатайства были отклонены. Два прошения о помиловании были направлены самому президенту. Послал письма в Белый дом Альберт Эйнштейн. Лауреат Нобелевской премии Гарольд О. Юри, один из ведущих ученых в области атомной энергии, выступал в «Нью-Йорк таймс» в защиту Этель и Юлиуса Розенберг и просил о личной встрече с министром юстиции и президентом США, но допущен к ним не был. В защиту несправедливо

осужденных выступили даже два члена Верховного суда США.

Волна протеста охватила все страны мира, и стало ясно, что цель, которую преследовала в связи с процессом империалистическая пропаганда, достигнута не была. Результат оказался противоположным: вместо ожидаемого роста престижа Соединенных Штатов ФБР и американская юстиция оказались пригвожденными к позорному столбу.

Тогда организаторы процесса попытались добиться своего гнусным трюком. Этель и Юлиусу Розенберг объявили, что смертный приговор будет отменен, если они признаются в «выдаче секрета атомной бомбы». Этель и Юлиус оказались стойкими до конца и не запятнали своей чести ложью. Телефоны прямой связи с ФБР, установленные в камерах обоих смертников Синг-Синга, не зазвонили.

Несмотря на протесты миллионов людей во всех странах мира, 19 июня 1953 года Этель и Юлиус Розенберг погибли на электрическом стуле.

Через десять лет стали известны новые доказательства их невиновности. 6 февраля 1963 года Вашингтонский апелляционный суд констатировал, что Розенберги, будь они живы, имели бы право потребовать пересмотра дела.

Набросок схемы изготовления атомной бомбы, который Дэвид Гринглас якобы передал Юлиусу Розенбергу, был опубликован в американских газетах. Специалисты охарактеризовали его как «детские, не представляющие никакой ценности каракули».

Вскоре после казни Розенбергов двум ведущим сотрудникам американской комиссии по атомной энергии, исполнительному секретарю доктору Лэппу и руководителю ведомства классификации доктору Беккерли, пришлось признать, что в научном плане совершенно невозможно выдать какие-либо атомные секреты, поскольку «атомные и водородные бомбы не могут быть выкрадены и переправлены в форме информации».

Всемирное движение в защиту Этель и Юлиуса Розенберг достигло в 1953 году невиданного размаха, но оно не оказалось достаточно сильным, чтобы удержать империалистическую юстицию от дальнейших судебных убийств.

Никогда не смолкали требования освободить Мортону Собелла. Наконец в 1971 году для него все же раскрылись двери каторжной тюрьмы, хотя невиновность его была неопровержимо доказана еще много лет назад.

14 мая 1974 года агентство АДН сообщало из Вашингтона: «Юристы США изучают судебное убийство Розенбергов. Комитет видных американских юристов, образованный в Нью-Йорке, намерен проанализировать обстоятельства судебного убийства супругов Розенберг. На основании многочисленных документов юристы пришли к выводу, что обвинение против них было сфабриковано; теперь имеются неопровержимые доказательства их невиновности. Этель и Юлиус Розенберг были в марте 1951 года приговорены к смертной казни за мнимый атомный шпионаж в пользу Советского Союза».

...Полтора года спустя после убийства Розенбергов эра маккартизма в США официально подошла к концу. В своем истерическом безумии сенатор от Висконсина перешел все границы допустимого и стал косвенно подозревать в распространении «коммунистической заразы» даже... самих президентов Трумэна и Эйзенхауэра, вооруженные силы страны и сенат, вопя о «коммунистическом влиянии в армии и правительстве».

2 декабря 1954 года сенат 67 голосами против 22 выразил Маккарти недоверие, чем и закончилась судьба этого «охотника за ведьмами». Но дух его продолжает жить в иной форме. Практика проведения ФБР «фрэйм ап» отнюдь не умерла. Кроме того, ФБР стало действовать и на новом фронте.

За доктриной Трумэна последовала «политика отбрасывания», провозглашенная тогдашним государственным секретарем Джоном Фостером Даллесом. Но и эта стратегия, имевшая своей целью «отбрасывание социализма», не возымела успеха. С победой кубинской революции впервые в истории был совершен прорыв к социализму и в Западном полушарии.

Различные монополистические группы США искали свои, наиболее целесообразные, с их точки зрения, пути политики США. Разногласия порой обострялись, доходя до открытой схватки за власть. Разумеется, не стояло в стороне от нее и ФБР.

Убийство в Техасе

**Человек
в зеленом комбинезоне**

22 ноября 1963 года было 1036-м днем пребывания Джона Фитцджеральда Кеннеди на посту президента Соединенных Штатов Америки. Поутру над Далласом нависли грозовые тучи, но к 11 часам дня погода прояснилась. Несмотря на осеннее время года, второй по величине город Техаса вскоре уже купался в лучах еще горячего южного солнца.

В 11 часов 40 минут в аэропорту Лав Филд на окраине Далласа приземлился личный служебный самолет президента «ЮС эйр форс-1». Визит Джона Ф. Кеннеди в двухмиллионный город, центр техасской нефтяной промышленности, начался.

Собственно, поводом для этого визита служили предстоящие в 1964 году президентские выборы. В 1960 году кандидат от республиканской партии Ричард Никсон получил в Техасе незначительное большинство голосов, и теперь, накануне новой избирательной кампании, в ходе которой шла борьба за голоса избирателей, надлежало повысить шансы демократической партии за счет личного выступления президента.

Торжественная встреча по программе должна была состояться в Торговом центре, находившемся, как и аэропорт, на окраине Далласа. Первоначально предполагалось, что колонна автомашин быстро проедет промежуточный участок, минуя центр города. Но видные деятели демократической партии выражали настойчивое желание, чтобы Кеннеди парадным образом медленно проехал через внутреннюю часть города, дабы его могли увидеть как можно больше избирателей. Президент согласился.

Если ехать от аэропорта к Торговому центру через центр Далласа, то после пригорода путь идет сначала по Мейн-стрит, которая прорезает деловые кварталы почти точно с востока на запад и вливается в площадь Дили. Затем прямо под железнодорожный мост, и сразу же за мостом дорога сворачивает на Стеммонс-Фриуэй, ведущую к Торговому центру. Таков был нормальный путь, которым должен был бы следовать и президентский кортеж.

В машине впереди Джона Ф. Кеннеди сидел губернатор Техаса Джон Коннэли, разработавший всю программу поездки. Однако колонна, достигнув конца Мейн-стрит, вместо того чтобы двигаться прямо к площади Дили, свернула на Хьюстон-стрит, т. е. совершила объезд, чему позже никто не мог дать вразумительного объяснения.

Кортеж медленно ехал по Хьюстон-стрит, чтобы вскоре повернуть налево, на Элм-стрит. На этом перекрестке среди других домов возвышалось семиэтажное оранжевое здание, в котором помещался книжный склад «Тексас скул бук депозитори».

Как и повсюду в Далласе, где проезжал в эту пятницу президент, здесь на тротуарах тоже стояла толпа. Прием оказался более дружественным, чем ожидалось. Всего несколько недель назад, 24 октября 1963 года, постоянный представитель США в ООН Эдлай Стивенсон, выступая здесь, в «Даллас мимориел одиториум», в защиту политики Кеннеди, подвергся оскорблениям. Вот почему губернатор Техаса Коннэли предостерегал президента от поездки в «город правых экстремистов», как называли Даллас. Теперь казалось — опасения губернатора были напрасны. Президент и губернатор взаимно выражали радость и удовлетворение спокойной поездкой по городу.

Тем временем колонна автомашин достигла Элм-стрит и теперь медленно ехала вниз по улице, которая затем уходила в туннель под железнодорожным мостом. Никто из людей, стоявших на улице, не обратил вначале внимания на человека в зеленом комбинезоне, который вдруг вскинул вверх руки, издал пронзительный вопль и стал кататься по земле. Тело его дергалось в судорогах, на губах появилась пена. «Эпилептический припадок», — подумали стоявшие поблизости. Машина президента как раз подъехала к этому

месту. Взгляды людей метались между колонной автомашины и припадочным на обочине тротуара.

В этот момент на Элм-стрит раздались выстрелы. Раненый Джон Ф. Кеннеди упал на руки своей сидевшей рядом жены Жаклин. Следующая пуля поразила навывлет губернатора Коннэли, а третья вновь попала в президента.

Часы на здании «Тексас скул бук депозитори» показывали 12 часов 43 минуты. Мотор президентской машины взревел, заглушая крики ужаса, и она бешено помчалась в направлении Парклэндского госпиталя. Через несколько минут началась отчаянная битва за жизнь президента. Губернатор Коннэли был ранен хотя и тяжело, но не опасно для жизни.

Спустя 51 минуту после выстрелов на далласской Элм-стрит, в 13 часов 34 минуты, Джон Ф. Кеннеди скончался,— четвертый президент США пал от пули убийц.

Конституция и законы Соединенных Штатов Америки содержат на сей случай совершенно точные положения, которыми, в частности, регулируется порядок передачи поста президента действующему на тот момент вице-президенту. И вот Линдон Б. Джонсон, много лет боровшийся за власть в Белом доме, вдруг оказался на вершине своих желаний. Но законы требовали также, чтобы в случае убийства, невзирая на личность убитого, производилось вскрытие, причем это было в сфере компетенции соответствующего местного суда. Однако недвусмысленное положение закона нарушили и, несмотря на протест судьи, тело президента Кеннеди примерно через два часа после смерти было отправлено на самолете в Вашингтон, а затем в госпиталь Бетесда (штат Мэриленд). Этот госпиталь подчинялся военно-морскому ведомству, и, таким образом, вскрытие оказалось переданным военной инстанции. Судебно-медицинская экспертиза, тоже вопреки законам, была произведена не независимыми судебными врачами, а тремя специально подобранными военными врачами в высоких военно-морских чинах.

Ответственность за все эти незаконные действия ложилась и на Кеннета О'Доннела, шефа «Сикрит сервис», отвечавшей за безопасность президента. Кеннеди предварительно послал его в Даллас, чтобы урегулировать детали визита, и в частности определить мар-

шрут в городе. Объективно, таким образом, О'Доннел был виновен в соучастии в убийстве, происшедшем в Далласе, поскольку он принял решающее участие в выборе такого маршрута торжественного проезда через город, который противоречил всем правилам безопасности. Кроме того, он не воспрепятствовал объезду. Свое решение о переносе процедуры вскрытия в Бетесде О'Доннел впоследствии оправдывал тем, что хотел избавить миссис Кеннеди от долгого пребывания в городе, где убили ее мужа.

Что же произошло в Далласе после того, как машина президента на огромной скорости покинула Элм-стрит?

Убийство Освальда

Через две минуты после убийства, в 12 часов 45 минут, полицейское радио Далласа отдало приказ об аресте предполагаемого убийцы президента: «Разыскивается белый мужчина, примерно 30 лет, фигура худощавая, рост 5 футов 10 дюймов, вес 165 фунтов». Радиogramма была повторена в 12 часов 48 минут и в 12 часов 55 минут.

Не прошло и получаса с момента начала розыска, как на 10-й стрит, примерно в шести километрах от места убийства, вновь прогремели выстрелы и полицейский Дж. Д. Типпит, смертельно раненный, упал на мостовую около своей патрульной машины.

Полицейское радио передало, что жертвой убийцы президента стал еще один человек. Вновь и вновь передавался приказ о розыске. Наконец в 14 часов 50 минут последовало ошеломляющее сообщение, что по подозрению в убийстве президента схвачен 24-летний Ли Харви Освальд. Вскоре стали известны и некоторые подробности. Генри Уэйд, окружной прокурор Далласа, и Джесс Э. Керри, начальник городской полиции, стремились превзойти друг друга сенсационностью сообщений: «Освальд — коммунист и является орудием международного заговора с целью убийства президента Кеннеди».

Не прошло и нескольких часов, как версия эта отпала. Государственный департамент заявил, что никаких доказательств «международного заговора» не имеется.

Затем из Далласа пришла другая версия: Освальд — одиночка, никаких сообщников у него не было и смертельные выстрелы — общим числом три — он произвел из окна седьмого этажа здания «Тексас скул бук депозитори». Однако утверждение, что Освальд — коммунист, сохранялось. В качестве «доказательства» выдвигалось его пребывание в Советском Союзе с октября 1959 года до июня 1962 года и женитьба на советской подданной.

Полицейским властям Далласа не хватало только личного признания обвиняемого. Пресса, радио и телевидение заранее не оставляли никакого сомнения в том, что убийцу президента зовут Освальд.

Два дня спустя после выстрелов в Далласе миллионы телезрителей стали невольными очевидцами нового преступления. На экране телевизоров появилась заставка «Лайф» («Жизнь»), и то, что увидели затем телезрители, было вполне достойно самого громкого вестерна. Когда Ли Харви Освальда, окруженного здоровенными, как быки, техасскими полицейскими и агентами ФБР, должны были перевозить из полицейской тюрьмы Далласа в окружную тюрьму, справа из толпы вдруг появилась фигура какого-то мужчины в темном костюме и светлой шляпе. Сделав несколько шагов вперед, этот человек оказался прямо против Освальда, без всяких помех со стороны многочисленных охранников предполагаемого убийцы президента вынул револьвер и несколько раз выстрелил в Освальда. Тот рухнул прежде, чем убийцу успели схватить.

Немного погодя ошеломленные телезрители узнали новые сенсационные подробности: Джек Руби, владелец далласского ночного бара «Карусель», убил Освальда из преклонения перед Джекки Кеннеди! Он, мол, хотел пощадить ее чувства, ибо для него была невыносима сама мысль, что обожаемой им Джекки придется выступать на процессе Освальда в качестве свидетельницы.

События в Далласе 22—24 ноября 1963 года без всяких комментариев показывают, что убийство президента Кеннеди произошло при загадочных обстоятельствах и в описании его имеется много несообразностей, в результате чего быстро возникло сомнение в истинности официальной версии об «убийце-одиночке». Как могло случиться, задавало вопрос множество

людей, что человека, которого обвинили в убийстве президента, т. е., возможно, того самого, кто мог бы пролить свет на происшедшее, убрали на глазах всей нации, заставив замолчать навеки? Когда же затем стали известны сведения о личности Джека Руби, его заявление звучало просто неправдоподобно. Босс подозрительного злочного места, замешанный в сомнительных делишках, многие годы работавший на полицию в качестве шпиика,—нет, такой человек не мог действовать бескорыстно и самозабвенно даже ради «первой леди» страны!

Доклад комиссии Уоррена

Кому было на пользу убийство Джона Ф. Кеннеди? Этот вопрос задавали себе не только официальные расследователи. И кое-кто считал: разумеется, новому президенту Линдону Б. Джонсону, который уже не раз предпринимал «набеги» на Белый дом, неизменно кончавшиеся провалом. А теперь вот он достиг своей цели. Чтобы покончить с вопросами и домыслами такого рода, Джонсон 29 ноября 1963 года распорядился поручить расследование обстоятельств убийства президента Кеннеди специальной комиссии. Возглавить ее должен был Эрл Уоррен, председатель Верховного суда США, но в личной беседе с Джонсоном он сначала от этого отказался.

Уоррен считался человеком незапятнанной репутации, пользовался большим авторитетом и никогда не был замешан в каких-либо скандалах. Желание Джонсона поручить расследование столь уважаемому человеку было так же понятно, как и отказ Уоррена, чувствовавшего, что согласие пойти на это может подорвать его собственную репутацию. Но, так или иначе, Джонсону удалось переубедить Уоррена. Верховный судья впоследствии писал, как это произошло:

«— Вы ведь служили прежде в армии Соединенных Штатов? — спросил меня президент Джонсон. — Если бы я попросил вас от имени нации вновь надеть военную форму, вы бы сделали это?»

— Конечно, — ответил я.

— Сейчас я прошу вас оказать гораздо более важную услугу.

— Если вы ставите вопрос таким образом, — сказал я, — мне остается только согласиться».

Отвечает ли этот патристический вариант истине или нет — неизвестно. Во всяком случае, Уоррен вдруг не проявил твердости характера, чтобы отклонить предложение Джонсона. Еще до начала работы комиссии некоторые журналисты задавали верховному судье вопрос насчет ожидаемых результатов расследования. Эрл Уоррен отвечал коротко и ясно: «Определенные обстоятельства и факты, относящиеся к убийству президента Кеннеди, общественность, из соображений государственной безопасности, сможет узнать только через 75 лет». От дальнейших комментариев Уоррен отказался.

В начале декабря 1963 года комиссия Уоррена — под таким названием она стала известна — приступила к работе. Кроме председателя в нее входили еще шесть человек: Хейл Боггс из Алабамы и Джеральд Р. Форд из Мичигана (будущий президент США), сенаторы Ричард Б. Рассел из Джорджии и Джон С. Купер из Кентукки, а также бывший шеф ЦРУ Аллен Даллес и нью-йоркский банкир Джон Макклой.

За 10 месяцев комиссия проделала гигантскую работу: были допрошены 552 свидетеля, рассмотрены 3154 доказательства. 44 машинистки перепечатали рукопись объемом свыше 30 тысяч страниц. Со всеми дополнениями и приложениями доклад составил 27 толстых томов. На 888 страницах первого тома давалось обобщенное изложение дела.

Ранним утром 25 сентября 1964 года в канцелярии президента возникла длинная очередь журналистов: им выдавали упомянутый первый том. Через два дня газеты опубликовали доклад комиссии Уоррена в сокращенном виде. Квинтэссенцию его можно было выразить несколькими фразами: убийца президента Кеннеди и полицейского Дж. Д. Типпита — Ли Харви Освальд. Руби застрелил Освальда. Освальд и Руби действовали как одиночки. Никто за ними не стоял. Никакого заговора не существовало.

В начале доклада провозглашалось, что он содержит «только правду». И он действительно содержит ее, но отнюдь не в главных своих утверждениях и выводах. Правда, как это часто бывает, содержится в деталях. «Доклад комиссии Уоррена» сообщает о множестве эпизодов и цитирует сотни свидетельских показаний. Любой внимательный читатель наталкивает-

ся на многочисленные противоречия, которые, при всей своей мозаичности, должны привести к выводу, что президент Кеннеди, вопреки утверждению доклада, стал жертвой широко задуманного, весьма коварно организованного заговора. Освальд же, самое большее, служил второстепенной фигурой в крупной игре.

Типичным примером таких противоречий явилось само объявление о розыске. Уже через две (!) минуты после смертельных выстрелов, в 12 часов 45 минут, полиция Далласа, как известно, дала описание преступника, указывающее на Освальда, и объявила розыск. «Доклад Уоррена» упоминает этот факт. Восемьюдесятью страницами ранее утверждается, что указание о том, что человек, разыскиваемый по радиограмме, подозревается в убийстве президента, полиция получила самое раннее в 13 часов 12 минут.

Но как могла полиция еще за 27 минут до этого объективного подозрения разыскивать Освальда? И откуда она уже через две минуты после того, как раздались смертельные выстрелы, могла знать рост и вес человека, которого некий свидетель видел будто бы с улицы через окно шестого этажа стоящим на коленях, лишь в общих чертах различив лицо и плечи? Да к тому же свидетель этот дал свои показания полиции гораздо позже. Ни один сочинитель детективных романов не решился бы подсунуть читателю такие явные противоречия; а комиссия Уоррена решила сделать это.

Разумеется, в ней не нашлось ни одного человека, который не заметил бы этих подозрительных моментов. Но все они ушли от сверлящих вопросов общественности и лишь невозмутимо отметили в своем докладе, что такие факты относятся ко многим несогласующимся обстоятельствам в деле об убийстве президента.

Многочисленные противоречия комиссия оставила совершенно невыясненными.

Так, «Доклад Уоррена» весьма подробно распространяется насчет мотивов действий Освальда и в конечном счете констатирует, что мнимый убийца прожил свою жизнь неудачником, но был тщеславен и убийством Кеннеди хотел приобрести всемирную известность. И без всякого ответа остается логически вытекающий отсюда вопрос: почему же в таком случае Освальд, обуреваемый столь честолюбивыми же-

ланиями и претензиями на бессмертие, категорически отрицал свою причастность к убийству?

Большинство граждан США, разумеется, «Доклад Уоррена» не читало: кому охота брать на себя труд прочесть том в 888 страниц да еще в 26 раз более объемное приложение!

В конце сентября 1964 года американская пресса довольно единодушно с одобрением сообщала о внушительной работе, проделанной Эрлом Уорреном и членами его комиссии. Сомнений в отношении доклада первоначально не высказывалось. Общественное мнение определялось или формировалось такими газетными сообщениями, и поэтому на первых порах версии, преподнесенной комиссией, верили.

**Гувер продолжает находиться
на своем посту**

После смертельных выстрелов в Далласе первые расследования (как мы видели, довольно странные) проводила местная полиция. Однако вскоре дело перешло в ведение ФБР, и большинство материалов, сообщений и описаний для «Доклада Уоррена» поставлял Гувер.

У специалистов этот факт вызвал прежде всего удивление, ибо, согласно законодательным положениям, ФБР могло вмешаться в расследование убийства (даже если речь шла о президенте) только в том случае, если подозреваемый преступник пересек границу между двумя штатами. Для ФБР убийцей тогда, как и сегодня, официально был Освальд — человек, который, как известно, после 22 ноября 1963 года границу Техаса не пересекал. Убийство президента автоматически становилось «делом федерального значения» лишь по закону, который приняли через пять лет.

Позже ФБР объявило, что все мыслимые возможности расследования исчерпаны. Это должны были подтвердить цифры: проведено 25 тысяч допросов, в расследовании участвовало 5 тысяч сотрудников ФБР и вспомогательного персонала.

О реальных результатах «усилий» ФБР сообщено не было. Однако в печати появились публикации о том, что за несколько дней до покушения Гувер был информирован о его плане, а впоследствии принял все

возможные меры для сокрытия истины. Красноречивым свидетельством отношения Гувера к убийству президента Кеннеди служит его поведение в тот трагический день.

На вилле брата президента, министра юстиции Роберта Кеннеди, в Маклине зазвонил телефон. «Говорит Гувер,— услышал Р. Кеннеди в трубке.— Я должен сообщить вам: на президента совершено покушение».— «Его дела плохи?»— «Не знаю. Я позвоню вам, как только узнаю что-нибудь новое».

Немного позже Гувер позвонил опять и без всякого волнения сообщил: «Президент умер».

Не добавив ни единого слова сочувствия, шеф ФБР положил трубку. Затем вызвал в кабинет секретаршу, показал на телефонный аппарат прямой связи с министром юстиции и распорядился: «Поставьте эту штуку на прежнее место!»

Из своего пренебрежения к семье Кеннеди Гувер почти никогда секрета не делал, а по отношению к непосредственному начальнику — министру юстиции Роберту Кеннеди особенно часто вел себя высокомерно и самоуправно. Когда у Роберта Кеннеди появлялась необходимость переговорить с шефом ФБР, ему зачастую приходилось самому отправляться к нему. Однажды это ему надоело, и он велел установить на столе Гувера телефон прямой связи.

Прошло совсем немного времени с момента смерти президента Кеннеди, как шеф ФБР приказал ликвидировать эту прямую связь. Отныне, вопреки существовавшим уже многие десятилетия служебным инструкциям, он стал принимать указания только от Джонсона.

Журнал «Ньюсуик» писал: «Буквально через несколько минут после убийства президента Гувер разорвал дипломатические отношения с министерством юстиции. По всем делам отныне он обращался непосредственно в Белый дом. Гувер даже не счел нужным послать Роберту соболезнование в связи с гибелью его брата».

Тринадцать убийств

«Можно некоторое время обманывать весь народ, можно все время обманывать часть народа, но невозможно обманывать все время весь народ». Эти слова,

подтвердившиеся сто лет спустя, принадлежат Аврааму Линкольну. Постепенно вера в насчитывающий 30 тысяч страниц доклад комиссии Уоррена рассеивалась.

Еще во время составления доклада верховным судьей и его верными сподвижниками в нью-йоркском издательстве «Марцани энд Манзелл» вышла книга под названием «Освальд: убийца или козел отпущения?». Автор ее — Иоахим Йостен, американский публицист немецкого происхождения. Хотя вся пресса молчала насчет расследования, которое могло бы опровергнуть официальную «Освальд-стори», книга разошлась большим тиражом. Уже в начале 1965 года появилось ее второе издание. Автор и издатели проявили незаурядное мужество, ибо убийцы Кеннеди уже начали играть кровавый эпилог драмы.

Новое разоблачение поступило от другого мужественного человека — Пенна Джонеса, редактора небольшого еженедельника «Мидлосизн миррор». Начиная с 3 июня 1965 года в этом журнале, издававшемся в Мидлосизне, небольшом городе близ Далласа, печаталась серия статей, опровергавшая «Доклад Уоррена».

В статье, опубликованной 3 февраля 1966 года, Джонес приводил результаты произведенного им подсчета: минимум 13 человек, сумевших как-либо заглянуть за кулисы событий в Далласе, уже умерли насильственной или таинственной смертью. «Из этих 13 человек, — констатировал Пени Джонес, — большинство либо были знакомы с Руби и Освальдом, либо имели случай разговаривать с ними наедине после того, как Руби и Освальд сыграли свою роль».

Можно полагать, что через несколько лет это число — 13 — почти удвоилось.

Вечером того дня, когда владелец бара застрелил Освальда, на квартире Руби собрались шестеро мужчин: друг Руби Джордж Сенейтор, два журналиста — Уильям Хантер из «Лонг Бич пресс телеграм» и Джеймс Косе из «Даллас таймс геральд», а также три адвоката — К. А. Дроуби, Том Ховард, который должен был взять на себя защиту Руби, и Джим Мартин, позже ставший советником вдовы Освальда. О чем говорили между собой эти шестеро, осталось неизвестным.

Но видимо, это была дьявольская тайна, ибо трое из них вскоре заплатились за нее своей жизнью.

22 апреля 1964 года вечером, около 23 часов, Хантер сидел в помещении для прессы полицейского участка в Лонг-Бич, ожидая информации о событиях за день, когда вошли два «копа» и один из них выстрелом из револьвера убил журналиста на месте. С расстояния в один метр пуля попала точно в сердце. Первая официальная версия гласила, что один из полицейских по неосторожности уронил свой револьвер, отчего и произошел смертельный выстрел. Но поскольку в протоколе вскрытия констатировалось, что выстрел был произведен под углом сверху, последовала вторая версия: оба полицейских «немного потренировались в стрельбе», а Хантер случайно угодил под выстрел. Однако никто за такой «недосмотр» наказан не был.

Джеймс Косе утром 21 сентября 1964 года выходил из ванной комнаты, когда какой-то неизвестный, проникший в его квартиру, убил журналиста ударом в сонную артерию. Имя убийцы осталось неизвестным.

Том Ховард, молодой человек цветущего здоровья, в январе 1966 года вдруг «совершенно неожиданно» скончался в Парклэндском госпитале «от инфаркта». Вскрытие тела адвоката было властями Далласа запрещено.

К жертвам кровавого эпилога принадлежит и Доротти Килгаллен, известная как в США, так и за их пределами журналистка. В марте 1964 года суд присяжных в Далласе рассматривал дело Джека Руби. (Из-за формально-юридической ошибки первоначально вынесенный ему смертный приговор через два года был отменен.) Судья Джо Б. Браун предоставил известной журналистке во время этого первого процесса по делу Руби особую привилегию: ей было разрешено побеседовать с обвиняемым полчаса с глазу на глаз. Впоследствии на страницах прессы Доротти Килгаллен дала понять, что именно она узнала: люди из ФБР обещали защитникам Руби предоставить в их распоряжение ценный материал, «который они без содействия ФБР никогда не смогли бы получить». При этом адвокатам было поставлено одно условие: любыми средствами исключить подозрение, будто между Руби и Освальдом ранее существовали какие-то связи.

Журналистка намекнула, что Освальд был агентом ЦРУ. Отныне она стала «посвященным лицом» и сразу же была включена в «черный список» ЦРУ.

Однажды пасмурным вечером в ноябре 1965 года Доротти Килгаллен работала в нью-йоркской редакции. Внезапно в доме погас свет. Электромонтеры устранили повреждение, но, когда свет загорелся снова, журналистка лежала в своем кабинете мертвой. «Скончалась в результате приема слишком большой дозы снотворного» — гласило официальное заключение о смерти. «Не дали ли ей отравленный напиток?» — спрашивала «Мидлосизн миррор» 25 ноября. Но никакого основательного расследования данного дела не проводилось и, соответственно, ответа на этот вопрос не последовало.

Вольное или невольное знакомство с Руби и Освальдом для ряда людей тоже имело трагические последствия. Генри Киллэм знал обоих, поскольку его жена работала в ночном баре Руби, а их общий знакомый жил в том же пансионе, что и Освальд. Каким-то образом Киллэм узнал, что Освальд до 22 ноября 1963 года неоднократно встречался с людьми из ФБР, и необдуманно огласил это.

После убийства президента джи-мены несчетное число раз допрашивали Киллэма. Агенты ФБР постоянно появлялись у него в квартире, на работе, поджидали его на улице. Вероятно, они предполагали, что он знает больше, чем рассказал. Киллэм, рассчитывая избежать преследования, тайно переехал в другой город. В местечке Пенсакола во Флориде, надеясь он, ему удастся снова зажить спокойно. Но 17 марта 1964 года Генри Киллэм уже лежал на улице с перерезанным горлом. В полицейском же отчете говорилось, что он порезался, выпав из окна.

«Доклад Уоррена» утверждал, что Освальд был также убийцей и полицейского Типпита. А владелец антикварного магазина Рейнольдс, который видел происшедшее на 10-й стрит и сообщил об этом в ФБР, заявил, что хорошо разглядел стрелявшего: это ни в коем случае не Освальд! Показания Рейнольдса вообще были включены в протокол только по его настоянию.

Свидетелями убийства Типпита явились еще 12 человек, но, в противоположность Рейнольдсу, они

не стали настаивать на протоколировании своих утверждений, а комиссия Уоррена выслушать их показания не пожелала. Поэтому жизнь их и дальше протекала спокойно, в отличие от Рейнольдса.

23 января 1964 года антиквар занимался делами в своем магазине, когда кто-то вошел под видом покупателя, вытащил из-под мышки пистолет и выстрелил в него. Раненный в голову, Рейнольдс упал. Несколько недель он боролся со смертью и чудом выжил. После того, как он вышел из госпиталя, неизвестные попытались похитить его десятилетнюю дочь. Теперь жизнь и безопасность стали Рейнольдсу дороже истины, а потому он от своих прежних показаний отказался, заявив: «В человеке, застрелившем полицейского Типпитта, я все-таки узнал Ли Харви Освальда».

Когда «расследовалось» покушение на Рейнольдса, полиции Далласа против собственной воли пришлось заняться еще одним подозреваемым — гангстером Дареллом Гарнером. Прохожие показали, что тот вскоре после выстрела вышел из антикварной лавки. Но Гарнер знал, кто сможет обеспечить ему «неопровержимое» алиби: его подруга Нэнси Джейн Муней, исполнительница стриптиза в баре Джека Руби. Однако на допросе «гёрл» вела себя не очень-то умно. Нэнси дала понять, что, хотя и знает о покушении Гарнера на Рейнольдса, все же может подтвердить его желаемое алиби, если так нужно полиции. И она «подтвердила»: мистер Гарнер провел это время в ее постели. Но болтливые свидетели были для ФБР опасны, и Нэнси своим неуместно доверительным тоном сама подписала себе смертный приговор. Вечером 1 февраля 1964 года Нэнси поссорилась в своей квартире с одной подругой. Появившийся полицейский арестовал танцовщицу за «нарушение ночной тишины». На следующее утро в полицейском донесении сообщалось: «Нэнси Джейн Муней после доставки ее в полицейский участок покончила жизнь самоубийством, повесившись».

Жертвами кровавого эпилога убийства президента стали еще несколько девиц из заведения Джека Руби.

Одна из них, известная под псевдонимом Роза Шерами, тоже танцовщица, через два дня после убийства Кеннеди рассказала на приеме у врача-психиатра ему и ассистировавшей медсестре о своих «предчувствиях»,

что президента обязательно убьют в Далласе. Однако источник этих «предположений» она не назвала. Когда 4 сентября 1965 года Роза Шерами переходила в Далласе улицу, ее сбил и протащил несколько метров по мостовой тяжелый лимузин. Еще по дороге в больницу она умерла.

Кое-что об убийстве президента должна была знать и другая «стриптиз-гёрл» из бара Руби — Делила Уолл; ее тоже убили.

24 ноября 1963 года, прежде чем выйти из своего дома, чтобы убить Освальда, Руби разговаривал с Карин Беннет Карлин. Вскоре после того, как об этом факте узнали, ночью у дверей бара появился неизвестный, который ждал, когда танцовщица отправится домой. Его выстрелы тяжело ранили Карин Карлин, но все-таки она осталась жива.

Ни один из случаев покушения на танцовщиц Руби расследован не был. Все это случайные убийства, утверждала полиция Далласа, вероятно, сведение старых счетов или же акты мести незадачливых любовников. Никаких доказуемых связей с убийством, совершенным Руби, здесь нет, это наверняка секс и уж никак не политика. Итак, в скажем прямо, далеко не щепетильном штате Техас только в одном-единственном баре Джека Руби секс вдруг стал делом смертельно опасным, по крайней мере именно об этом говорили удивительные сказки, сочиненные полицией.

Комиссия Уоррена допросила 552 свидетеля, причем большинство из них — по незначительным второстепенным и третьестепенным вопросам. Однако имелись важные, но нежелательные показания, которые не укладывались в официальную концепцию, и свидетели, которые осмеливались настаивать на них, были обречены.

Миссис Эрлин Робертс была хозяйкой того пансиона в Ок-Клиф (район Далласа), в котором проживал Ли Харви Освальд. Она заявила, что ее съемщик в середине дня 22 ноября 1963 года находился дома. Но согласно «Докладу Уоррена» Освальд в это время был на своей работе в здании «Тексас скул бук дипозитори», сооружал там, на шестом этаже, из тяжелых коробок стенд для стрельбы и собирал снайперскую винтовку.

Это утверждение тоже относится к числу много-

численных противоречий доклада. Так, в другом его месте констатируется, что почти до самого момента покушения в этом помещении мастера меняли линолеум на полу. И никто из них Освальда не видел! Таким образом, за оставшиеся какие-то десять минут щуплый Освальд должен был составить в штабеля коробки весом по 20 с лишним килограммов каждая и, кроме того, собрать из отдельных частей винтовку с оптическим прицелом. То, что он не мог этого сделать,— совершенно ясно. Но полностью версия об убийце-одиночке Освальде должна была рухнуть после того, как хозяйка пансиона Робертс показала, что в момент убийства этот человек находился совсем в другом пункте Далласа. И ее показания были не единственными.

Водитель такси Уильям Уэйли показал, что Освальд в тот день, в 12 часов 30 минут сел в его машину перед пансионом в Ок-Клиф. Поездка продолжалась до 12 часов 45 минут и закончилась у кинотеатра в Норт-Бекли, где Освальд и был впоследствии схвачен. Но ведь он должен был, как утверждалось в «Докладе Уоррена», в 12 часов 43 минуты сделать смертельные выстрелы по президенту!

Показания хозяйки пансиона и водителя такси были тяжелым ударом по версии «Доклада Уоррена». В течение нескольких месяцев агенты ФБР старались «переубедить» обоих свидетелей. Один допрос следовал за другим, но оба они оставались при своих показаниях. Инцидент был «исчерпан» обычным образом. 18 декабря 1965 года такси Уильяма Уэйли было опрокинуто фронтальным ударом наехавшего на него тяжелого грузовика. Неудовольствие свидетеля погиб на месте. А через три недели, 9 января 1966 года, дотоле совершенно здоровая миссис Робертс скончалась от приступа «сердечной недостаточности», и тоже в Далласе. Виновник «дорожно-транспортного несчастного случая» остался неизвестен, а вскрытие трупа миссис Робертс не было разрешено.

Посредством «несчастного случая на дороге» был в августе 1966 года устранен и еще один, можно сказать коронный, свидетель лживости «Доклада Уоррена». Во время покушения на Кеннеди оператор по перестановке путевых стрелок Ли Э. Бауэрс сидел на четырехметровой вышке у железнодорожного полотна

и мог обозревать оттуда всю местность. Он заметил двух мужчин, что-то делавших на территории огороженной стоянки для полицейских автомашин неподалеку от площади Дили и напряженно ожидавших приближения кортежа президента. Вынужденный пассивно наблюдать, Бауэрс видел, как один из них прицелился и выстрелил по машине Кеннеди. Бауэрс подробно сообщил полиции об этих фактах. Затем, как обычно, последовали многочисленные допросы, проводившиеся людьми ФБР, которые пытались убедить свидетеля в том, что он «ошибся». Но Бауэрс держался твердо и не давал сбить себя с толку.

9 августа 1966 года Ли Э. Бауэрса на малооживленной улице переехала мчавшаяся с огромной скоростью автомашина. И в данном случае полиция «не смогла» найти злоумышленника.

Постепенно невероятные обстоятельства, убийства и загадочные «несчастные случаи» переполнили чашу терпения одного полицейского офицера — капитана Фрэнка Мартина. Он сказал посторонним лицам, что все эти инциденты связаны с заговором против президента Кеннеди. То же самое он заявил еще два года назад на допросе в комиссии Уоррена, но теперь, летом 1966 года, такие намеки навлекли на него месть заговорщиков. Как и многие другие неугодные свидетели, капитан Мартин внезапно скончался от «сердечной недостаточности».

Руби — человек Аль-Капоне

«Теперь Щеголь уже не запое!» — под таким заголовком информационное агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл сообщило 3 января 1967 года о внезапной смерти Джека Руби. Под такой кличкой владелец ночного бара был известен в гангстерских кругах.

Смертный приговор, вынесенный Руби на первом процессе в марте 1964 года, как известно, кассировали, и в феврале 1967 года должно было состояться новое слушание дела. Но здоровяк Руби заболел, и 9 декабря 1966 года его перевели из далласской тюрьмы в Портлендский госпиталь, где он через 25 дней умер. Официальный диагноз — рак.

Джек Руби — выходец из Чикаго. В 1946 году он как уполномоченный одной группы, вышедшей из бан-

ды Аль-Капоне, перебрался в Даллас и купил там ночной бар «Карусель», которому предназначалась роль опорного пункта этой группы в Техасе — укрытия для беглых гангстеров, места торговли наркотиками и «девицами по вызову».

Дж. Руби действовал по испытанному рецепту. Для обеспечения дела надо было подкупить местного шерифа. Два гангстера, Лабриола по прозвищу «Нос иголкой» и Пол Джонс, члены новой банды Руби, получили задание вступить в торг, но потерпели неудачу: шериф попался какой-то несговорчивый, и оба они оказались за решеткой. Джонса посадили на 20 лет, а «Нос иголкой» был убит вскоре после того, как его выпустили на свободу. Неудача постигла и других членов банды Руби. Только сам босс оставался неуязвим, — правда, не без ответных услуг: Руби обязался помогать полиции Далласа и ФБР. Так гангстер дослужился до полицейского шпика, а затем и агента ЦРУ.

Кроме того, вскоре он приобрел репутацию человека, который при надобности может найти наемного убийцу, — разумеется, никаких официальных доказательств этого не имелось. Служащие полиции и ФБР всегда были и оставались друзьями и помощниками Руби, а он платил за это присущим ему образом. «Многие из них бывали у него, как у себя дома, — общало упомянутое выше информационное агентство, — бесплатно пили даже после закрытия бара пиво и виски, он предоставлял им бесплатно всякие развлечения и своих стриптиз-гёрлс». А сам Дж. Руби имел за это беспрепятственный доступ в различные полицейские учреждения. Так было и 24 ноября 1963 года.

В заговоре против президента Кеннеди Руби являлся одной из центральных фигур. Подробности стали известны только несколько лет спустя. Застрелив Освальда, он, как сначала казалось, мог надеяться остаться безнаказанным. Репортеры сообщали, в каком хорошем настроении пребывал он в своей камере: с бутылкой виски на столе и постоянной сигарой во рту. Но вскоре поведение его резко изменилось, Руби заявил, что хочет «все как есть выложить». И заявил он это не кому-нибудь, а самому Эрлу Уоррену, после того как тот лично допрашивал его в далласской тюрьме. Руби просил доставить его в Вашингтон, где

он скажет всю правду, а в Техасе он этого сделать, не рискуя жизнью, не может.

Уоррен ему отказал. «Что ж,— сказал Руби,— тогда вы больше меня никогда не увидите». И в этом старый, опытный гангстер оказался прав: за совсем короткое время «рак» прикончил дотоле вполне здорового человека. Его смерть в начале 1967 года следует рассматривать во взаимосвязи с новым расследованием, которое началось несколькими неделями раньше.

За дело берется окружной прокурор Гаррисон

Несмотря на все эти события, к концу 1966 года в США все еще имелось немало людей, которые, как и прежде, верили «Докладу Уоррена». К ним относился и Джим Гаррисон, старший прокурор округа Новый Орлеан (штат Луизиана). В октябре 1966 года между ним и сенатором от Луизианы Расселом Б. Лонгом состоялся следующий разговор:

— Послушайте, Джим, вы «Доклад Уоррена» читали? — спросил Лонг.

— Нет,— ответил окружной прокурор,— но знаю содержание из многочисленных публикаций.

— Тогда я бы на вашем месте внимательно прочел оригинал,— посоветовал сенатор.— Лично я сильно сомневаюсь, чтобы Освальд действовал в одиночку. И доклад не может доказать это. Подумайте наконец о том, что Освальд все-таки провел в Новом Орлеане шесть месяцев. Что он, собственно, делал все это время в вашем округе?

После этого Гаррисон принялся изучать обширные материалы комиссии. ««Докладу Уоррена» могли верить только те,— отметил он позднее,— кто его не читал».

Не поднимая шума, окружной прокурор начал новое расследование убийства президента. Официально клан Кеннеди отнесся к этому сдержанно, но Гаррисон получил одобрение бостонского кардинала Кашинга, считавшегося другом семьи Кеннеди. Основанный в Новом Орлеане «Комитет совести», в который вошли 50 богатых и к тому же известных предпринимателей города, дал скудному бюджету прокуратуры субсидии на финансирование этого расследования.

Решающим же для Гаррисона была поддержка со стороны видного нью-йоркского адвоката Марка Лейна, который в своей вышедшей в 1966 году книге «Торпливое суждение» подверг «Доклад Уоррена» уничтожающей критике. После убийства Кеннеди Лейн снял фотокопии с протоколов канцелярии окружного прокурора Далласа Уэйда, в которых примечательные факты просто бросались в глаза.

Адвокат Дин Эндрюс из Нового Орлеана показал под присягой: «23 ноября 1963 года в мою контору явился человек, назвавшийся Клемом Берtrandом, и попросил меня, чтобы я взял на себя защиту Ли Х. Освальда на предстоящем процессе. Клиент явился ко мне под фальшивым именем, ибо это был коммерсант Клей Л. Шоу, проживающий в Новом Орлеане. Об этом факте я поставил в известность отделение ФБР в Далласе».

Вслед за тем Дин Эндрюс неоднократно допрашивался агентами ФБР, причем джи-мены старались убедить адвоката в том, что Берtrand существует лишь в его фантазии. Заключительный протокол ФБР направило комиссии Уоррена с примечанием, что Эндрюс от своих прежних показаний отказался.

Лейн и Гаррисон стремились установить контакт с Эндрюсом, но поддержки с его стороны не получили, а лишь узнали, что адвоката настойчиво предостерегали на тот случай, если он снова вздумает заговорить о Клеме Берtrandе.

Тем не менее Гаррисон все же заполучил в свои руки конец нити, потянув за который он мог попытаться распутать клубок событий, связанных с убийством Кеннеди. Вышеназванный Клей Л. Шоу являлся в течение многих лет сотрудником ЦРУ, причем под конец — в чине майора. После официального ухода на пенсию он занимался в Новом Орлеане различными коммерческими делами. Одновременно он продолжал оставаться доверенным лицом ЦРУ и получал от него поручения такого рода, которыми секретная служба ни в коем случае себя компрометировать не хотела.

Окружной прокурор сообщил, что он установил ряд деталей заговора против Кеннеди, из которых явствовало, что убийство президента было подготовлено в Новом Орлеане еще летом 1963 года. Руководил этой

акцией Клей Л. Шоу, действовавший под именем Клема Бертранда. Местом встреч заговорщиков служила квартира бывшего летчика Дэвида Фэрри. К числу заговорщиков принадлежали, в частности, Гордон Новел — владелец бара в Новом Орлеане, Джек Руби, Ли Х. Освальд и различные контрреволюционные кубинские эмигранты. Все участники были сотрудниками ЦРУ или же поддерживали контакты с этим учреждением.

Американская общественность впервые узнала о проводимом Гаррисоном новом расследовании 17 февраля 1967 года. Газета «Нью-Орлеанс стейтс — айтем» сообщила об этом в краткой заметке, не называя каких-либо имен заговорщиков.

Два дня спустя Гаррисон встретился в одном из баров с кубинским контрреволюционером-эмигрантом Серафино Эладио дель Валле. Прокурору важно было идентифицировать неизвестного человека, смутно видимого на одном фотоснимке рядом с Освальдом. Валле опознал в нем главаря кубинских контрреволюционных эмигрантов Мануэля Гарсиа Гонсалеса. На другой день оба кубинца-эмигранта исчезли из города. Немного погодя в Майами (Флорида) нашли изуродованный труп Валле; судьба Гонсалеса осталась неизвестной.

Но силы, вызванные к жизни расследованием Гаррисона, этим контрударом остановить было уже нельзя.

Коронным свидетелем прокурора стал Дэвид Фэрри, являвшийся связующим звеном между заговорщиками. 22 февраля 1967 года, спустя пять дней после первой информации в печати, этот человек был найден мертвым у себя в квартире. На осколках винной рюмки в полицейской лаборатории обнаружили цианистый калий. Однако версию о самоубийстве Гаррисон категорически отверг.

Ближних сотрудников прокурора охватила паника, она овладела и частным детективом Джеком Мартином, собравшим большой материал, на который во многом должно было опереться обвинение. Через два дня после убийства Фэрри Мартин исчез из Нового Орлеана в неизвестном направлении. «Из соображений моей личной безопасности», — написал он в оставленном объяснении.

Чтобы сломить окружного прокурора, заставить его отказаться от своих расследований, предпринималось и многое другое. Не прекращались телефонные звонки и письма с угрозами убить, переписка его контролировалась, телефонные разговоры подслушивались, устраивались всякие провокации. Гаррисон обратился в министерство юстиции с просьбой дать ему ознакомиться с секретными материалами — ему отказали. 2 марта 1967 года новый министр юстиции Рамсей Кларк даже заявил на пресс-конференции в Вашингтоне: «Судя по имеющемуся в ФБР материалу, между Клеем Шоу и убийством президента Кеннеди в Далласе никакой связи не существует».

Но и это высокое вмешательство не смогло запугать Гаррисона. Он приказал арестовать Клея Шоу, однако ему пришлось отпустить этого человека на свободу до начала процесса под залог в 10 тысяч долларов. Быстрое предложение выкупа укрепило у Гаррисона уверенность в том, что Шоу — не последнее звено в цепи заговорщиков.

По действующим в США правовым положениям, главному процессу должно предшествовать предварительное слушание дела, цель которого — определить, достаточен ли представленный прокуратурой материал для возбуждения обвинения. В случае, если преступление имело последствия для всех штатов, материал, как правило, должен был рассматриваться также и вторым Большим жури. Только оно одно могло определять роль обвиняемого в данном преступлении.

17 марта 1967 года следственный суд Нового Орлеана на предварительном заседании по делу Клея Л. Шоу установил, что мотивированный обвинительный материал против Шоу совершенно достаточен для главного процесса. Немного позже, 22 марта, вынесло свое решение Большое жури:

«Президент Кеннеди пал жертвой заговора. Обвиняемый Клей Л. Шоу участвовал в нем. Следственный материал прокуратуры доказывает эти факты. Таким образом, главное слушание дела должно состояться».

Это решение явилось сенсацией. Адвокаты Шоу прибегали к всевозможным юридическим уловкам, лишь бы оттянуть начало процесса, что им и удавалось делать до января 1969 года. Тем временем неод-

нократно предпринимались попытки заставить Гаррисона сойти со своего пути.

Прошла всего неделя со дня решения Большого жюри, когда 29 марта 1967 года тысячи жителей Нового Орлеана оказались охвачены паникой.

В местном аэропорту объявили, что совершает посадку самолет «ДС-8» авиакомпании «Дельта Эйрлайнс». Самолет вынырнул из облаков минутой раньше, чем ожидалось, и стал пикировать прямо на город. Тщетно пытался пилот вывести машину из пикирования: самолет снес несколько домов, повалил ряд деревьев, смел с лица земли две бензоколонки и разбился от фронтального удара в фасад «Хилтон Инн». Горючее вылилось прямо внутрь этого роскошного отеля, который через минуту вспыхнул ярким пламенем. При катастрофе, причины которой так и не определили, погибли 18 человек, в том числе 30-летний пилот Джордж Пьяцца, который до конца 1966 года являлся заместителем Гаррисона в Новом Орлеане. В качестве такового он допрашивал одного из друзей Фэрри, долгое время проживавшего с ним в одной квартире, — летчика Джеймса Льюоллена. Благодаря полученным от него сведениям Пьяцца сумел напасть на след новых подробностей.

Но и несмотря на эту катастрофу, которую многие восприняли как недвусмысленное предостережение Гаррисону, окружной прокурор Нового Орлеана продолжал свое расследование.

Б ФБР знали план убийства

На пресс-конференции 26 декабря 1967 года Гаррисон заявил, что за пять дней до 22 ноября 1963 года ФБР уже знало о запланированном покушении. Он сказал, что одному информатору ФБР удалось проникнуть в кружок заговорщиков и этот человек 17 ноября участвовал в совещании, которое состоялось в квартире Фэрри. В тот же день все филиалы ФБР были информированы об этом телеграммой «ТВХ».

В качестве доказательства Гаррисон предъявил журналистам копию этой телеграммы. Прокурор дал понять, что Гувер тоже знал о предстоящем покушении, но не предпринял ровно ничего, чтобы предупредить или уберечь президента. «Само собой разумеет-

ся, этот сигнал пошел «наверх», то есть к Гуверу, — сказал Гаррисон и затем добавил: — Что именно было спущено «сверху» президенту Кеннеди, известно всем».

Это поведение Гувера невозможно было оправдать даже ссылкой на то, что за два предшествующих года в одном только Техасе президенту Кеннеди 36 раз адресовались угрозы убить его. Ведь совещание у Фэрри в ноябре 1963 года было не простой угрозой, — это был конкретный и тщательно подготовленный план покушения.

Благодаря Гаррисону всплыли на свет и другие факты. Сразу же после убийства арестовали 10 подозрительных лиц в Далласе, еще троих — в Новом Орлеане и одного — в Форт-Уэрте. Часть этих лиц принадлежала к группе заговорщиков, но спустя некоторое время (после того, как была подготовлена версия об Освальде-одиночке) их выпустили на свободу. Ни местная полиция, ни ФБР показания их в протокол не включили. Подозреваемые, заявил Гаррисон, допрашивались столь небрежно, «как будто им вменялось в вину загрязнение тротуара».

Поскольку в одно и то же время в трех разных городах полиция и ФБР действовали в данном случае одинаково, совершенно ясно, что все полицейские органы получили указание заниматься только Освальдом. Во время допроса Освальда ни одно его высказывание тоже письменно не фиксировалось. Поэтому после 24 ноября 1963 года ни в полиции Далласа, ни в ФБР никаких протоколов допросов не оказалось.

Единственное средство оградить себя от покушений Гаррисон видел в обращении к общественности. О результатах своих расследований он неоднократно общал в печати, по радио и телевидению, чтобы не оставаться единственным хранителем тайны, с устранением которого канули бы в воду все концы. Благодаря этому были даны ответы на многие вопросы, например какую роль играл Ли Харви Освальд.

В лагере на лагуне

Освальд — он родился в 1939 году — сначала жил в Нью-Йорке, потом в Новом Орлеане, а семнадцати лет поступил на службу в морскую пехоту, стал одним из тех, кого в США называют «кожаными затыл-

ками». Во время пребывания в этих войсках он был завербован ЦРУ в качестве агента. На военно-морской базе Этсьюджи его готовили для выполнения специальных заданий. Поэтому он изучал русский язык и должен был усвоить некоторые основные понятия марксизма.

С 1959 года Освальд использовался как агент ЦРУ в Советском Союзе: ему было поручено шпионить и, если удастся, распространять дезинформирующие материалы. Единственный «успех», которого Освальд добился в СССР, был чисто личного свойства: он женился на хорошенькой Марине. Советские органы государственной безопасности не дали ему сделать ни единого шага на пути выполнения его заданий, а потому он решил, что лучше устранился от этого, и в 1962 году вернулся с женой в США.

В США Освальд вел двойную жизнь и в качестве агента ЦРУ использовался как инструктор в лагере, находившемся в лагуне Понтчартрейн около Нового Орлеана. Здесь контрреволюционные кубинские эмигранты готовили покушение на Фиделя Кастро. В этом лагере Освальд познакомился с агентами ЦРУ Руби и Фэрри.

Работая на секретную службу США, Освальд выдавал себя за «коммуниста» и даже подвизался в качестве руководителя фиктивного комитета «За справедливое отношение к Кубе», распространял листовки, пытаясь таким образом проникнуть в те круги, которые симпатизировали социалистической Кубе. Само собой разумеется, что и тут Освальд выполнял свои шпионские задания. Но он неоднократно, работая в качестве «подсадной утки», допускал грубые ошибки, которые чуть было не провалили его. Так, в листовках комитета по оплошности Освальда был назван адрес контрреволюционного центра. Тем самым Освальд вновь подтвердил, что обладает крайне ограниченными умственными способностями. К этому добавлялись его предыдущие провалы как агента ЦРУ.

Поэтому неудивительно, что без Освальда можно было обойтись. И когда заговорщикам потребовалась жертва для «большого дела», Освальд оказался подходящим человеком. Ничего не подозревавшего бывшего морского пехотинца стали планомерно готовить на роль козла отпущения.

План убийства президента, как считал Гаррисон, возник летом 1963 года.

Клей Шоу, он же Клем Берtrand, принял на себя руководство убийцами из числа контрреволюционных кубинских эмигрантов, следил за стрелковой подготовкой снайперов и вместе со своей командой разрабатывал в квартире Фэрри покушение на президента. По всей вероятности, в этом принимал участие и Освальд, но что конкретно делал он на этой стадии — Гаррисону установить не удалось.

Вскоре было принято решение о месте покушения. 4 октября стало впервые известно, что президент Кеннеди планирует поездку в Техас, во время которой посетит и Даллас.

В эти первые дни октября Освальд был без работы, но с некоторых пор стал объектом назойливой заботы со стороны одной пожилой и на первый взгляд совершенно бескорыстной дамы — миссис Рут Пейн. Освальд не знал, что эта набожная квакерша имела тесные связи с ЦРУ и ФБР.

В середине октября 1963 года миссис Пейн подыскала предназначенному на роль козла отпущения Освальду «джоб», т. е. работу, в «Тексас скул бук дипозитори» и сунула ему в руки план города, на котором красным карандашом были отчеркнуты здание склада учебников и часть пути к будущему месту работы. По этим отмеченным красным карандашом улицам и проехал 22 ноября 1963 года президентский кортеж, а карта эта, найденная затем в квартире Освальда, стала «доказательством» его единоличной вины.

Но и это еще не все. В то время, как Ли Харви таскал книги на своем складе, в Далласе и его окрестностях находился человек, удивительно похожий на него внешне; их можно было легко спутать. Он побывал в одной оружейной лавке, желая купить запасную часть для своей винтовки, и вызвал на стрельбище всеобщее восхищение своей меткостью. А чтобы его лучше запомнили, он специально попадал в центр мишеней других стрелков и всем и всюду представлялся: «Освальд, меня зовут Освальд». Когда этому двойнику в одном автосалоне Далласа отказали в кредите, он, сделав вид, будто его терпение лопнуло, заявил: «Ну что ж, придется мне вернуться в Россию, чтобы купить себе машину».

В этой игре с двойником заговорщики явно старались заблаговременно продемонстрировать снайперское мастерство мнимого убийцы Кеннеди, ибо на официальные свидетельства полагаться не могли, поскольку настоящий Освальд во время своего обучения в корпусе морской пехоты всегда имел за стрельбу посредственные оценки.

Факт с двойником упомянут и в «Докладе Уоррена». Там названо и его имя — Ларри Крейфард.

Этот человек, двадцати двух лет от роду, бродяжничал по улицам многих городов США и в середине октября 1963 года был привлечен Руби в качестве вспомогательного лица. Но комиссия Уоррена отнюдь не сочла уликой заговора странное и провокационное поведение двойника Освальда. Напротив, личность Крейфарда должна была считаться доказательством того, что Руби и Освальд якобы не были знакомы друг с другом. Мол, владельца ночного клуба никто и никогда с Освальдом вместе не видел: Руби постоянно имел дело с Крейфардом. Что Руби держал Освальда подальше от своего бара, ясно и так, ибо он не хотел допустить его неожиданной встречи с двойником.

Дж. Руби и «козел отпущения», после того как они познакомились в лагере на лагуне, неоднократно встречались на квартире Ферри в Новом Орлеане.

Под перекрестным огнем убийц

Согласно «докладу Уоррена», Освальд должен был успеть всего за шесть секунд сделать три смертельных выстрела, когда машина президента удалялась от здания склада школьных учебников. По этой версии, все выстрелы были произведены сзади. Хирурги же, которые тщетно боролись за жизнь Кеннеди, сразу после покушения заявили журналистам, что одна пуля пробила горло спереди. Но после нескольких допросов у агентов ФБР все они стали показывать другое.

Основой соответствующего утверждения «Доклада Уоррена» явилась в конечном счете «реконструкция» убийства, произведенная экспертом ведомства Гувера. При следственно-экспериментальном воспроизведении обстоятельств убийства 24 мая 1964 года большинство деталей было изменено, а место настоящих доказательств заняли их эрзацы. Пиджаком, который был на

Кеннеди в момент убийства, следствие уже не располагало. Его «линкольн» именно в этот день отправили на металлолом, и его заменили для следственного эксперимента другой машиной.

Дабы сохранить версию, что все выстрелы были сделаны сзади, экспертиза ФБР представила такую траекторию первой пули, которая даже совсем несведущего человека поражала своей зигзагообразностью. Пуля, выпущенная будто бы сзади, вонзилась в шею президента, прошла немного вверх и снова вышла наружу через гортань, чтобы затем ударить в спину губернатора Коннэли. Пробив ему легкое, раздробив ребро, она потом, скользя по суставу руки, избрала путь вниз, чтобы под конец застрять в левом бедре губернатора! Но еще удивительнее было то, что эта пуля — «вещественное доказательство» № 399 — при всем том совершенно не деформировалась.

Гораздо убедительнее версия, разработанная Гаррисоном. Непосредственно в самом покушении участвовали семь человек. Три снайпера стреляли координированно и с разных позиций: со стоянки полицейских автомашин на площади Дили, с насыпи железнодорожного полотна, а также из здания склада учебников. Освальд к этой группе не принадлежал: он, как считал Гаррисон, не сделал 22 ноября 1963 года ни единого выстрела. Каждый из трех стрелков-убийц имел своего помощника, который немедленно подбирал стреляные гильзы. Седьмой же человек — тот самый, в зеленом комбинезоне, — за несколько секунд до выстрелов симулировал на месте преступления эпилептический припадок, чтобы отвлечь внимание, а затем исчез в возбужденной толпе.

Орудия убийства могли быть беспрепятственно спрятаны в одной из машин на полицейской автостоянке. Убитый в 1966 году железнодорожный диспетчер Ли Э. Бауэрс наверняка увидел бы со своего рабочего места двух стрелявших, если бы не побежал немедленно после выстрелов в президента сообщить в полицию.

Среди десяти упомянутых выше арестованных в Далласе находились и двое из «команды семерых» — команды убийц. Полицейское управление через несколько часов выпустило их и они быстро убрались из города, но прокурору Гаррисону все-таки удалось установить их имена.

Все эти факты (а также и кое-что другое) были известны к тому времени, когда 21 января 1969 года в Новом Орлеане должен был начаться главный процесс против Клея Л. Шоу. Все еще веривший в торжество справедливости, Гаррисон считал, что день 21 января окажется удачным, ибо в Вашингтоне вступил в свою должность новый президент США Ричард Никсон. Но уже вскоре окружному прокурору пришлось убедиться в тщетности своих надежд. Свыше трех недель тянулся один лишь выбор двенадцати присяжных. И именно в этот период ожидания ЦРУ вновь показало себя.

Джим Гаррисон сидел в кабинете, продумывая еще раз детали своей работы на предстоящем процессе. На столе перед ним лежала гора папок. Разыскивая нужный документ, он вдруг взволновался, вскочил, бросился к сейфу и вскоре все понял. Ему был нанесен решающий удар: пропали важнейшие вещественные доказательства, протоколы, фотографии и обобщающие материалы.

Гаррисон немедленно созвал своих ближайших сотрудников. Отсутствовал только Том Бетел. Нельзя было терять ни минуты. До полудня, хорошо помнил прокурор, он еще держал эти документы в руках, работал над ними.

Уже вскоре Джим Гаррисон с тремя надежными полицейскими стоял перед квартирой Бетела, но дверь им никто не открыл. «Копы», не теряя времени, быстро вскрыли квартиру. Все шкафы были открыты настежь, в комнатах царил беспорядок, говоривший о поспешном бегстве хозяина. Несмотря на центральное отопление, в гостиной имелся камин, в котором они обнаружили груды пепла и полусгоревшие куски бумаги. Гаррисон и трое его сотрудников проехали до ближайшей бензозаправочной станции, где узнали, что Бетел направлял здесь свою машину, а затем отправился в направлении Бейтон Роуджа.

Окружной прокурор распорядился начать розыск Тома Бетела. Следующей ночью он лично участвовал в операции, «прочесал» Бейтон Роудж и другие места, но все было бесполезно: Том Бетел исчез.

Позиция Гаррисона в результате похищения документов была сильно поколеблена, но он все-таки не сдался и предъявил обвинение, поскольку у него сохранился ряд важных документов об убийстве Кеннеди. Было известно и ранее, что моряк Запрудер, стоявший на тротуаре во время проезда президента, своей 8-миллиметровой кинокамерой зафиксировал роковые секунды. В частности, кадры киноплёнки отчетливо показывали, как Кеннеди первой пулей перекрестного огня был ранен в горло и отброшен назад. Иллюстрированный журнал «Лайф» купил оригинал фильма за 25 тысяч долларов, ФБР имело только копию.

Фильм Запрудера, разумеется, не укладывался в концепцию комиссии Уоррена, и кто-то решил пуститься на простейший трюк: важнейшие кадры поменяли местами и смонтировали в обратной последовательности. Эта фальсификация сделала все «задом наперед», и у зрителя создавалось впечатление, будто президент был ранен сзади. Таким образом, все стало на «свои места». Лучшего свидетеля этой фальсификации не найти — им оказался сам Дж. Эдгар Гувер. Шеф ФБР не постеснялся сообщить об этом в письме Эрлу Уоррену от 14 декабря 1964 года. Что именно толкнуло его на это, осталось неизвестным.

В феврале 1969 года Гаррисону удалось показать в зале суда фильм Запрудера с подлинной последовательностью кадров. Это произвело достаточно сильное впечатление. Чтобы сделать свои доказательства еще более убедительными, окружной прокурор добился перед тем важного решения: Национальный архив в Вашингтоне получил распоряжение передать в Новый Орлеан материалы о вскрытии тела Кеннеди. Но в самый последний момент этому помешало правительство США. Так Гаррисона лишили возможности подтвердить свои положения материалами вскрытия.

И свидетели, которые прежде, на закрытых допросах во время предварительного следствия, говорили правду, при публичном слушании дела вдруг изменили свои показания. Правые газеты изо дня в день печатали «предостережения» по адресу присяжных, и это определило исход процесса. Присяжные совещались всего 50 минут и вынесли Клею Шоу оправдательный вердикт, сняв с него обвинение в участии в заговоре с целью убийства президента.

Тем временем ЦРУ предприняло новую атаку на Гаррисона. В прессе появились сообщения, будто окружная прокуратура пыталась подкупить «видных официальных лиц». В начале июля 1971 года Джим Гаррисон был отстранен от исполнения своих обязанностей «до выяснения дела», а вскоре арестован полицией штата и посажен в тюрьму Нового Орлеана. Но Гаррисон никого не подкупал и сумел это доказать. Итак, он смог вновь приступить к своим обязанностям окружного прокурора и к новым расследованиям. Однако осенью 1972 года Гаррисоном вновь занялся Верховный суд США, который запретил ему впредь вести в служебном порядке дело об убийстве Кеннеди.

«Я буду и дальше расследовать дело на частной основе», — заявил этот мужественный человек в начале 1973 года и снова принялся за работу.

Тогда пустили в ход Клея Шоу. Он возбудил против Гаррисона обвинение в том, что окружной прокурор якобы брал взятки и поэтому не трогал игорные дома. Кабинет окружного прокурора, как утверждал Клей, был постоянным местом таких сделок между Гаррисоном и его друзьями.

Когда вслед за тем в служебных помещениях прокуратуры произвели обыск, в столе Гаррисона была найдена толстая пачка долларов. В августе 1973 года обвиняемому пришлось предстать перед судом присяжных. Защита взяла под перекрестный огонь вопросов полицейского шпика, которого обвинение выдвинуло в качестве главного свидетеля и «информатора», и нагромождение лжи, созданное усилиями Клея Шоу, быстро рухнуло. Умелые вопросы защиты загнали шпика в тупик. В конце концов он признался, что его показания — результат частично подкупа, частично угроз. Однако назвать тех, кто заставил его играть эту роль, категорически отказался. Выяснилась и «тайна» денег: пачку долларов незадолго до обыска подложил один платный провокатор. Ввиду этого обвинение было отвергнуто; попытка избавиться от Гаррисона сорвалась. «ЦРУ обладает сегодня в нашей стране гораздо большей властью, чем гестапо при Гитлере», — заявил Гаррисон еще в 1967 году, выступая по телевидению в своем родном городе. Горькую истину этих слов ему пришлось познать на самом себе.

За время своей 10-месячной деятельности комиссия Уоррена задавала тысячи вопросов, кроме одного, самого естественного: кому было на пользу убийство президента? Во всех криминалистических учебных заведениях мира учат, что при расследовании любого убийства прежде всего необходимо определить мотивы преступления. Даже читатели детективов знают, что вопрос, кому выгодно данное преступление, как правило, наводит на горячие следы преступников. Но именно этого элементарного вопроса и не задавала комиссия Уоррена.

У Клея Шоу, как и у Освальда, разумеется, не было никаких личных причин убивать президента Кеннеди. Отставной майор ЦРУ был лишь выдвинутой на первый план фигурой, а нити преступления сходились в руках у тех, кто стоял за его спиной.

Каков же был мотив убийства президента и кому на пользу было это преступление?

Джон Ф. Кеннеди происходил из семьи, которая принадлежит к двенадцати богатейшим домам Бостона. Этот «клан из Массачусетса» со временем стал все более попадать в зависимость от самой могущественной группы монополий — Уолл-стрита, определяющее влияние в которой имеют такие семьи, как Морганы, Рокфеллеры и Дюпоны.

Между Уолл-стритом и почти независимой от него группировкой нефтяных монополий Техаса уже издавна шла острая конкурентная борьба. Сила техасской группировки зиждилась прежде всего на нефти, но также — особенно в последние два десятилетия — и на военной промышленности. К числу наиболее влиятельных представителей данной группировки относился недавно умерший миллиардер Гарольд Л. Хант, которого нередко считали самым богатым человеком в мире. Его вилла в Далласе была как бы центром господства нефтяных королей.

Почти все американские президенты пользовались доверием Уолл-стрита и были его избранниками, в том числе и Кеннеди. Крайне правая техасская группа чувствовала себя обойденной с точки зрения участия в государственных делах и боролась за большее влияние на внутреннюю и внешнюю политику США.

Свой первый видимый успех Гарольд Л. Хант смог отметить в 50-х годах, когда ему удалось продвинуть в Вашингтон на влиятельный пост доверенного человека. Это был не кто иной, как печально известный сенатор Джозеф Маккарти, который получал из Далласа указания, кого именно он должен вызвать в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

Джон Ф. Кеннеди трезво оценивал некоторые стороны общественного строя своей страны и видел собственную миссию в спасении капитализма. С целью несколько ослабить остроту социальных проблем в США он начал проводить в стране некоторые меры. В частности, налоговая реформа предусматривала ликвидацию определенных привилегий заправил нефтяной промышленности. Ведь начиная с 20-х годов эти компании пользовались преимуществом: налогом облагалось всего 72,5 процента их валового дохода. Эта особая статья налогового закона обеспечивала техасским нефтяным боссам баснословно высокий рост богатства. Как-никак, а к моменту вступления Кеннеди на пост президента этот «бонус» равнялся 3,6 миллиарда долларов в год.

Поэтому в запланированной налоговой реформе нефтяной король Хант увидел покушение на основы своего нефтяного царства, да еще предпринятое представителем соперничающей монополистической группировки. 8 ноября 1963 года президенты трех крупнейших нефтяных концернов имели с Кеннеди беседу с целью не допустить внесения законопроекта в конгресс. На другой день техасские газеты охарактеризовали результаты этой получасовой аудиенции как «разочаровывающие».

После фиаско авантюры кубинских контрреволюционеров в апреле 1961 года в заливе Кочинос и карибского кризиса осенью 1962 года во внешней политике Кеннеди стали проявляться более реалистические черты. Так, например, в августе 1963 года в Москве с участием США состоялось подписание договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах. Кроме того, в речах американского президента зазвучали призывы к решению проблемы разоружения, а это грозило военным концернам сокращением прибылей, что, в свою очередь, должно было значи-

тельно затронуть техасскую монополистическую группу, ибо в списке заказов Пентагона данный штат стоял тогда на третьем месте.

Именно в Техасе более явно, чем в каком-либо ином месте (за исключением Калифорнии), ход событий определялся военно-промышленным комплексом. Это понятие — военно-промышленный комплекс — впервые сформулировал Эйзенхауэр в своей прощальной речи 17 января 1961 года. «Мы должны остерегаться приобретения этим комплексом неправомерного влияния, — сказал Эйзенхауэр. — Опасность катастрофического возрастания власти там, где ей не положено быть, существует и будет продолжать существовать». При этом Эйзенхауэр, разумеется, умолчал о собственной ответственности за рост этой власти. Тем не менее его предсказание в точности относилось к Техасу, где переплетение трех столпов власти — военщины, капитала и ЦРУ — было особенно тесным.

Итак, Кеннеди, пытаясь осуществить намеченные им меры, натолкнулся как в области внутренней, так и внешней политики на те границы, которые были поставлены ему военно-промышленным комплексом. Глава техасской монополистической группы Гарольд Л. Хант действовал за кулисами.

Так, осенью 1961 года журналист Альфред Барке гостил на вилле нефтяного короля. «Другого пути нет, — разглагольствовал миллиардер. — Чтобы избавиться от изменников, окопавшихся в нашем правительстве, их всех надо перестрелять».

С более или менее открытыми призывами к убийству президента в дальнейшем выступала радиостанция «Лайф лайн», находившаяся в частном владении Ханта; ее передачи транслировались на всю страну.

Конечно, призывы еще не действия. Но важным звеном доказательства существования заговора служила многолетняя «деловая» связь между Гарольдом Л. Хантом и Джеком Руби, который не раз вербовал по заданию и на деньги миллиардера диверсантов для заброски на Кубу. Вполне вероятно, что Хант финансировал обучение убийц в лагере ЦРУ Понтчартрейн и после того, как Кеннеди запретил подобные вещи. Руби выполнял при этом роль связного между нефтяным королем и бандой Клея Шоу.

После 22 ноября 1963 года свидетели говорили о двух встречах сына Ханта, Леймара, с Джеком Руби. В первой встрече 14 ноября (она проходила в задней комнате ночного клуба «Карусель») участвовал и Дж. Д. Типпит. Вероятно, в этом причина того, что Типпит вскоре после покушения на президента был убит. Предположительно, некоторые «стриптиз-гёрлс» из заведения Руби тоже знали о существовавших контактах своего босса с Хантом и его сыновьями, за что тоже поплатились жизнью. На вторую встречу Руби, накануне убийства, явился в контору Леймара Ханта.

Но еще более показательным, чем эти встречи, о которых известно только, что они имели место, явилось одно событие, происшедшее вечером 22 ноября. Агенты ФБР, посетившие в тот вечер виллу нефтяного короля, порекомендовали старому Ханту на некоторое время уехать из Далласа: оставаться в городе ему опасно, его легко могут заподозрить в причастности к убийству, поскольку многие вспомнят о передачах «Лайф лайн».

Гарольд Хант согласился с ними, и следующей ночью джи-мены отвезли нефтяного короля в Балтимор, где он провел несколько недель. Агенты ФБР позаботились, чтобы его покой там ничем не нарушался. Когда позже Гаррисон начал свое расследование, подступиться к всемогущему миллиардеру он не отважился.

Но Хант мог уже ликовать. Не прошло и двух недель со дня убийства Джона Ф. Кеннеди, как новый президент Линдон Б. Джонсон заявил, что прежние налоговые привилегии нефтяных концернов остаются неприкосновенными. Упорное противодействие раскрытию действительных обстоятельств далласского убийства не оставляет никаких сомнений в том, что «преступление века» оказалось нераскрытым только потому, что этого не желали влиятельные силы.

Убийство Мартина Лютера Кинга

Самая современная техника на службе ФБР

«Энциклопедия американа» — крупнейшее и значительнейшее энциклопедическое издание в США. Том 11-й издания 1971 года содержит статью «Федеральное бюро расследований». В ней, в частности, говорится о весьма большой роли специальных отделов ФБР, оснащенных самым современным научным аппаратом и техникой, в том числе и электронной.

Созданный в 1924 году отдел идентификации имеет в своем распоряжении самую большую в мире коллекцию отпечатков пальцев. День за днем отдел собирал все новые и новые отпечатки, и в 1969 году их общее число составляло уже 191 миллион. Отпечатки взяты у различных групп лиц. Данные от апреля 1969 года дают представление об их составе: 59 725 869 карт — правительственные служащие и военнослужащие, 57 226 802 — преступники и подозреваемые, 54 799 222 — претенденты на всевозможные должности в самых различных отраслях, включая военную промышленность, 14 090 672 — иностранцы и военнопленные и, наконец, 5 745 524 — для персональной идентификации.

«Скрывающиеся лица могут перемещаться из штата в штат, — сообщает энциклопедия, — но национальный радиус действия этого отдела позволяет идентифицировать схваченного преступника даже самому мелкому полицейскому участку». Тем более это возможно, как показывает бесчисленное множество примеров, если преступник оставил на месте преступления свою «визитную карточку» — отпечатки пальцев.

Разумеется, сравнение отпечатков производится не вручную, а компьютерами. В январе 1967 года отдел

идентификации отпечатков пальцев был дополнен центром информации о совершенных преступлениях. «Эта охватываемая компьютерами информационная картотека,— говорится далее,— размещается в вашингтонской штаб-квартире ФБР, дабы сделать столичную и общегосударственную систему надзора комплексной. Центр накапливает данные об украденных автомашинах, похищенном имуществе и обо всех разыскиваемых лицах... Эта актуальная информация центра может быть непосредственно использована любым полицейским офицером при помощи радиосвязи и электронного опроса».

Как же странно выглядит при такой огромной технической оснащенности ставшее известным всему миру дело об убийстве Мартина Лютера Кинга!

Наемный убийца

Когда в январе 1967 года в новый компьютер ФБР были заложены первые данные, в них содержался и код некоего Джеймса Эрла Рея. В различных картотеках ФБР он числился еще с 1946 года, сначала — в течение двух лет — как «джи-ай», а с 1948 года, после увольнения из армии ввиду «непригодности к военной службе», — в рубрике профессиональных преступников. Теперь, в начале 1967 года, Рею предстояло отбывать новое тюремное заключение — 20 лет за вооруженное ограбление.

Находясь в тюрьме штата Миссури, в Джефферсон-Сити, он в первые апрельские дни 1967 года узнал от одного товарища по заключению о сказочном «джобе», который предлагают в Новом Орлеане. Можно заработать несколько десятков тысяч долларов всего-навсего за один выстрел!

Эрл Рей, ясное дело, не хотел ближайшие 20 лет смотреть на солнышко через решетку, и весть из Луизианы подтолкнула его к дерзкому решению. Во дворе тюрьмы стоял грузовик, курсировавший между тюремной кондитерской фабрикой и цехом, находившимся вне тюрьмы. Рей воспользовался представившимся случаем: выбрал подходящий момент, вскочил в грузовик и прижался к днищу кузова между ящиками. Через несколько минут машина выехала за ворота

тюрьмы, а вскоре беглецу удалось незаметно покинуть грузовик.

Это произошло 23 апреля 1967 года. По непонятным причинам крупного розыска объявлено не было, и Рей смог передвигаться без помех. Его путь, естественно, лежал прежде всего в Новый Орлеан, где он остановился в роскошном мотеле «Провиншл мотор». Служащие мотеля еще и много месяцев спустя вспоминали о щедром госте, который, по их мнению, располагал большими наличными деньгами, а кроме того, встречался с одним видным промышленным боссом города (во всех имеющихся материалах по этому делу имя его не называется).

Тысячу долларов новоявленный богач Рей потратил на покупку последней модели белого элегантного «форда-мустанга». Несколько месяцев разъезжал он на нем по Мексике, развлекаясь в ночных клубах и нежась в постелях роскошных отелей. Незадолго до рождества Рей снова появился в Новом Орлеане, затем время от времени наезжал в Голливуд, преодолевая расстояние в 1900 миль между обоими городами. Он часто выступал под именем Эрика Колта, героя бесчисленных весьма популярных в то время в США детективных романов, схожего по типу с Джеймсом Бондом.

6 марта 1968 года Рей, он же Эрик Колт, явился в полицейское управление города Монтгомери (штат Алабама), чтобы продлить свое удостоверение на право вождения автомобиля. «Копы» проверили его отпечатки пальцев. В списках разыскиваемых лиц оказались фотографии и описание сбежавшего преступника. В течение нескольких секунд мог быть получен ответ на запрос, посланный в компьютерный центр в Вашингтоне, но для этого не сделали ровным счетом ничего. Рей получил новые водительские права, поблагодарил и уехал.

Через несколько дней он оставил свою «визитную карточку» в соседнем штате Джорджия, где за 1200 долларов (человек, уплативший их, остался анонимом) избил студента Элиота Дрокса до такой степени, что его пришлось отправить в больницу. Имя Дрокса незадолго до того стало довольно известным, так как он резко выступал против местной расистской организации. После кровавого избиения студента полиция за-

фиксировала несколько отпечатков пальцев преступника, но опять на этом все прекратилось.

Позже выдвигались различные предположения, приводившие к выводу: о том, чтобы Рей в течение нескольких месяцев находился на свободе, позаботились весьма влиятельные круги. При таких одинаково точно и весьма бюрократически строго составленных для всех полицейских органов США служебных инструкциях полное отсутствие интереса полиции к Рею объяснить цепью случайностей было никак нельзя.

4 апреля 1968 года около четырех часов дня к владельце маленького отеля на Саут-Мэйн-стрит в Мемфисе (штат Теннесси) явился солидный мужчина в темном костюме, назвавший себя мистером Джоном Уиллардом. Он проделал дальний путь, сказал Уиллард, и ему нужен на день спокойный номер с окнами на юг, на солнечную сторону.

Джон Уиллард, он же Рей, получил то, что хотел, и уплатил вперед. Он сам отнес свой багаж в номер, а белый «мустанг» поставил на стоянку у ворот отеля.

Из его окон Рею были видны запущенный двор, поросший кустарником, узкая Мэлберри-стрит, примыкающая к ней стоянка. Но взгляд его остановился на фасаде с длинным балконом мотеля «Лоррейн». При помощи подзорной трубы он отыскал на втором этаже номер 306. Там находился тот, кто был нужен Джеймсу Рею.

Время у Рея еще было, и он отправился в общую ванную комнату отеля освежиться. Неожиданно обнаружив, что номер 306 отсюда виден гораздо лучше, чем из окна его собственного номера, он решил переменить место действия. Рей извлек из своего багажа винтовку системы «ремингтон» и оптический прицел, незаметно для других гостей отеля перенес их в ванную комнату и заперся там. С этого момента он непрерывно наблюдал за находившимся на расстоянии 70 метров балконом мотеля и ожидал свою жертву, укрепив оптический прицел на винтовке. Все было готово для смертельного выстрела.

В 18 часов дверь в номер 306 мотеля отворилась и на балкон вышел среднего роста чернокожий мужчина лет сорока. Сделав два шага, он подошел к зеленым перилам балкона и нагнулся, чтобы посмотреть вниз.

Часы отеля показывали 18 часов 1 минуту, когда профессиональный преступник Джеймс Рей стал убийцей. Прогремел выстрел, и пуля с удивительной меткостью попала в горло человека, стоявшего на балконе мотеля, раздробив шейные позвонки. Вскинув руки, он навзничь рухнул на цементный пол.

Рука наемного убийцы сразила человека, всю свою жизнь проповедовавшего ненасильственные действия, — лауреата Нобелевской премии мира доктора Мартина Лютера Кинга.

Все началось в Монтгомери

Негритянский пастор был известен как неоспоримый лидер огромного большинства — 25 миллионов американцев африканского происхождения и имел столь же большое влияние еще на 10 миллионов пуэрториканцев и мексиканцев. Со дня юридической отмены рабства в США прошло уже сто лет, но, как и прежде, цветные граждане страны подвергались дискриминации во всех областях жизни: в школьном и профессиональном обучении, в трудовой сфере, во всех жизненных ситуациях и в своей политической деятельности.

Составляя 11 процентов всего рабочего класса США, афроамериканцы насчитывали лишь 6 процентов квалифицированных рабочих и 3 процента руководящего персонала. Средний заработок их составлял всего 58 процентов от того, что зарабатывал белый. Во многих местах административно урезывались их избирательные права. Число безработных среди «цветных» почти вдвое выше, чем среди белых. К этому следует добавить дискриминационные формы расового террора, начиная с отдельных школ, ресторанов или общественных туалетов для белых и «цветных» и кончая несправедливым отношением к «цветным» со стороны судов.

Для того чтобы добиться осуществления гражданских прав «цветного» населения, Мартин Лютер Кинг проповедовал ненасильственный путь — такова была его вера, но вместе с тем этот путь диктовался и тактическими соображениями. Насильственные действия «цветных» были бы весьма на руку фанатическим приверженцам расовой сегрегации в южных штатах, призывавшим к физическому уничтожению «цветных».

Для них насильственные акции «цветного» населения служили бы желанным предлогом для репрессий. Но при отказе от насилия, при ограничении протеста такими акциями, как массовые походы, бойкот или сидячая забастовка, угнетатели, как заявил Мартин Лютер Кинг незадолго до своей гибели журналу «Лук», не решились бы «убивать среди бела дня безоружных мужчин, женщин и детей».

Своего первого успеха Мартин Лютер Кинг добился в 1956 году в Монтгомери — столице Алабамы. Предписания для негров в общественном транспорте носили там столь же дискриминационный характер, как и во многих других городах. Негры могли занимать только задние места, но и их тоже обязаны были по первому требованию уступать белым. Бывало и так, что из-за этого «цветных», уже уплативших за проезд, высаживали из автобуса, а кто сопротивлялся, того арестовывали. Летом 1955 года один водитель автобуса, не долго думая, убил высаженного из машины негра, который осмелился попросить назад деньги за проезд.

1 декабря 1955 года негритянка Роза Паркс возвращалась домой после тяжелого рабочего дня в большом универмаге, расположенном в центре Монтгомери. Когда она, усталая, измученная, села на заднее место в автобусе, водитель потребовал, чтобы она уступила место молодому белому парню. Миссис Паркс отказалась и этим привела лавину в движение. Негритянку отправили в тюрьму. Весть эта немедленно породила у «цветного» населения идею бойкота городских автобусов — чаша терпения негров переполнилась.

Мартин Лютер Кинг, уже несколько месяцев являвшийся пастором в Монтгомери, предложил свою церковь для встречи организаторов бойкота и обсуждения необходимых мер. Комитет по проведению бойкота избрал его своим председателем. Решающим для такого выбора был тот факт, что Кинг, как новый в городе человек, не имел еще никаких личных врагов. Кинга это избрание несколько поразило: сам того не желая, он вдруг оказался в центре политических событий, его имя сразу стало известно всем и каждому.

Бойкот длился 381 день. Негры устраивали многочисленные пешие переходы к своим рабочим местам; «цветные» таксисты возили участников бойкота по ав-

тобусному тарифу. В результате официальное решение Верховного суда США прекратило расовую дискриминацию в автобусах Монтгомери, но городская администрация все же пыталась рядом новых распоряжений сохранить прежнее положение.

Бойкот послужил сигналом к разворачиванию активной борьбы афроамериканцев за равноправие. Этой акцией Мартин Лютер Кинг навлек на себя непримиримую ненависть фанатиков расистов. Уже 30 января 1956 года, на второй месяц бойкота, на веранде его дома взорвалась бомба, его семья не пострадала только чудом.

Период после 1956 года характеризовался крупными, имевшими ненасильственный характер демонстрациями «цветных». Полиция, Национальная гвардия и федеральные войска ответили безудержным террором, белый расистский сброд провоцировал «цветных» взрывами бомб в школах и негритянских церквях, убийствами, а также зверствами специальных террористических групп.

Весь мир облетело в 1957 году название арканзасского городка Литл-Рок. Здесь на глазах у Национальной гвардии расисты учинили кровавую расправу над негритянскими детьми, которые захотели воспользоваться гарантированным Верховным судом США правом учиться в городской школе. В Нашвилле (штат Теннесси) белые террористы взорвали по той же причине школу. Инциденты такого рода из года в год регулярно повторялись в различных городах южных штатов.

Кульминационной точкой явился 1963 год. Тем временем на Африканском континенте добились своей независимости народы нескольких десятков освободившихся стран, что послужило для афроамериканцев значительным стимулом в их борьбе за условия жизни, достойные человека. Мартин Лютер Кинг организовал в Бирмингеме (Алабама) крупную демонстрацию, на которую полиция ответила репрессиями. Пастора бросили в тюрьму. Марши протеста были проведены и в других городах, при этом полиция убила 19 негров.

Лишь только Кинг оказался снова на свободе, как в снимаемом им номере мотеля взорвалась бомба. К счастью, в этот момент в помещении никого не было.

Как и при первом покушении, злоумышленники оказались «необнаруженными».

28 августа 1963 года состоялся грандиозный марш на Вашингтон. 250 тысяч «цветных» и белых из всех штатов собрались в столице США, чтобы потребовать равных прав для всех граждан. Мартин Лютер Кинг произнес тогда ставшую знаменитой речь. Заявления Мартина Лютера Кинга становились все острее. Он искал для борьбы за гражданские права новых, более эффективных путей и встал в ряды активных противников войны во Вьетнаме. Поползли слухи, что на предстоящих в 1968 году президентских выборах Мартин Лютер Кинг намерен выставить свою кандидатуру от недавно основанной буржуазной прогрессивной партии «За мир и свободу» и что Роберт Кеннеди в случае своего выдвижения на пост президента США собирается назвать имя Кинга в качестве вице-президента. Тем самым негритянский пастор стал казаться опасным не только расистам, но и всему «истэблишменту», опиравшемуся на хорошо функционирующий избирательный механизм и не нуждавшемуся ни в каком «аутсайдере» вроде Кинга.

4 апреля Кинг был убит. ФБР сыграло свою темную роль и в этом убийстве.

**Гувер называет
Мартина Лютера Кинга лжецом**

В 1957 году функции ФБР были расширены. Его новая задача: «Обеспечение гражданских прав». Дж. Эдгар Гувер самолично разъяснил ее содержание: «ФБР направило свои усилия на расширение работы по расследованию, дабы обеспечить каждому гражданину возможность свободного осуществления или пользования каким-либо правом или привилегией, гарантированными ему конституцией...»

Однако фактическая деятельность руководимого им учреждения была диаметрально противоположна. Речь шла отнюдь не об обеспечении гражданских прав, а, наоборот, о выслеживании, преследовании и уничтожении тех самых сил, которые выступали за соблюдение конституционных гарантий. Поэтому неудивительно, что Гувер едва ли испытывал к кому-либо большую личную ненависть, чем к Мартину Лютеру Кингу.

После 14 октября 1964 года, когда пастору была присуждена Нобелевская премия мира, официальная Америка не скупилась на почести — явно для того, чтобы привлечь его на свою сторону в качестве символической фигуры, демонстрирующей равноправие негров в США. Даже власти его родного города Атланты устроили ему «дружеский» прием.

В этой атмосфере официального лицемерия словно разорвавшаяся бомба прозвучало заявление Гувера, сделанное 18 ноября 1964 года: Мартин Лютер Кинг — «самый заведомый лгун во всей стране». Поводом для этого заявления послужила констатация негритянского лидера, что ФБР злостно пренебрегает своим долгом защиты гражданских прав.

За несколько дней до публичного оскорбления Гувером Мартина Лютера Кинга был опубликован отчет ФБР за 1964 год. Журнал «И. Ф. Стоунс уикли» в номере от 2 ноября 1964 года, тщательно проанализировав этот отчет, писал:

«Годовой отчет ФБР за 1964 год посвящает грозящей внутренней опасности целую главу, а вопросам гражданских прав — всего одну треть страницы... Отчет ни словом не упоминает о белых террористических организациях и не свидетельствует о каких-либо усилиях ФБР, направленных на подрыв их деятельности, как оно это делает в отношении коммунистических или либеральных организаций. Нет никаких упоминаний о покушениях с применением бомб, которыми были разрушены десятки церквей и жилых негритянских домов, или о какой-либо активности ФБР в рамках федеральных законов в борьбе против таких покушений».

Следует добавить, что только за первое полугодие 1964 года в штате Миссури жертвами поджогов и бомб стали 40 негритянских церквей. О таких и подобных примерах террора против движения за гражданские права сообщала «Нью-Йорк таймс» 6 октября 1964 года.

ФБР оставило поджигателей и бомбометателей безнаказанными, оно совершенно ничего не предприняло для выполнения своего долга по охране гражданских прав. Мартин Лютер Кинг указал на это, за что и был публично оскорблен Гувером. Неудивительно, что Кинг оказался и в числе тех, кто по указанию Гувера

подвергался постоянной слежке. Его досье велось ФБР под номером 100 — 46230.

Характерен следующий эпизод. В 1965 году «Международная женская лига за мир и свободу» (основанная в 1915 году буржуазно-пацифистская организация) отмечала 50-летие своего существования. По этому поводу американская секция лиги устроила торжественный банкет в Филадельфии в отеле «Бельвю Стрэдфорд». Мартин Лютер Кинг принял в нем участие и произнес краткую приветственную речь, о которой приставленный к нему шпик тут же донес в вашингтонский центр ФБР. Оттуда 70 местным отделениям был разослан циркуляр, датированный 24 сентября 1965 года. Он был озаглавлен «Коммунистическое проникновение в Международную женскую лигу за мир и свободу». Единственным основанием для содержащегося в заголовке утверждения послужило участие пастора в банкете.

Итак, ФБР не придумало ничего лучшего, как, вопреки здравому смыслу, утверждать, будто Мартин Лютер Кинг — коммунист. Тем самым оно автоматически включило Кинга в число людей, от которых, как оно заявило еще несколькими годами ранее, можно якобы ожидать «самых худших преступлений в отношении американского народа». Таким образом ФБР определило и свое поведение по отношению к Мартину Лютеру Кингу.

Многочисленные улики указывали на то, что при подготовке убийства Мартина Лютера Кинга ФБР имело свою руку «в игре». Иного объяснения поведению Джеймса Эрла Рея в период между 23 апреля 1967 года и 4 апреля 1968 года дать невозможно. А начатая после убийства Кинга «погоня за преступником» тоже представляет собой довольно темную главу в истории ФБР.

Арест произведен Скотланд-ярдом

Уже через несколько минут после убийства Кинга местная полиция располагала исходными данными для розыска: свидетели видели, как мужчина в темном костюме выбежал из здания на Саут-Мэйн-стрит, бросил прямо на улице синий чемодан и винтовку «ремингтон», затем вскочил в белый «форд-мустанг» и скрыл-

ся. И тут произошло нечто странное. Лейтенант Брэдшоу хотел преследовать белый «мустанг», но его остановил какой-то молодой человек. Он сказал полицейскому офицеру, что по радио только что сообщили об уже начавшейся погоне за этой автомашиной, а также о перестрелке, но происходит все это, мол, уже в другой части города, находящейся в противоположном направлении. Поэтому Брэдшоу от преследования отказался и даже не спросил у молодого человека документы. Действительно, вскоре после 18 часов одна частная радиостанция в Мемфисе начала передачу дезориентирующих сообщений о розыске, тем самым направив его по ложному следу.

Итак, убийца скрылся. Его имя, как официально сообщалось, вероятно, Джон Уиллард, но факт этот достоверно не установлен; убийство Мартина Лютера Кинга — дело рук умалишенного-одиночки. Таким образом, как и в других случаях, начиная с Линкольна и кончая Кеннеди, снова распространялся ничем не доказанный и весьма скорый вывод, который опровергали все обстоятельства убийства. Версия об убийце-одиночке и организованное распространение ложных данных никак не согласовывались друг с другом.

Можно было предположить, что благодаря отпечаткам пальцев на брошенных преступником предметах (чемодан и винтовка) подозреваемый злоумышленник по крайней мере сразу же будет идентифицирован ФБР. На это требовалось всего несколько минут, но ФБР сообщило результаты только через две недели: да, сведения о предполагаемом мемфисском убийце в компьютере есть. Речь идет о многократно судимом Джеймсе Эрле Рее, бежавшем из тюрьмы.

Таким образом Рею дали время покинуть страну. Он пересек Соединенные Штаты с юга на север и давно уже обосновался в Канаде, в Торонто, когда ФБР высказало предположение, что он бежал в Мексику. Основное свое внимание оно сконцентрировало на южной границе США, хотя никаких оснований именно для такого предположения не имелось.

Как принято, ФБР поставило в известность о розыске Рея и мексиканскую, и канадскую полицию. Но последняя отнеслась к делу серьезнее, чем джи-мены, и стала исходить из самого простого предположения:

Рей, если он находится в Канаде, обратится к властям за получением нового паспорта.

Канадская полиция продолжала «копать» дальше и установила, что некий самозванный Джордж Снейд 6 мая вылетел на реактивном пассажирском самолете в направлении Лондона. Зарегистрированным обратным билетом он не воспользовался.

Через «Интерпол» соответствующая информация была передана Скотланд-ярду, который в Лондоне установил, что вышеозначенный Снейд отправился дальше, в Лисабон. Скотланд-ярд внес Джорджа Снейда в списки разыскиваемых лиц.

Прошел еще месяц. Ранним вечером 9 июня 1968 года в лондонском аэропорту совершил посадку рейсовый пассажирский самолет из Лисабона. Чиновник на паспортном контроле даже вздрогнул от неожиданности: перед ним лежал канадский паспорт на имя Джорджа Снейда. Чиновник хорошо помнил, что это имя стояло в списке разыскиваемых.

— Мистер Снейд,— сказал он,— я должен попросить вас пройти еще и таможенный контроль.

— Надеюсь, это продлится недолго,— ответил мнимый канадец,— я хочу еще успеть на ближайший самолет на Брюссель.

— Мы выполняем наш долг. Прошу пройти со мной в помещение для контроля.

Там был подвергнут тщательной проверке каждый предмет из багажа этого пассажира, который проявлял все большее беспокойство.

Тем временем чиновник паспортного контроля позвонил в Скотланд-ярд, и вскоре оттуда в аэропорт прибыл знаменитый суперинтендант Томас Батлер, который в это время использовал предоставленный ему после ухода на пенсию дополнительный год службы для поимки главаря банды, ограбившей почтовый вагон в Чеддингтоне. Предчувствуя сенсационный успех, он лично отправился в аэропорт, где прежде всего приказал показать ему паспорт задержанного.

— Мистер Снейд,— сказал затем Батлер,— я арестую вас по подозрению в вашей идентичности с Джеймсом Эрлом Реем, а также по подозрению в том, что 4 апреля этого года вы совершили в американском городе Мемфисе убийство Мартина Лютера Кинга.

Вскоре было установлено, что Снейд действительно является разыскиваемым Реем. Однако всякую причастность к убийству Кинга Рей отрицал.

Через несколько дней после того, как стало известно об аресте Рея, в Лондон прибыл американский адвокат и представился полицейским властям как его защитник. Артур Дж. Хэйнс был человеком известным, много лет он являлся мэром Бирмингема в Алабаме, где в 1963 году бросил против демонстрации, возглавлявшейся Мартином Лютером Кингом, полицейских собак. По его указанию пастора тогда посадили в тюрьму. В 1965 году Хэйнс вновь прославился как «добившийся успеха» защитник по уголовным делам, когда обеспечил оправдание трем куклуксклановцам, убившим 39-летнюю Виолу Лиуццо — белую сподвижницу Мартина Лютера Кинга. Хэйнс очень гордился этим. Стали известны и другие интересные факты об Артуре Дж. Хэйнсе, например что он в течение многих лет являлся сотрудником ФБР, а также что оружие, которым был убит Кинг, куплено 4 апреля 1968 года в Бирмингеме.

Хэйнс сразу попытался сделать все возможное, чтобы не допустить выдачи Рея США. Убийца по его совету продолжал отрицать свою причастность к делу. Однако механизм расследования все же привел Рея обратно в страну, где он совершил преступление, чего так не желало ФБР.

Итак, около года Рей оставался безнаказанным, затем его имя две недели держалось в тайне, — очевидно, ровно столько, сколько ему потребовалось для того, чтобы скрыться из США. Когда же Рей случайно попал в сети международной полицейской машины, ФБР попыталось изменить курс и нажить себе на этом деле капитал. В журнале «Лайф» не без влияния ФБР был опубликован подробный репортаж, в котором, в частности, говорилось: «Погоня длилась 64 дня, и это была детективная работа высшего класса... Свыше 600 сотрудников канадской полиции, мексиканских и португальских полицейских органов, «Интерпола» и Скотланд-ярда приняли участие в этой криминалистической погоне, которая проходила на территории пяти стран».

К работе «высшего класса» принадлежал, однако, не только арест преступника, но и ход расследования

всех обстоятельств совершенного им преступления. В данном случае он вновь доказал, сколь темным было и должно было остаться это дело по замыслу его закулисных организаторов.

В начале 1969 года в Мемфисе состоялось весьма странное «слушание дела». Защита предъявила судье Беттлу письменное признание Рея в своей вине. Затем был произнесен приговор: 99 лет тюрьмы. Все «слушание дела» закончилось в течение нескольких минут.

Это «упрощенное судопроизводство» преследовало две цели: сохранить жизнь убийце и, кроме того, избежать расследования вопроса, кто же стоял за его спиной. В лаконичном обосновании приговора подчеркивалось, что Рей действовал в одиночку, никакого заговора против Мартина Лютера Кинга, а следовательно и закулисных лиц, в данном убийстве не было.

Комментарий «Нью-Йорк таймс»: «Методы этого вновь и вновь откладывавшегося и столь быстро проведенного судебного процесса могут вызвать только возмущение и подозрение. Мы требуем нового слушания дела, иначе мы так никогда и не узнаем правды».

Через три недели после «упрощенного судопроизводства» шансы вскрыть полную правду значительно упали. Судья Беттл, который мог бы при желании установить определенные взаимосвязи, вдруг скончался при таинственных обстоятельствах.

Но еще большую сенсацию произвела в начале 1974 года весть о том, что апелляционный суд удовлетворил ходатайство Рея о пересмотре его дела. В сообщении говорилось, что суд принял во внимание приведенное в обоснование ходатайства утверждение осужденного, что в 1969 году он признал себя виновным только под давлением и в результате шантажа.

В качестве защитника Рея при «упрощенном судопроизводстве» выступал Перси Формэн. Этот адвокат заставил своего подзащитного в любом случае признать себя виновным и отказаться от какой-либо попытки назвать сообщников. Только тогда, заявил он Рею, можно спасти ему жизнь.

Различные газеты в свое время заплатили за репортажи об убийстве Мартина Лютера Кинга гонорары на общую сумму 165 тысяч долларов, часть которых должна была перепасть и самому Рею. Формэн письменно сообщил своему подзащитному, что это станет

возможным при условии, если Рей не будет создавать оуду «никаких затруднений».

Для апелляционной инстанции Рей избрал себе в качестве защитника некоего Ливингстона, который предъявил суду и вымогательские письма своего предшественника. Он заявил, что Рей полон решимости разоблачить закулисных лиц заговора против Кинга и назвать как минимум две фамилии. Кроме того, его подзащитный был бы даже готов подвергнуться проверке на «детекторе лжи», чтобы тем самым доказать, что сам он Кинга не убивал, а являлся лишь подставной фигурой и козлом отпущения.

Тот факт, что Мартин Лютер Кинг стал жертвой заговора, не подвергался никакому сомнению и ранее. Однако закулисные лица организовали этот заговор довольно ловко, поскольку им удалось сделать так, что замеченным 4 апреля 1968 года в мемфисском отеле на Саун-Мэйн-стрит оказался только один Рей.

Но пересмотр дела в апелляционном суде вряд ли мог раскрыть правду о заговоре против Мартина Лютера Кинга. Слишком много таинственных обстоятельств и слишком могуществен был круг лиц, подозреваемых в заговоре и в инспирировании этого убийства.

Выстрелы в отеле «Амбасадор»

Опыт Древнего Рима

Еще во времена великого римского государственного деятеля и полководца Гая Юлия Цезаря был сформулирован важнейший криминалистический принцип, который применялся и оказывался наиболее действенным на протяжении почти двух тысячелетий. В одном из произведений Марка Туллия Цицерона впервые был задан вопрос: «*Quí bono?*» — «Кому на пользу?» Причем вопрос этот может рассматриваться и в политико-экономической взаимосвязи.

Судьи Римской империи были нацелены на выяснение данного вопроса, на расследование того, кто же извлекал пользу или выгоду из убийства. Если этот вопрос удавалось выяснить, то, как доказывал опыт Древнего Рима, а также почти двухтысячелетняя история криминалистики, след зачастую вел к убийце или к тем негодьям, которые его нанимали. Вопрос этот — один из важных среди основных заповедей и современной криминалистики.

За период менее пяти лет (22 ноября 1963 года, 4 апреля 1968 года и 5 июня 1968 года) в США были убиты три виднейших в стране человека: президент, лидер движения за гражданские права и претендент на пост президента. И в каждом из этих трех убийств, которые к тому же были связаны между собой, ФБР, полиция и юстиция старательно обходили вопрос: «*Quí bono?*» Задавались, тщательно изучались и получали ответы тысячи всевозможных вопросов, и только один этот кардинальный криминалистический вопрос так и не был поставлен ими, несмотря на потрясающее сходство событий.

Два месяца и один день спустя после убийства Мартина Лютера Кинга жертвой политического преступления стал сенатор Роберт Кеннеди.

В ночь после выборов

К обычаям американской избирательной кампании принадлежат так называемые «праймериз» — предварительные выборы, проводимые в различных штатах. Эти выборы дают возможность сделать определенные предварительные выводы насчет шансов различных кандидатов на пост президента от одной и той же партии, намеренных претендовать на утверждение своей кандидатуры ее национальным съездом.

О своих притязаниях на Белый дом, хозяином которого все еще был Линдон Джонсон, в 1968 году заявили как Роберт Кеннеди, так и Юджин Маккарти, сенатор от штата Миннесота. «Праймериз» в Калифорнии, назначенные в данном случае на 4 июня 1968 года, издавна считались решающими. Накануне Бобби, как звали Роберта Кеннеди друзья, заявил, что если он на этих предварительных выборах не победит, то снимет свою кандидатуру.

В тот вторник, в день «праймериз», на территории между рекой Сакраменто и городом Сан-Диего к избирательным урнам устремилось удивительно много людей — 81 процент всех калифорнийцев. В 23 часа стал известен результат: 46 процентов проголосовали за Р. Кеннеди, 42 процента — за Ю. Маккарти. Тем самым Роберт Кеннеди сделал большой шаг на пути в Белый дом.

Тысячи сторонников Роберта Кеннеди праздновали в Лос-Анджелесе победу своего кандидата, в вечернее небо взвились яркие ракеты, звучала музыка. Особенно радостная атмосфера царила в отеле «Амбасадор», где помещался избирательный штаб Р. Кеннеди. Когда сенатор вышел в бальный зал, ликование собравшейся публики не было границ. Да, Роберт Кеннеди, несомненно, находился на вершине своей политической карьеры. В краткой речи, неоднократно прерывавшейся аплодисментами, он поблагодарил друзей. «В Чикаго, на Национальный съезд, — воскликнул он, — мы победим там!»

Роберт Кеннеди шел к выходу, когда из толпы к нему вдруг подскочил шуплый черноволосый парень и несколько раз выстрелил в сенатора. Две пули, как было установлено позже, попали Кеннеди в голову. Два телохранителя сенатора, атлетически сложенные негры, один из которых был Рэйфер Джонсон, известный после Римской Олимпиады как победитель в десятиборье, сразу же схватили убийцу. Им стоило большого труда не допустить, чтобы кипящая негодованием толпа тут же учинила над ним расправу. Телохранителям с трудом удалось пробиться с арестованным ими убийцей к полицейской автомашине.

В полицейском участке убийца изображал из себя бывалого преступника, на вопросы не отвечал и имя свое назвать отказался. То, что не сделали двумя месяцами ранее в Мемфисе, теперь в Лос-Анджелесе сделали сразу: изображения отпечатков пальцев на оружии убийства были переданы в компьютерный центр штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне. Ответ из Вашингтона тоже пришел сразу: убийцу зовут Сирхан Бишара Сирхан Абу Кхатар; родился в 1944 году в Старом городе в Иерусалиме, в 1957 году переселился в США, последнее время проживал в Пасадене (Калифорния), Говард-стрит, 699.

Одновременно из Вашингтона поступило заявление министерства юстиции: никаких признаков заговора против Роберта Кеннеди нет, а потому убийство — дело рук невменяемого одиночки.

История с оружием

Дабы и в третий раз заставить людей поверить в такую версию, действовали по испытанному рецепту. Множеством деталей отвлекали от сути дела и одновременно, чтобы сделать неправдоподобное правдоподобным, создавали впечатление криминалистической основательности и даже педантичности.

Прежде всего речь шла об оружии: «джонсон-кадет», модель 55, калибр 5,6. Документы ФБР со всеми подробностями описывают его путь. Некий мистер Альберт Харт купил этот револьвер между 11 и 14 августа 1965 года в Лос-Анджелесе (когда было жестоко подавлено волнение в городском негритянском гетто Уоттс, при этом 34 «цветных» убиты, а 1032 ране-

ны). Харт подарил револьвер своей дочери, некой миссис Уэстлейк, проживающей в Уордэкре, а та — 18-летнему Джорджу Эрхарду в Пасадене; последний продал его коллеге по работе Эйдалу Сирхану, передавшему в конце концов в начале 1968 года оружие своему брату Сирхану Бишара Сирхану.

Приведенное выше — квинтэссенция важнейших расследований ФБР по делу об убийстве Роберта Кеннеди. Отвлечь внимание от главного — вот цель этой столь детально прослеженной истории орудия убийства, ибо при всей запутанности покупок, дарений и продаж ни один федеральный закон отнюдь нарушен не был. Но именно эта документация ФБР еще раз обнажила одну из сторон «американского образа жизни» — бизнес на оружии и преступные результаты оружейного лоббизма.

Любой человек в Соединенных Штатах Америки может легально купить огнестрельное оружие — револьверы, винтовки, автоматы, минометы и т. п. в более чем ста тысячах оружейных магазинов или получить через несколько сот посылочных фирм. Юридической основой для этого служит давно устаревшая статья конституции о «праве каждого американца носить оружие», которая относится еще к временам войны за независимость и сегодня защищает интересы лобби оружейной промышленности. О количестве находящегося по всей стране в частных руках и готового к применению оружия данные различны — от 100 до 200 миллионов единиц. Баланс этого оружейного бизнеса страшен. С начала века до убийства сенатора Кеннеди от огнестрельного оружия в США погибло около 800 тысяч человек, в том числе около 300 тысяч стали жертвами убийств. Число это превышает число — примерно 500 тысяч — американских солдат, погибших за тот же самый период на всех театрах военных действий. За четыре с половиной года, прошедшие между убийством братьев Кеннеди, конгрессу было представлено в общей сложности 105 законопроектов, направленных на ограничение абсолютной свободы обладания оружием; один из них был внесен лично Робертом Кеннеди. Но все эти законопроекты были отклонены. Могущество и влияние лобби оружейного бизнеса оказались сильнее, чем разум отдельных лиц.

«Нэшнл райфл ассошиэйшн», выдающая себя со своими 800 тысячами членов за невинный «стрелковый союз», неофициально является рупором индустрии оружия. Во главе ее стоят боссы замаскированного «Объединения производителей ручного огнестрельного оружия». Эта организация не скупилась на угрозы. Так, один из ее журналов обратился с «предостережением» к 20 конгрессменам, поддержавшим законопроект об ограничении свободы продажи оружия: «Пока не поздно, вы, предатели, поостерегитесь! А то приклад винтовки разmozжит вам череп!»

Но, конечно, и запрет на оружие не предотвратил бы гибели Роберта Кеннеди.

Тайные поездки на Ближний Восток

Кто же такой был Сирхан Бишара Сирхан? Личность этого преступника использовали для отвлекающего маневра, вновь и вновь подчеркивая, что преступление совершено именно 5 июня 1968 года. Оказывается, год назад израильские войска захватили в Иерусалиме Старый город — место рождения Сирхана; в отместку за это он, мол, и убил Роберта Кеннеди.

Когда в начале 1969 года состоялся процесс, защита построила свою тактику именно на этой версии. Три адвокатские «звезды» — Эмиль З. Берман, Грант Купер и Рассел Парсонс, как официально сообщалось, оказывали обвиняемому свою помощь бесплатно. Сирхан, как утверждал, например, Берман, был раньше большим поклонником Роберта Кеннеди, но затем однажды услышал, что сенатор хочет передать Израилю 50 сверхзвуковых «фантомов». «И тут-то, — восклицал защитник, — Сирхана и взяло за живое! Потеряв всякое представление о реальности, он с тех пор стал подобен лунатику. Из этого состояния он смог выйти только благодаря выстрелам».

Защитники стремились внушить, будто Сирхан совершил убийство в состоянии психической невинности, чтобы таким образом спасти его от электрического стула. Несмотря на многие противоречия в их версии, им это удалось.

Однако Роберт Кеннеди никакого отношения к тем 50 «фантомам» не имел; распоряжение об их предо-

ставлении Израилю дал президент Джонсон. Если уж Сирхан хотел мстить за произраильское поведение Соединенных Штатов, он мог бы найти свою жертву среди тысяч других политиков, которые обдeldывают вместе с сионистами крупные дела.

Сам факт, что три видных защитника по уголовным делам «бесплатно» взяли на себя защиту неимущего Сирхана, указывает на подлинную суть этого дела. Ведь каждый, кто знает адвокатов типа Бермана и его коллег, знает и то, что даром они и пальцем не шевельнут. Откуда шли деньги, отгадать тоже не трудно, если принять во внимание усилия, которые были предприняты для того, чтобы скрыть прошлое Сирхана.

Представитель государственного департамента Роберт Дж. Макклоски 14 июня 1968 года сделал заявление для печати. «Правительство,— заявил он в частности,— не имеет никаких оснований считать, что Сирхан после своего переезда в страну когда-либо покидал ее вновь даже на короткое время».

Сначала эти слова вызвали удивление, но вскоре все объяснилось. Оказывается, лондонская газета «Ивнинг стандарт» накануне поместила статью, в которой утверждалось, что Сирхан неоднократно совершал продолжительные поездки на Ближний Восток, причем первую из них — непосредственно вскоре после своего переселения в США, чтобы в возрасте 13 лет обвенчаться в ортодоксальной церкви Эс Зальт в иорданской провинции Бальква. Сам по себе факт этот незначителен, так как в то время Сирхан еще был ребенком, но важно то, что он замалчивался или же отрицался.

Гораздо важнее были другие поездки, продолжительностью по полгода каждая, которые он совершил в 1964 и 1966 году по четырем арабским государствам и которые тоже замалчивались.

Официально Сирхан считался бедным, не имеющим средств к существованию эмигрантом. Спрашивается: откуда же он брал деньги на эти поездки, на дорогостоящие трансатлантические полеты, на проживание в отелях? И почему всем этим поездкам предназначалось остаться в тайне? Единственное разумное объяснение: Сирхан выполнял тайную миссию в качестве агента ЦРУ, которое и финансировало его. Поскольку практика секретных служб предусматривает сохране-

ние в тайне персоналий и прошлого агентов, отрицаются даже такие события их личной жизни, как, например, свадебное путешествие.

Отсюда понятны и ангажемент трех защитников, и их высокие гонорары: необходимо было добиться, чтобы Сирхана не приговорили к смертной казни, ибо иначе это могло спровоцировать его на откровенность. Что, спрашивается, в случае грозящей смерти могло бы помешать Сирхану заговорить и назвать тех, кто поручил ему убить Роберта Кеннеди? А если жизнь его будет спасена, со временем найдутся и пути на свободу. Первая — правда, неудавшаяся — попытка освободить Сирхана не заставила себя долго ждать. При переводе его в другую тюрьму инсценировали автомобильную аварию.

Иорданское правительство выявило множество фактов относительно ближневосточных поездок Сирхана в 1964—1966 годах и пожелало предоставить эти материалы в распоряжение ФБР. Но ФБР умолчало об этом; даже во время процесса против Сирхана оно не сказало об этих поездках ни слова. Совместная «работа» ФБР, обвинения, судей и защитников шла без помех, — таким образом, секретная служба США — ЦРУ — могла выйти из игры.

Те, кто поручил Сирхану совершить убийство в Лос-Анджелесе, рассчитывали, что сразу же после выстрелов его линчует разъяренная толпа сторонников Кеннеди. Однако эти надежды не сбылись, и закулисным лицам пришлось пойти на импровизацию. В результате через министерство юстиции было сделано слишком поспешное заявление о том, что Сирхан — умалишенный-одиночка и никакого заговора нет.

Единственный факт, который случайно подходил к официальному объяснению мотива преступления, была дата 5 июня 1968 года — первая годовщина израильской агрессии. Но по-настоящему решающим для выбора этого дня фактором явилась победа Роберта Кеннеди на «праймериз» в Калифорнии, ибо с этого момента в США распространилось весьма обоснованное мнение, что сенатор станет следующим президентом страны. Те, кто убил Роберта, должны были опасаться возвращения страны к политике его брата Джона. Они считали, что, если не устранить сенатора сейчас, в Белый дом может войти другой представитель того

направления, к которому принадлежал покойный президент Кеннеди.

Роберт Кеннеди хорошо осознавал опасность, угрожавшую его жизни. «Между мной и Белым домом — огнестрельное оружие», — сказал он незадолго до 5 июня 1968 года. Но он шел на этот риск, несколько недооценивая жестокую решимость ЦРУ. Официально он неоднократно заявлял, что считает выводы комиссии Уоррена относительно убийства своего брата правильными. С подчеркнутой сдержанностью относился Роберт Кеннеди и к расследованию, предпринятому окружным прокурором Нового Орлеана Гаррисоном. Но есть сведения, что в случае своего избрания Р. Кеннеди хотел начать новое расследование убийства президента.

Вероятно, эта откровенность Роберта Кеннеди была слишком преждевременной, ибо никто не мог гарантировать, что информация о ней не достигла ушей ЦРУ, чем и был подан сигнал к новому преступлению, продолжившему длинный кровавый след Далласа. Ведь круги, которые стояли за заговором против Джона Ф. Кеннеди, не могли не быть встревожены двумя моментами в той политике, проводить которую обещал Роберт Кеннеди.

Эскалацией войны во Вьетнаме Линдон Б. Джонсон поднял и без того высокие дивиденды военных монополий до невиданного прежде уровня. Прибыли только от одного производства авиабомб к 1968 году вдвое превысили их прибыли за весь период второй мировой войны. Роберт Кеннеди публично осуждал политику Джонсона во вьетнамском вопросе, а потому в его президентство можно было ожидать сокращения потока прибылей военного бизнеса.

К тому же сенатор выступал за соблюдение гражданских прав, стремился смягчить наиболее отрицательные последствия расовой дискриминации. Но равенство «цветных» было и экономической проблемой, ибо одна только равная с белыми оплата за равный труд означала бы уменьшение доходов монополий на 15—16 миллиардов долларов в год.

Разумеется, Роберт Кеннеди столь же мало, как и его брат Джон, намеревался потрясать законы государственно-монополистической системы господства. Реформы были важны для них только как средство

уменьшения недовольства масс, чтобы обеспечить капиталистической системе лучшие шансы во всемирной классовой борьбе. Но реакционному военно-промышленному комплексу и это казалось слишком прогрессивным. ФБР же чрезвычайно охотно обеспечивало дела всемогущей секретной службы США и в своих «расследованиях» тщательно обходило классический закон криминалистики: «Quí vopo?» («Кому на пользу?»)

Взлет и падение «Черных пантер»

На шоссе, ведущем в Джэксон

«Хайвэй 51» — скоростная автомагистраль, идущая из Мемфиса. Пересекая границу города, она одновременно пересекает границу штата Теннесси. Щиты на обочине призывают: «Добро пожаловать в Миссисипи — штат магнолий!» — и указывают, что до столицы штата — города Джэксона остается 210 миль. Автострада тянется почти в прямом направлении на юг.

Утром 6 июня 1966 года около щита с приглашением побывать в Миссисипи стоял, внимательно разглядывая его, негр. Он тихонько насвистывал, видимо радуясь тому, что сможет последовать этому призыву. В руках у него была довольно большая трость, богато украшенная резьбой, — ей бы более подобало находиться в каком-нибудь этнографическом музее, чем служить в качестве посоха на этом пыльном шоссе. Негр собирался шагать в Джэксон пешком, а поскольку такой поход бывает не каждый день, вокруг него собралось несколько любопытных и репортеров.

Солнце уже поднялось высоко, лучи его палили нещадно, и небольшая группа людей укрылась в спасительной тени высокого кустарника на обочине автострады.

Вдруг из-за кустов выскочил какой-то мужчина и крикнул:

— Джеймс! Джеймс! Мне нужен Джеймс!

Негр со странной тростью насторожился.

— Да, я Джеймс, — запинаясь, ответил он. — Что случилось?

— Вот что случилось! — выкрикнул мужчина в ответ, сорвал с плеча ружье и трижды нажал спуск. Тот, кого он только что окликнул, с воплем рухнул наземь.

Остальные из собравшейся группы действовали по-разному, но быстро. Один схватил неизвестного, который не оказал никакого сопротивления, другие побежали за помощью, а фоторепортеры защелкали своими аппаратами.

Карета «скорой помощи» доставила пострадавшего в Мемфис, где врачи установили, что ранения его сравнительно неопасны, хотя заряд дробы был выпущен с близкого расстояния.

Подвергшегося нападению негра звали Джеймс Мередит, и его имя было известно в Соединенных Штатах, так как в 1962 году он пытался поступить в Миссисипский университет в Оксфорде. Кровавые уличные столкновения, спровоцированные белыми расистами-фанатиками, потрясли тогда этот город. По личному распоряжению министра юстиции Роберта Кеннеди в дело вмешались солдаты Национальной гвардии, чтобы добиться осуществления гражданских прав Джеймса Мередита. Молодой негр некоторое время учился в Оксфорде, затем в Нью-Йорке, а потом в африканском государстве Нигерия. В 1966 году он вернулся в США и захотел, рассчитывая только на свои собственные силы, выяснить, как за это время изменилось положение дел с гражданскими правами в штате Миссисипи. Поэтому он объявил, что совершит пеший поход из Мемфиса в Джэксон, а в качестве опознавательного знака избрал трость, которую ему подарил в Африке старейшина одного племени.

Покушение на Мередита совершил безработный бухгалтер из Мемфиса, принадлежавший к числу белых фанатиков-расистов.

Выстрелы в безоружного путника вызвали среди афроамериканцев волнение и гнев. Хотя Мередит и отвергал любую организацию «цветных» и придерживался мнения, что каждый сам должен бороться за свои права, несколько видных негритянских лидеров отправились в Мемфис. Раненого посетил доктор Мартин Лютер Кинг, а также Стокли Кармайл, который до того времени был председателем «Студенческого координационного комитета ненасильственных действий».

Представители различных борющихся за гражданские права организаций, прибывшие в Мемфис, решили в знак протеста против подлого нападения устроить

совместный поход в Джэксон по тому самому шоссе, которое избрал для своего марша Мередит. Хотя между различными группами имелись разногласия относительно провозглашенной цели, акция эта состоялась: через три недели 15 тысяч человек прошли по улицам Джэксона.

Стокли Кармайл, прежде являвшийся сторонником неприменения насилия, постепенно все больше терял надежду на успех этой тактики. За пять лет полиция 27 раз бросала его в тюрьму, но покушение на Мередита стало для его взглядов поворотным. Когда колонна достигла холмов Гринвуда, студенческий лидер произнес свою знаменитую речь. «Мы призываем негров не ехать сражаться во Вьетнам, а оставаться в стране и сражаться здесь! — сказал он. — Если они бросят одного из нас в тюрьму, мы больше не будем вносить залог, чтобы освободить его. Мы пойдем к тюрьме и сами освободим арестованного. И повсюду, где негры составляют большинство населения, мы используем любую ситуацию, чтобы захватить политическую власть в свои руки. Чего мы хотим? Власть черных!» «Власть черных!» — этот клич был подхвачен с воодушевлением.

Однако Мартина Лютера Кинга, тоже участвовавшего в марше на Джэксон, этот лозунг встревожил. В личной беседе он попытался убедить Кармайкла отказаться от лозунга. Кинг опасался, что это может нанести вред движению за гражданские права. Позднее, в интервью газете «Нью-Йорк таймс», Кинг признал, что движение «за власть черных» — отчаянная попытка негров отстоять собственное человеческое достоинство и гордость. Тактика ненасильственных действий в результате насильственных, кровавых действий белых расистов переживала кризис, и клич «Власть черных!» служил выражением этого кризиса.

Стреляет... потерявший сознание

Лозунг «Власть черных!» быстро распространился по всей стране, достигнув и негритянского гетто Окленд около Сан-Франциско, где осенью 1966 года Бобби Сил и Хью Ньютон основали организацию «Черные пантеры». Вначале она имела только одну цель: в

рамках действующих законов молодые жители гетто должны вооружиться для обороны от нападений белых расистов и полиции.

Вскоре возникли первые группы самообороны, их члены носили нечто вроде формы: черные кожаные куртки с изображением пантеры на спине, черные брюки, черные береты. Некоторые почти постоянно имели при себе небрежно перекинутые через плечо автоматы.

В этой начальной фазе ФБР официально не придавало «Черным пантерам» почти никакого значения, поскольку данная организация совершенно очевидно намеревалась достигнуть своей цели действиями «черной элиты», а не революционной борьбой масс. Опасности для властей она не представляла, и те решили: почему бы не дать одетым в черное парням немного пострелять в гетто из автоматов?

Но по прошествии нескольких месяцев это отношение властей сразу изменилось, когда газеты Коммунистической партии США подвергли критике сектантство «черной элиты» и партия стала стремиться найти общую с «пантерами» платформу для борьбы за гражданские права афроамериканцев. С этих пор террористические и псевдорадикальные элементы в организации «Черные пантеры» были оттеснены на задний план. Руководящие деятели «пантер» во главе с Бобби Силом заявили, что как расовая дискриминация, так и эксплуатация трудящихся коренятся в одной и той же капиталистической системе. В результате осознания этого факта возникли контакты с белыми рабочими и «пантеры» включились в общий фронт борьбы против войны во Вьетнаме. Их программа включала также признание марксизма-ленинизма (хотя зачастую он оставался для них лишь понятием, которое они еще глубоко не усвоили). И наконец, «Черные пантеры» провели ряд мер, снискавших им широкое признание: бесплатные завтраки для детей бедняков из гетто, шаги к введению безвозмездной медицинской помощи, борьба против торговли и злоупотреблений наркотиками.

Теперь ФБР уже больше не медлило, и в 1967 году против «Черных пантер» начался истребительный поход по давно испробованному рецепту: заговоры с целью убийства и «фрэйм ап», процессы против лидеров этой организации, наводнение ее шпиками и про-

вокаторами. Год спустя Гувер объявил «Черных пантер» «внутриполитическим врагом № 1». ФБР и полиция стали планомерно предпринимать против них различные акции.

В октябре 1967 года в Окленде произошло очередное столкновение полицейского патруля с группой «пантер». «Копы» начали оскорблять негров, угрожать оружием; в конце концов загревели выстрелы: «копы» открыли огонь, «пантеры» ответили.

Хью Ньютон из группы «цветных» был ранен в живот и потерял сознание. Уже после этого был ранен и скончался на месте один из полицейских. Когда прибыло полицейское подкрепление, «копы» опознали в потерявшем сознание негре одного из руководителей «Черных пантер», в результате чего почти обыденный инцидент превратился в политическое событие.

Через несколько месяцев начался процесс, на котором Ньютону было предъявлено обвинение в том, что он убил полицейского. Обвинитель говорил о «преднамеренном убийстве», и вынесенный судьями приговор гласил: 15 лет каторжной тюрьмы. Но поскольку человек, находящийся без сознания, стрелять не может, апелляционному суду все же пришлось приговор кассировать, — правда, после того, как Ньютон уже отсидел почти три года в карцере.

При помощи подобного «фрэйм ап» попытались разделаться и с Бобби Силом, но — чтобы действовать наверняка — при помощи двух судебных дел сразу. Во время Национального съезда демократической партии, проходившего в августе 1968 года в Чикаго, тысячи американцев, в том числе и Бобби Сил, устроили демонстрацию против войны во Вьетнаме. Этого было вполне достаточно, чтобы для начала выдвинуть против него обвинение в «организации бунта, выходящего за границы штата».

В мае 1969 года Сил пробыл один день в бюро организации «Черные пантеры» в Нью-Хейвене (штат Коннектикут). Во время этого визита внедрившийся в партию «секретный агент» ФБР Джордж Сэмз по неизвестным причинам застрелил одного из членов «Черных пантер». Так был найден пункт для второго обвинения против Сила, который будто бы подстрекал к этому убийству, а может быть, и сам осуществил его, — во всяком случае, участвовал в заговоре.

Во всем этом не было ни грана истины. Тем не менее Бобби Силу пришлось провести за решеткой три года, прежде чем в сентябре 1972 года апелляционный суд установил, что данный пункт обвинения был сконструирован искусственно. Разумеется, этот успех отражал тот факт, что прогрессивные люди в США стали бдительнее, а их протесты — острее. Реакционная юстиция уже не могла творить беззакония столь беспрепятственно, как раньше. Но для освобождения Сила имелаась и другая веская причина.

Никсон дает лозунг

В 1969 году полиция и агенты ФБР учинили кровавую расправу с «пантерами». Подверглись нападению и были убиты, преимущественно в своих квартирах, 12 функционеров этой партии.

Так, например, в полночь 4 декабря в Чикаго оперативная команда из 40 вооруженных сотрудников ФБР окружила один дом и подняла на ноги всех его жителей. По каждому, кто появлялся у окна или в дверях, убийцы, состоявшие на государственной службе, сразу открывали огонь. Были убиты двое: Фред Хэмптон и Марк Кларк; один из них был председателем «Черных пантер» в Иллинойсе, другой — в Чикаго. Пятеро были ранены.

На следующий день убийцы оправдывались: «На нас коварно напали». Но поскольку многочисленные свидетели видели прямо противоположное этому лживому утверждению, его пришлось позже отбросить. Однако убийцы ничем не поплатились. Министерство юстиции поручило расследование этого инцидента ФБР. А как известно, ни в одном еще деле «ФБР против ФБР» истина не торжествовала.

Наряду с террором убийц созданию атмосферы парализующего страха способствовала и еще одна крупная акция: 74 функционера «Черных пантер» получили в общей сложности 2594 года каторжной тюрьмы, а еще 204 человека ожидали приговора.

В самой организации «Черные пантеры» к этому времени произошли глубокие изменения — частично под воздействием террора, но больше в результате разложения изнутри. ФБР снова прибегло к испытанной тактике: оно в еще невиданном масштабе внедрило в

эту организацию своих агентов — шпиков и провокаторов. В 1971 году Гувер заявил, что 10 процентов ее членов — «доверенные лица» ФБР. Среди «пантер» намеренно разжигались недоверие, склоки и взаимные подозрения. В результате действительно произошел развал организации, причем нью-йоркская группировка под руководством писателя Элдриджа Кливера заняла ультралевую, псевдореволюционную позицию. «Революция сегодня!», «Свобода придет только из дула винтовки!» — таковы были ее лозунги. Агенты ФБР, пробравшиеся в руководство группировки и на словах поддерживавшие Кливера, умышленно все сильнее толкали ее на этот авантюристический путь, который полностью отвечал тактической концепции ведомства Гувера. Эта анархическая группа давала полиции и ФБР аргументы для оправдания истребительного похода против «пантер».

Чтобы самому не оказаться жертвой репрессий, Кливеру пришлось покинуть США; он стал действовать из Алжира, а потом весной 1973 года переселился во Францию. Его приверженцы время от времени получали от него указания относительно «революции». Для финансирования экстремистских акций Кливер рекомендовал использовать выкуп за насильственно захваченные террористами самолеты.

Но большинство «пантер» не последовало за Э. Кливером. Наиболее острая критика его тактики раздавалась со стороны оклендской группы, которая тем не менее постепенно все больше и больше соскальзывала вправо.

Это стало особенно ясно, когда Хью Ньютон съездил в Пекин и вернулся оттуда приверженцем Мао. Тем самым он сделал «большой скачок вперед» и теперь провозгласил себя «верховным слугой народа». Если до этого Ньютон, руководя агитационным центром «Черных пантер», предполагал опираться на беднейших из бедных, то отныне он стал называть их «отбросами общества». Будущее, заявлял он, связано не с ними, а с тем лозунгом, который президент Никсон провозгласил для негров, — «черный капитализм».

Пока Ньютон сидел в тюрьме, поселившийся в Белом доме Никсон дал понять, что будто бы благо черных сограждан чрезвычайно его волнует, а потому он хочет обсудить с лидерами афроамериканцев, что

именно необходимо предпринять. Вскоре последовали приглашения в Белый дом. Однако к числу приглашенных, которые не заставили себя ждать, принадлежали только представители некоторых буржуазных негритянских организаций и «цветные» капиталисты. Президент обещал им кредиты, а также защиту их капиталовложений, порекомендовал создание новых небольших фабрик, которые должны возглавляться «цветными» и работать на которых должны тоже только они.

Совершив «большой скачок вперед», Ньютон приземлился в лагере мелкой буржуазии: он подхватил лозунг «черный капитализм» и стал пропагандировать создание фабрик «черных пантер» для выпуска обуви, сумок, предметов одежды и тому подобных вещей.

Бобби Сил — единственный из видных деятелей «Черных пантер», кто открыто и с гордостью говорил о своем пролетарском происхождении. Но, находясь в тюрьме, он тоже заявил, что поддерживает только группу Хью Ньютона. Немного погодя его выпустили из тюрьмы.

Эти укрощенные «пантеры» едва ли могли представлять какую-либо опасность для господствующей системы, и потому официальный тон по отношению к ним стал весьма терпимым. Разумеется, они по-прежнему находились под надзором ФБР, которое старалось держать их на явно правом курсе. В ходе развития событий выяснилось, что организация «Черные пантеры» имела весьма слабые корни в рабочем классе. Лишь только стали заметны зачатки ее сближения с Коммунистической партией США, как эта многообещавшая организация афроамериканцев была разгромлена с помощью кровавого террора, запугивающего «фрэйм ап» и разложения изнутри. Причем физическое уничтожение руководителей «внутреннего врага номер один» ФБР осуществляло преимущественно руками местной полиции. Само же оно занималось подготовкой «фрэйм ап» и массированных акций против «Черных пантер». Но, несмотря на трагическое поражение, борьба афроамериканцев продолжалась.

Победительница в Сан-Хосе

Одна из наиболее опасных

Официально ФБР приняло на себя это дело 16 августа 1970 года, а спустя несколько дней Дж. Эдгар Гувер объявил большой розыск по всей стране. Он пошел на необычную меру, лишь дважды применявшуюся в истории бюро: в список «десяти особо опасных среди разыскиваемых скрывшихся лиц» была включена женщина — «за соучастие в преступном заговоре, захвате заложников и убийстве».

В этом списке стояли имена особо опасных преступников страны. Находящиеся в различных городах и штатах отделения ФБР регулярно получали такие списки из вашингтонской штаб-квартиры, газеты печатали огромные объявления о розыске этих лиц, радио и телевидение информировали население, призывая «общественность страны проявлять бдительность и оказывать помощь» властям. Десять преступников должны были быть найдены во что бы то ни стало, живыми или мертвыми. В отношении их джи-менам и «копам», а также и штатским преследователям, которые хотели свести с ними счеты или прославиться, разрешалось применять огнестрельное оружие.

Итак, по всей стране были распространены объявления о розыске с фотографией разыскиваемой женщины. «Опасна и, возможно, вооружена» — можно было прочесть повсюду. Агенты ФБР обнаружили ее следы на Западном побережье, севернее Сан-Франциско, и началась погоня по всей стране. Розыск велся несколько недель: обыскивали квартиры, проверяли сотни людей. Но все арестованные оказывались не той, кого искали, вводило в заблуждение внешнее сходство.

После более чем восьми недель розыска, 13 октября, ФБР напало на горячий след: разыскиваемая жен-

щина остановилась в одном мотеле в центре Манхэттена. Команда агентов ФБР блокировала все выходы из отеля, трое джи-менов, быстро и тихо сняв оружие с предохранителя, ворвались в номер 702.

— Руки вверх! — приказал командир группы. — Повернуться спиной и прижать руки к стене!

Один из полицейских обыскал женщину.

— Оружия нет!

Щелкнули наручники, двое агентов ФБР встали с обеих сторон и отвели женщину в ожидавшую автомашину.

Каким-то образом о предстоящем аресте пронюхал один фоторепортер, и уже через несколько часов информационные агентства вместе со снимком передали сенсационное сообщение: «Анджела Ивонна Дэвис арестована!»

Почему ФБР проявило такое горячее стремление арестовать ее, становится ясным из некоторых фактов биографии Анджелы Дэвис.

Длинные уши ФБР в Калифорнийском университете

Анджела Дэвис родилась в 1944 году в Бирмингеме, городе штата Алабама, где террор белых расистов против «цветных» граждан свирепствовал особенно сильно. Не случайно, например, Артур Дж. Хэйнс, длительное время бывший мэром этого города, впоследствии взял на себя защиту убийцы Мартина Лютера Кинга — Рея. Именно в Бирмингеме еще в 1963 году было предпринято покушение на этого лидера негритянского движения за гражданские права.

Значительное влияние на всю дальнейшую жизнь Анджелы Дэвис оказало преступление, совершенное в сентябре того же года. Белые фанатики расисты бросили бомбу в негритянскую церковь Бирмингема, убив четырех девочек-негритянок. У их могилы Анджела Дэвис задала себе вопрос: как устранить преграды на пути к свободе афроамериканцев?

Ее собственный жизненный путь отнюдь не был типичен для «цветной» женщины в США. Анджела выросла в сравнительно обеспеченной семье и с 15-летнего возраста училась в одной из частных школ Нью-Йорка. Окончив школу с отличием, она продолжала

образование в Массачусетском университете, а затем в Сорбонне в Париже и в Институте социальных исследований при Университете имени Гёте во Франкфурте-на-Майне. Она проявляла живой интерес к политическим событиям во всем мире и к борьбе за гражданские права в собственной стране. Первоначально Анджела Дэвис специализировалась по романской литературе и языкам, но потом решила заниматься философией, изучала труды Канта и Гегеля, Маркса и Энгельса.

Анджела Дэвис начала различать порой весьма противоречивые течения внутри движения афроамериканцев, например стремление некоторых групп борцов за гражданские права примкнуть к традициям столетней давности или же приверженность к «черному национализму». Она пристально следила за поисками путей Мартином Лютером Кингом и тяжело пережила его убийство в 1968 году. Анджела глубоко проанализировала применявшиеся ранее методы, причины их безуспешности. Сколь последовательным был ее анализ, столь же логичным было и ее решение вступить в ряды Коммунистической партии США.

В 1969 году Анджела Дэвис, пройдя по конкурсу, стала доцентом философии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Ее блестящие лекции быстро создали ей большую популярность.

Однако через несколько недель возникло «дело Анджелы Дэвис». Оно началось с доноса осведомителя ФБР и поднятой калифорнийской реакционной прессой кампании по поводу того, что в Калифорнийском университете читает лекции коммунистка, а это, как известно, на основании положений, принятых в 1940 году, запрещается.

Ректор университета Чарльз Юнг, желая побыстрее покончить с инцидентом, потребовал от Анджелы публичного заявления, что она не является членом Коммунистической партии. Ответ подействовал на него, как холодный душ:

«Я с гордостью заявляю о своей принадлежности к Коммунистической партии США, которая расширила мой горизонт и приумножила мои силы в борьбе за освобождение негритянского народа».

За этим последовало бессрочное увольнение, которое после энергичного протеста многих университетов

страны суду пришлось отменить. «Длинноухие» агенты ФБР тайно установили в аудиториях университета магнитофоны для записи лекций Анджелы Дэвис, но повода для судебного преследования никак не представлялось.

По окончании учебного года контракт с Анджелой Дэвис был продлен: профессора Калифорнийского университета вступились за свою талантливую и мужественную коллегу и Юнгу пришлось уступить. Но «опекуны» университета, к числу которых принадлежал, например, реакционный губернатор штата Рональд Рейган, потребовали отмены этого решения, ибо «миссис Дэвис произносила вне университета крамольные речи». В результате Анджелу уволили вторично.

Чем же Анджела Дэвис, которая в своих лекциях не допускала никаких нападок на существующий строй, навлекла на себя такой гнев калифорнийских реакционеров? По каким причинам агенты ФБР столь ревностно старались изолировать ее?

Принадлежность к коммунистической партии была главной, но не единственной причиной. К этому добавлялось еще открытое выступление в связи с кровавым террористическим походом полиции и ФБР против «Черных пантер» в 1969 году. В 1970 году эти акции продолжались. Анджела Дэвис выступила на массовом митинге в Сити-холл в Лос-Анджелесе, блестяще разоблачив истинные причины террора против «Черных пантер». Реакционные силы США увидели в лице Анджелы Дэвис серьезного противника и стали готовить по старому рецепту новый «фрэйм ап», тем более что подвернулся удобный случай.

«Соледадские братья»

В 1960 году в Южной Калифорнии на одной из бензозаправочных станций украли 70 долларов. В краже обвинили 18-летнего негритянского юношу Джорджа Джексона. К нему было применено так называемое условное наказание на срок «от одного года до пожизненного заключения». Это значило, что его освободят, если он «исправится».

Но десять лет спустя Джексон все еще сидел в тюрьме Соледад и судебные власти не проявляли на-

мерения выпустить его в ближайшее время. Во время заключения Джексон использовал все возможности, весьма небольшие, чтобы читать и учиться. Он проявлял стойкость, несмотря на все придирки и мучения, много размышлял о судьбе своего народа. О больших способностях Джексона говорят его письма из тюрьмы, выделяющиеся своим высоким литературным уровнем. Так со временем он стал примером для «цветных» товарищей по заключению, к его словам прислушивались.

В январе 1970 года в тюрьме была спровоцирована драка между белыми и черными заключенными. Тюремщики открыли прицельный огонь, ранив троих негров. Медицинскую помощь раненым не оказали, и они вскоре скончались. Благодарность, полученная после всего этого надзирателями, привела в ярость «цветных» узников. Несколько заключенных схватили самого жестокого истязателя и сбросили его с лестницы; он разбился насмерть.

Теперь тюремная администрация имела желанный повод разделаться с неугодным Джорджем Джексон. Наказаниям были подвергнуты также Джон Клатчетт и Флит Драмго, все трое не были замешаны в событиях. Впоследствии суд установил их невиновность. В Соледаде, что в переводе с испанского означает «одинокость», палачи уже готовили все для казни. Троих «цветных» на несколько недель посадили в камеры без света, чтобы «препарировать их для признания». Несмотря на все усилия тюремных властей утаить от общественности запланированное убийство, под которое пытались подвести юридическую базу, призывы о помощи проникли за стены тюрьмы. Тысячи людей узнали о чудовищном замысле и потребовали свободы и справедливости для «соледадских братьев», как их стали называть.

Анджела Дэвис тоже участвовала в этой борьбе, работала в Комитете защиты «соледадских братьев» и вступила в переписку с Джорджем Джексон, чем еще больше усилила ненависть к себе со стороны реакционных кругов. Почти каждодневно она получала «предостережения» и угрожающие письма. В такой ситуации Анджела Дэвис сделала то, что сделал бы на ее месте любой американец: она приобрела оружие и, как предписывает закон, зарегистрировала револьвер

на свое имя. Кроме того, несколько негритянских юношей проявили готовность охранять ее. Среди них был и Джонатан Джексон — 17-летний брат Джорджа Джексона.

В пятницу 7 августа 1970 года в Сан-Рафаэле, небольшом курортном городе севернее Сан-Франциско, должен был закончиться длительный процесс, который грозил смертью одному обвиняемому негру.

Утром той пятницы Джонатан Джексон одним из первых проник в зал суда и занял удобную позицию. Когда, открывая заседание, судья напомнил о вердикте, вынесенном присяжными, Джонатан вскочил, метнулся вперед, выхватил из сумки револьверы и бросил их обвиняемому и привезенным из тюрьмы в качестве свидетелей неграм.

Вооруженные черные узники во главе с Джонатаном, захватив в качестве заложников судью и четверых заседателей, устремились к выходу. В дверях Джонатан Джексон обернулся: «Или через час Джордж Джексон и двое других «соледадских братьев» будут свободны, или мои заложники мертвы!»

Но уже у выхода из здания суда безумная акция сорвалась. Полицейские, «случайно» возвращавшиеся с «учения», окружили здание суда. Они открыли огонь. В перестрелке погибли Джонатан Джексон, двое заключенных, а также судья.

О своем плане спасти брата, которому грозила смертная казнь, Джонатан Джексон никому не сообщал. Никто не знал об этой трагической, бессмысленной, обреченной на провал акции отчаяния, стоившей жизни ему самому и трем другим лицам. В довершение всего Джонатан Джексон воспользовался револьвером Анджелы Дэвис без ее ведома.

Прекрасный повод! В полицейском донесении сообщалось, что револьвер, захваченный на месте преступления в Сан-Рафаэле, зарегистрирован на имя Анджелы Дэвис. Теперь уже было безразлично, чьими пулями, из чьего оружия убиты судья, двое заключенных и сам Джонатан Джексон. Джексону инкриминировалось три преступления: заговор, захват заложников и убийство. По действующим калифорнийским законам ответственным за подобное преступление является не только тот, кто его совершил, но и владелец оружия, с помощью которого оно совершено.

Теперь можно было нанести удар и по Анджеле Дэвис, хотя, как писал журнал «Ньюсуик», для Анджелы Дэвис «никак не характерно послать на верную смерть 17-летнего юношу. Она отнюдь не романтически настроенная особа, способная на такое сумасбродство. Она считает, что ко всему надо подходить разумно и решать все на научной основе».

Гэс Холл, Генеральный секретарь Коммунистической партии США, охарактеризовал поступок Джонатана Джексона как акцию, «которая никак не продвинула вперед то дело, которому он, вероятно, хотел послужить. Его образ действий ведет к отходу от массового движения и не является революционным».

Но полицейские и судебные власти Калифорнии, а также и ФБР были глухи ко всем этим голосам. «Анджела Дэвис достала оружие для убийства, и теперь пусть отвечает» — таков был их мотив.

Анджела Дэвис хорошо знала, что не нарушила федерального закона: Джонатан Джексон взял оружие без ее ведома и разрешения. Но она и не думала добровольно отдавать себя в руки палачей. На примере «соледадских братьев» калифорнийские судебные органы ясно показали, как можно попирает право и законность и что практика кончающихся смертными приговорами инсценированных процессов — «фрэйм ап» — отнюдь не ушла в прошлое.

Анджела Дэвис скрылась. В течение нескольких недель, вплоть до 13 октября 1970 года, ей удавалось не попасть в руки ФБР.

Ультрасовременная тюрьма в Сан-Рафаэле

Реакционные круги вели свою коварную игру, в результате которой жизнь Анджелы Дэвис оказалась в опасности. Но миллионы людей во всем мире развернули борьбу за жизнь и свободу Анджелы Дэвис. Комитеты борьбы за ее освобождение возникали и во многих городах США.

21 октября губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер уступил требованию Рональда Рейгана и подписал приказ о выдаче Анджелы Дэвис штату Калифорния. Адвокаты Анджелы Джон Абт и Маргарет Бэрнхэм немедленно возбудили ходатайство об

его отмене, поскольку в этом штате не могло быть обеспечено беспристрастное рассмотрение дела. Но как это, так и дальнейшие ходатайства были отклонены, и в ночь с 21 на 22 декабря 1970 года команда ФБР на самолете доставила арестованную из Нью-Йорка в Сан-Рафаэль.

Недели, проведенные в женской тюрьме в южной части Манхэттена, были мучительны. Теперь Анджелу поместили в тюрьму Сан-Рафаэля, которая рекламировалась американской печатью как самое современное и примечательное в архитектурном отношении (в смелом авангардистском стиле) здание; все камеры автоматически вентилируются, автоматически освещаются, все автоматизировано и совершенно.

В одну из таких камер без окон и была помещена Анджеला Дэвис. Она страдает сильной близорукостью, и, чтобы сохранить зрение, ей необходимо ежедневно длительное время смотреть вдаль. Но она могла делать это только полчаса в неделю, да и то если прогулка во дворе не отменялась. Болезнь глаз прогрессировала.

Воздух в камере был действительно свежим, но очень холодным. Анджеला несколько раз простуживалась, и тюремный доктор Кук прописывал ей лекарства. Но то он забывал поставить на рецепте подпись, то шериф отказывал в деньгах на лекарства, которые-де слишком дороги. «Они делают все, чтобы мучить меня», — сказала Анджеला вскоре после своего ареста. Однако международная солидарность придавала Анджеле силы: она получала минимум 100, а иногда даже 400 писем в день со всех континентов.

16 марта 1971 года в Сан-Рафаэле начался предварительный судебный процесс. Главный защитник Говард Мур добивался снятия обвинения и, как минимум, освобождения Анджелы под залог. Однако прежде, чем суд успел вынести решение по этому вопросу, слушание дела было отложено.

Во всем мире росла волна протеста против судилища над Анджелой Дэвис. Но с каждым днем росла и опасность, что может произойти какой-нибудь инцидент, который вызовет негативное решение суда. И он действительно произошел 21 августа 1971 года в калифорнийской тюрьме Сан-Квентин, расположенной неподалеку от Сан-Рафаэля.

Одна за другой текли мучительные для Анджелы недели, как вдруг она получила известие, потрясшее ее: Джордж Джексон, один из «соледадских братьев», «убит при попытке к бегству».

Официальная версия о событии, происшедшем в ту августовскую субботу, была столь нелепа, что опровергала самое себя. Якобы некий мистер Стефен М. Бингхэм, выдававший себя за адвоката, захотел около 14 часов дня переговорить с Джорджем Джексонсом. Его сразу же пропустили в тюрьму Сан-Квентин, но при досмотре портфеля охранник «не заметил» касеты, в которой лежал пистолет. Когда Бингхэм должен был пройти через устройство для обнаружения металлических предметов, охранник «по оплошности» взял у него из рук портфель и, таким образом, пистолет обнаружен не был. Затем Бингхэм получил свой портфель назад. Беседовал он с Джексонсом за небольшим столом. Почему-то строгие предписания безопасности (например, наличие между заключенным и посетителем решетки и пуленепробиваемого стекла) соблюдены не были. Более того, оба надзирателя на какое-то время выходили из помещения, так что Джордж Джексон якобы смог взять пронесенный пистолет и даже ухитрился спрятать его в волосах.

В 14 часов 50 минут Бингхэм расстался с Джорджем Джексонсом, а в 14 часов 55 минут тот был уже мертв.

За эти пять минут будто бы произошло следующее. Тюремщик обнаружил у Джексона пистолет, но Джексон повалил тюремщика, схватил оружие и приказал всем прибежавшим надзирателям лечь на пол. Одному из них удалось привести в действие устройство, при помощи которого сразу открылись двери всех камер этажа. Из камер выбежали заключенные, некоторые с зубными щетками — смертельными зубными щетками, ибо в их ручках были укреплены бритвенные лезвия. Двое тюремщиков и двое служителей из заключенных стали жертвами арестантов — им перерезали горло. Третий охранник получил пулю в лоб. А Джексон якобы выбежал на тюремный двор, дико размахивая пистолетом. Но лишь только он попытался перелезть через семиметровую стену, как завyla

сирена: тревога! Часовые на сторожевых вышках открыли по Джексону огонь, в него попало несколько пуль, он упал, прополз еще три метра и умер. И все это — за те самые пресловутые пять минут!

Столь гладкое, хорошо продуманное сообщение никак не вязалось, однако, с результатами вскрытия. По заключению патологоанатомов, Джексон был убит пулей в спину, вышедшей через череп. Но такой выстрел не мог быть произведен с высоты многометровой вышки.

Что в действительности произошло в Сан-Квентине, так и осталось тщательно хранимой тайной ФБР. Администрация тюрьмы убила неугодного Джексона и спешно сфабриковала лживое сообщение. Официально через некоторое время был проведен безуспешный розыск Бингхэма, который, по мнению специалистов, являлся мелким шпиком и сыграл порученную ему роль в убийстве Джексона.

Гибель Джексона явилась серьезной предпосылкой для задуманного судебного убийства Анджелы Дэвис. Ведь он был назван в качестве важного свидетеля защиты на процессе Дэвис, и ее адвокаты рассчитывали, что он выступит на нем уже как свободный человек, так как 24 августа должно было начаться новое слушание дела «соледадских братьев». Обвинение против Джексона было шатким, все инкриминируемое ему могло быть легко опровергнуто, а потому его оправдание являлось вполне вероятным. Оставшиеся в живых «соледадские братья» Джон Клатчетт и Флит Драмго действительно после многомесячного слушания дела были в марте 1972 года оправданы. Этот «фрэйм ап» сорвался не в последнюю очередь потому, что в США ширился фронт борьбы против полицейского произвола и террористической юстиции. Однако Джорджа Джексона калифорнийская реакция увидеть на свободе не пожелала. Вот почему ему суждено было погибнуть. К тому же расправой с ним рассчитывали парализовать и силы Анджелы Дэвис, сломить ее сопротивление.

Примечательные свидетели Харриса

Итак, большой «фрэйм ап» против мужественной женщины продолжался. Но в октябре 1971 года произошла режиссерская «накладка»: один тайный агент,

работавший на ФБР и на полицию штата Калифорния, не захотел дальше играть свою роль. Негр Луис Тэквуд решил порвать со своими нанимателями и на пресс-конференции разоблачил детали заговора против Анджелы Дэвис.

Целых шесть лет занимался Тэквуд своим грязным делом. Его завербовали в качестве «информатора» после участия в краже; последнее время он «работал» в одном из комитетов за освобождение Анджелы Дэвис в качестве шпика — должен был уничтожить компрометирующие власти материалы и организовать псевдореволюционные акции.

Но наибольший интерес представляли, несомненно, факты, свидетельствующие о том, что агенты ФБР летом 1970 года вели слежку за юным Джонатаном Джексонсом. Следовательно, они знали, что в тот день, когда он вошел в зал суда в Сан-Рафаэле, при нем было огнестрельное оружие. Однако они ничего не предприняли, чтобы помешать ему, а лишь послали к зданию суда дополнительных снайперов. ФБР рассчитывало на «инцидент», который сразу же можно будет использовать для того, чтобы «покончить с красной ведьмой». И «инцидент» произошел, да еще куда удачнее, чем задумывалось.

В это время защита возбудила ходатайство о том, чтобы процесс против Анджелы Дэвис проводился не в Сан-Рафаэле, а в Сан-Франциско, т. е. не в городе вилл белых богачей и расистов, а в городе со значительной долей рабочего и афро-американского населения. Судья Ричард Э. Арнасон согласился с этим, и процесс перенесли, — правда, не в Сан-Франциско, а в находящийся южнее город Сан-Хосе, население которого ни на йоту не отличалось от населения Сан-Рафаэля. 2 декабря 1971 года Анджелу Дэвис перевели в окружную тюрьму Пало-Альто.

Через два месяца, 31 января 1972 года, долго откладывавшийся процесс наконец начался. Дабы все шло по заранее разработанному его режиссерами плану, для слушания дела избрали «зал судебных заседаний № 1», вмещавший всего 59 зрителей, — меньшего зала в Сан-Хосе найти не могли.

400 журналистов настаивали на своей аккредитации, но судебные власти отвели для них всего 30 мест; еще 12 мест занимали родственники Анджелы, а ос-

тальные предназначались для свидетелей и тайных агентов.

Как и прежде, газеты монополий внушали американцам, что перед судом находится крайне опасная преступница. Поэтому на «меры безопасности» власти выделили сверх прочих расходов 750 тысяч долларов.

В Сан-Хосе поступали петиции с десятками тысяч подписей, перед зданием суда демонстрировали вместе «цветные» и белые. Всемирно знаменитые личности — голливудская кинозвезда Джейн Фонда, тогдашний экс-чемпион мира по боксу среди профессионалов Кассиус Клей (ныне Мухаммед Али), писатель Джеймс Болдуин, пастор Ральф Абернети и другие, конгрессмены, профсоюзы и христианские организации, миллионы людей во всем мире требовали прекращения позорного судилища над американской коммунисткой. Организованное требование освободить Анджелу Дэвис под залог стало крупнейшим прогрессивным политическим движением, которое когда-либо имело место в США.

У прокурора Альберта Харриса, представителя обвинения, эти протесты вызвали ярость, он позволял себе вспышки необузданного гнева и требовал полного сохранения в силе всех пунктов обвинительного акта. После двухнедельного предварительного слушания дела судья Арнасон назначил на 28 февраля главный процесс.

За девять дней до этой даты произошла крупная сенсация. Раздававшийся по всему миру клич «Свободу Анджеле Дэвис!» привел к успеху, которого едва ли кто-нибудь ожидал: Верховный суд Калифорнии объявил смертную казнь противоречащей конституции. Тем самым юридического убийства Анджелы Дэвис на время удалось избежать. Но ей все еще грозило пожизненное тюремное заключение или вероломное убийство, как это было с Джорджем Джексонсом.

У губернатора Калифорнии решение Верховного суда штата вызвало крайнее негодование. Ведь как-никак Калифорния держала рекорд: в ней было приведено в исполнение 502 смертных приговора — больше, чем в любом другом штате. Рейган устроил гнусный спектакль и связал президентские выборы 1972 года

с «народным голосованием», в результате которого с 1 января 1974 года смертная казнь в Калифорнии была восстановлена.

Но к этому времени Анджела Дэвис была освобождена под залог. Через четыре дня после решения калифорнийского Верховного суда об отмене смертной казни судья Арнасон вынужден был уступить. После 488 дней мучительного заключения Анджела Дэвис впервые получила право покинуть тюрьму. Залог — 102 500 долларов — внес Роджер Макэфи, отважный белый фермер из Фресно, заложивший для этого свое имущество.

На главном процессе прокурор Харрис выставил 104 «свидетеля обвинения». Своими ложными показаниями и подтасованными уликами они должны были подтвердить выдвинутое обвинение — «соучастие в заговоре, захвате заложников и убийстве». Примерно половина свидетелей обвинения, будучи агентами ФБР или полицейскими, обладали немалым опытом в ремесле лжесвидетельства.

Под номером один в списке Харриса стояло имя некой миссис Марии Грэхэм — в день отчаянного акта Джонатана Джексона она была в числе присяжных на суде в Сан-Рафаэле. Защитник Мур устроил ей перекрестный допрос. Почему сейчас она показывает больше, чем на предварительном следствии, спросил он ее. «У меня плохая память, — отвечала миссис Грэхэм. — Достопочтенный мистер прокурор помог мне кое-что вспомнить. Неделю тому назад мы еще раз обсудили с ним все подробности».

Каждый день появлялись все новые доказательства того, как Харрис «подготавливал» своих свидетелей. Он требовал от них «ясной памяти», а потому в его офисе они заранее «обговаривали детали». При этом Харрису явно не везло. Например, показания его свидетелей о событиях 7 августа 1970 года были полны кричащих противоречий.

Джеймс Т. Кин — так звали человека, который в тот день заработал 100 тысяч долларов. Он поспешил на место происшествия с полным комплектом фотоаппаратуры, и бульварная пресса заплатила ему потом за его снимки такую огромную сумму.

— Почему вы в тот день поехали к зданию суда? — спросил его защитник.

— Включив приемник моей автомашины, я поймал волну полицейской ради и слышал о чрезвычайном происшествии. Всем свободным полицейским было приказано поспешить к зданию суда.

— Сколько времени потребовалось вам, чтобы доехать до здания суда?

Кин задумался, помолчал, подсчитал и потом тихо произнес:

— Вероятно, 15 минут.

— И что вы смогли там наблюдать?

— Я увидел беседующих между собой «копов».

— Они беседовали вполне нормально?

— Да, конечно, вполне нормально и спокойно.

— Когда вы заметили что-то связанное с захватом заложников?

— Прошло всего несколько минут. Потом я увидел, как судья Хили и другие заложники были вытолкнуты из зала суда.

— Вы давно были дружны с мистером Хили. Почему же вы не поспешили ему на помощь?

— В этот момент я был очень занят, я фотографировал.

Таким образом, сказанное бывшим тайным агентом Тэквудом подтверждалось. Еще задолго до того, как Джексон совершил свою акцию, полиция ожидала ее и даже заранее вызвала фотографа. В результате возникли серьезные сомнения, действительно ли Джонатан Джексон присвоил себе револьвер Анджелы Дэвис, или оружие было украдено и доставлено на место преступления провокатором.

— Инспектор Кеннет Ирвинг,— продолжал защитник,— вы именно тот сотрудник полиции, который забрал револьвер у здания суда и затем отдал его властям?

— Да, это так, сэр,— ответил сотрудник шерифа.

— Это оружие в тот день побывало во многих руках?

— Это тоже так, сэр.

— От кого вы получили этот револьвер?

— Мне его сунули в руку.

— Прошу вас сказать суду, кто именно передал вам это оружие!

— Один сотрудник в форме.

— И как же зовут этого человека?

— К сожалению, сказать не могу, я уже не помню.

Ирвинг вовсе не поднял оружие, ему его «сунули в руку». Он никак не мог вспомнить, кто же нашел револьвер, который «просто» вдруг оказался в руке инспектора.

Никак нельзя избавиться от подозрения, что агенты ФБР инсценировали чудовищный спектакль, явившийся частью «фрэйм ап» против Анджели Дэвис: специально постарались, чтобы оружие, о котором она давно забыла, оказалось в нужный момент в нужном месте, словно сами они знали о задуманном Джексонном акте.

Как выяснилось на процессе, с целью фабрикации обвинения против Анджели Дэвис была совершена еще одна акция. Руководил ею старый агент ФБР, одновременно являвшийся и агентом ЦРУ (его имя полезно запомнить, поскольку он еще встретится нам в качестве центральной фигуры другого громкого дела), — Джеймс Маккорд.

Когда 17 августа 1970 года Гувер включил Анджелу Дэвис в составленный ФБР список десяти особо разыскиваемых лиц, в качестве «доказательства» ее вины имелся только револьвер, столь странным образом попавший в руки инспектора Ирвинга. Но для «крупного заговора» этого было слишком мало, и Джеймс Маккорд получил задание «подыскать» что-нибудь еще.

В тот же день Джеймс Маккорд вместе со своей командой, в которую входили еще четверо агентов ФБР, совершил взлом в квартире Анджели Дэвис в Лос-Анджелесе. Более шести часов секретные агенты «прочесывали» комнаты сантиметр за сантиметром и при этом «обеспечили множество улик». Правда, когда позже стали сортировать материал, очень многое пришлось отбросить, как негодное. Осталась только тонкая стопка бумаг — переписка с Джорджем Джексонном, на машинке и в фотокопиях.

Оригиналы агенты ФБР представить суду не могли. Они утверждали, что нашли только копии. Но даже в той форме, в какой эти письма вышли из стен ФБР в качестве «доказательств», они ничего не дали для обвинения. Никаких данных о мнимом заговоре в них не содержалось. Маккорд попытался усмотреть «заговор» в том, что в письмах говорилось о необходимости

придать обществу иной облик. Но столь примитивно истолковать это как «заговор» не удалось, как бы этого ни хотелось обвинителям.

В результате перекрестного допроса Маккорда защитой ему пришлось признать незаконность проведенной под его руководством акции.

— Когда вы получили приказ о проведении обыска?

— 17 августа 1970 года.

— Однако в материалах, которые вы представили суду, распоряжения о проведении обыска нет.

— Я получил его только устно по телефону из штаб-квартиры.

— Значит, судебного постановления не существует?

— Нет, сэр. Приказ поступил непосредственно из центра ФБР.

— Таким образом, я констатирую, что акция ФБР от 17 августа 1970 года была незаконной и противоречащей конституции и имела целью неправомочное присвоение собственности обвиняемой.

Обвинитель Харрис в ответ на это промолчал, но на лице его была написана неприкрытая ярость, что, впрочем, случалось с ним не раз на этом процессе. В течение 26 дней он устраивал «парад» своих свидетелей, но добился лишь обратного тому, к чему стремилась прокуратура. Обвинение часть за частью распадалось именно благодаря «свидетелям обвинения».

Воскресный полдень

Защита назвала десять свидетелей, которые всего за три дня слушания дела исключили какое бы то ни было сомнение в невиновности Анджелы Дэвис. Например, утверждалось, будто обвиняемая за несколько часов до акта Джонатана Джексона находилась около здания, где проходил суд. Но четыре гражданина Сан-Франциско, в их числе адвокат и главный редактор одной газеты, смогли доказать, что в указанное время и еще за несколько дней до того Анджела находилась в Сан-Франциско.

Анджела Дэвис убедительно и весьма по-деловому доказала полную несостоятельность предъявленного ей обвинения. Она защитила свою политическую деятельность от клеветы и подчеркнула, что вела эту деятельность в рамках существующих законов.

Фиаско обвинения было полным, все пункты его были опровергнуты, защита требовала оправдательно-го приговора.

Заключительная речь прокурора Харриса была полна демагогии. Он говорил больше пяти часов, всячески стараясь убедить присяжных в виновности Анджелы Дэвис. Вопреки здравому смыслу, прокурор все время возвращался к револьверу, фигурировавшему 17 августа 1970 года. «Этим опасным огнестрельным оружием было совершено убийство!» — вскрикивал Харрис в зал, словно театральный трагик. И закончил так: «Признать обвиняемую виновной в захвате заложников, заговоре и убийстве!»

В пятницу 2 июня 1972 года 12 присяжных удалились на совещание. При непредвзятой оценке фактов вердикт их должен был гласить: «Невиновна».

Медленно тянулись часы томительного ожидания. Вот уже миновала пятница, наступила суббота, а за ней — воскресный полдень. Наконец началась традиционная церемония. Открылась дверь, и в зал вошли присяжные. Мэри Тимоти, старшина присяжных, передала их решение судье Арнасону. Тот протянул листок судебному чиновнику и попросил прочесть вердикт вслух. Присутствующие затаили дыхание. Прозвучали слова: «Невиновна по всем трем пунктам обвинения».

Зал охватило бурное ликование, которое быстро передалось сотням людей, собравшимся перед зданием суда в Сан-Хосе.

«Это счастливейший день в моей жизни,— сказала Анджела Дэвис, выйдя на свободу.— Я хотела бы поблагодарить всех вас, и знаю, что мы не перестанем бороться».

Да, с тех пор, когда, несмотря на доказанную невиновность, погибли Сакко и Ванцетти, времена изменились. Американские расисты, вся реакция в целом уже не могли сломить волю людей, стремящихся к справедливости.

«Студент из Льюисберга»

Бойд Дуглас был завзятый уголовник, хотя родители не жалели сил, дабы воспитать его в уважении к законам. Тщетно пытались они и отучить сына от дурной привычки — почти болезненной склонности к вранью. Стоило Бобби открыть рот, как он начинал врать, и, чем старше он становился, тем изощреннее становилась его ложь. От лжи до обмана, как гласит поговорка, один шаг, да и тот небольшой. Поскольку молодой Дуглас к тому же не имел никакого желания работать, все шло так, как и должно было быть: в 1963 году судья отправил его за решетку за подделку денежного чека. Затем Дуглас получил шанс начать новую жизнь — его отпустили с испытательным сроком. Но мысли его опять стали крутиться вокруг чужих денег, и он нашел хитрый способ их добывать — при помощи подделки страховых полисов. Но первые же его попытки провалились, и в 1967 году, в дополнение к имевшемуся большому сроку заключения, он получил еще пять лет.

Итак, в 1970 году Бойд Дуглас находился в камере в тюрьме Льюисберга и проклинал все на свете. Сидеть ему оставалось еще долго. И вдруг произошли неожиданные изменения. С Дугласом пожелали побеседовать какие-то скромно одетые господа. Все проходило очень таинственно, но после беседы парня словно подменили. Теперь ему разрешали несколько раз в неделю покидать тюрьму, чтобы посещать занятия в колледже. Говорили, будто на Дугласе проверяют новый метод перевоспитания преступников, может, и удастся сделать из него порядочного джентльмена. Парень с восторгом рассказывал о своих занятиях в

колледже: После выхода из тюрьмы, говорил Дуглас другим арестантам, он хочет начать новую жизнь, тихую и мирную. А этому, мол, мешает только одно — война во Вьетнаме.

Подобные речи Дуглас вел с разными заключенными Льюисберга, но особенно сблизился с одним из них — католическим священником из ордена иезуитов Филиппом Берриганом. Тот как раз отсидел к этому времени первые месяцы своего шестилетнего заключения «за поджог», как говорилось в приговоре.

Внешне этот сорокапятилетний мужчина мало походил на священника, его атлетическая, тренированная фигура скорее говорила о более земной профессии. И предположение это отнюдь не было ошибочным, ибо Филипп Берриган прошел суровую школу в американской армии. Будучи молодым человеком, он участвовал во второй мировой войне, дослужился до офицера и получил орден, а потом его уволили из вооруженных сил. Окончив духовную семинарию, Берриган приобрел к католическому клиру. В конце 60-х годов он неоднократно имел конфликты с судами, поскольку поступал не так, как, по мнению властей, подобало священнику.

Хотя Дуглас и пользовался поблажками, в остальном в тюрьме Льюисберг царил суровый режим. Контакты с внешним миром были скудны, разрешалась лишь ограниченная переписка. Поэтому, отправляясь в колледж, Дуглас очень охотно передавал «на волю» письма Филиппа Берригана. Но уже в конце ноября 1970 года все это превратилось в «важное уголовное дело», которым занялся лично Дж. Эдгар Гувер.

Охота на братьев Берриган

Директор ФБР обосновал перед финансовой комиссией конгресса в Вашингтоне свое требование увеличить бюджет бюро более чем на 14 миллионов долларов, таинственно поведав при этом о том, что ФБР раскрыло широко задуманный заговор похитителей людей и саботажников.

Нити этого заговора, заявил Гувер, сходятся в руках католических священников. Эта преступная банда, говорил он, задумала похитить одного высокопоставленного правительственного деятеля, — не кого иного,

как Генри Киссинджера, советника президента Никсона по вопросам национальной безопасности (позднее ставшего государственным секретарем США). Но и это еще не все! Другим объектом коварных заговорищиков являлась подземная система отопления правительственных зданий в Вашингтоне. С наступлением зимы они намеревались взорвать ее, чтобы парализовать деятельность администрации США.

Хотя Гувер и не назвал имен, каждому американцу, внимательно следившему за политическими событиями в стране, сразу же стало ясно, кто эти «католические священники»: Филипп Берриган и его брат Даниэль, иезуитский патер, который в это время отбывал трехлетнее заключение в другой тюрьме.

Имена братьев Берриганов стали известны всем в США осенью 1967 года, когда они вместе с двумя своими друзьями проникли в Балтиморе в помещение врачебной комиссии по мобилизации в армию для отправки во Вьетнам и облили там кровью личные дела военнообязанных. «Кровь — это христианский символ жизни и чистоты, — заявил Филипп Берриган, — и тем самым мы хотели выразить ужас, который вызвала у нас пролитая во Вьетнаме кровь — и американская и вьетнамская».

Таким образом братья Берриган встали во главе развернувшегося в США христианского движения за мир. В мае 1968 года они вместе с семьей другими католиками похитили из призывного участка в Кейтонсвилле — пригороде Балтимора — 378 мобилизационных личных дел и затем публично сожгли их на стоянке автомашин. «Вся бумага мира, — сказал при этом священник Даниэль Берриган, — не стоит жизни одного-единственного ребенка. Пусть же пламя Кейтонсвилла разбудит совесть людей и поднимет ее против кровавой бойни во Вьетнаме!»

Но реакционная юстиция США держалась на сей счет иного мнения. Состоялся процесс, и девять католиков были осуждены. Братья Берриган должны были начать отбывать тюремное наказание с 9 апреля 1970 года, но им удалось скрыться и перейти на нелегальное положение.

Теперь ФБР устроило охоту на обоих священников. Филиппа через две недели схватили в одной из церквей в Нью-Йорке, но Даниэлю удавалось водить джи-

менов за нос больше четырех месяцев. Однажды он служил мессу в церкви предместья Филадельфии, но, когда там появились джи-мены, его уже и след простыл. В другой раз он выступал на митинге в защиту мира перед 10 тысячами студентов Корнеллского университета в Нью-Йорке. И здесь люди Гувера опоздали. Агенты ФБР гонялись за мужественным священником по двенадцати штатам, пока наконец им не удалось схватить его. Но оба заключенных продолжали свою борьбу и в тюрьме. Даниэль Берриган, обладавший литературными способностями, написал пьесу «Девятка из Кейтонсвилла», которая была поставлена нью-йоркскими и зарубежными театрами.

Перед зданием тюрем в Льюисберге и Данбери собирались демонстранты. Братья Берриган неоднократно объявляли голодные забастовки, протестуя против варварских бомбардировок в Индокитае, против невыносимого обращения с политическими заключенными или против применения предназначенных для тигров клеток для содержания военнопленных в Южном Вьетнаме.

Семеро из Гаррисберга

Благодаря акциям обоих священников, проводимым за тюремными стенами, христианское движение за мир в США усилилось. Многие католики, до тех пор не проявлявшие интереса к политике, стали задумываться, к акциям против войны во Вьетнаме присоединялись все новые и новые люди. Но именно это казалось вашингтонским властям особенно внушающим опасения: религиозные каноны явно не могли больше удерживать людей от политической борьбы. Такому ходу развития событий, считали в Вашингтоне, нужно помешать устрашающим примером — пусть новый «фрэйм ап» покажет, что во главе движения за мир стоят похитители людей и террористы, бросающие бомбы.

Сначала все шло по намеченному плану. В октябре 1970 года министр юстиции Митчелл и шеф ФБР Гувер на специальном совещании обсудили детали и выбрали 13 подходящих для заговора жертв. После тщательного отбора их осталось семь. Для фабрикации «доказательств» намечалось использовать уже не раз упоминавшийся метод «секретных агентов», а в качестве «подсадной утки» — Бойда Дугласа. Поначалу он

справлялся со своим делом вполне хорошо, быстро установил контакт с Филиппом Берриганом и начал осуществлять заранее задуманную ФБР акцию — тайную передачу писем «на волю».

В разговорах с Филиппом Берриганом Дуглас выдал себя за противника войны во Вьетнаме и предложил священнику похитить Киссинджера, чтобы держать его в качестве заложника до тех пор, пока война эта не будет прекращена. Филипп Берриган оказался слишком доверчивым и неосмотрительным. В письме «на волю» своим друзьям он упомянул о болтовне Дугласа, желая тем самым лишь показать, к каким идеям может привести некоторых людей стремление к миру во Вьетнаме. Так ФБР получило «доказательство», что священник «руководил» из тюрьмы заговором.

В конце ноября Гувер уже распространялся насчет якобы существующего заговора, а 16 декабря Дуглас получил награду: после данных им судебным органам показаний против Филиппа Берригана его выпустили из тюрьмы.

Через две недели обвинительный акт был готов, ФБР передало дело суду в Гаррисберге — столице штата Пенсильвания, назвав имена семерых католиков. Кроме Филиппа Берригана привлекались еще два священника — Нэйл Маклауфлин и Джозеф Уиндерот, ученый, уроженец Пакистана Экбал Амад, а также доцент истории искусств монахиня Элизабет Макэлистер и супруги Мэри и Энтони Скоблик. Даниэль Берриган считался второстепенной фигурой.

Однако «семеро из Гаррисберга» решительно отвергли все обвинения. Они сравнили этот «заговор с целью разгрома американского движения за мир» с устроенным Гитлером поджогом рейхстага в целях преследования коммунистов. Повсюду в Соединенных Штатах, даже в газетах крупного капитала, высказывалось сомнение в истинности предъявленных обвинений. «Обвинение было выдвинуто,— писала «Вашингтон пост»,— только для того, чтобы задним числом оправдать безответственные утверждения Гувера».

Тогда ФБР решило выждать и «обеспечить» свой «фрэйм ап» как можно лучше. Судебный процесс в Гаррисберге открылся только 24 января 1972 года. Это был процесс-монстр; делалось все, лишь бы добиться желаемого результата.

По чистой случайности фамилия судьи была Линч. Гувер явно рассчитывал, что и действовать он будет в соответствии со своим именем. Для надежности среди 64 свидетелей обвинения находилось 20 агентов ФБР.

Слушание дела тянулось шесть недель. Решающим моментом процесса было появление в зале суда Бойда Дугласа. Коронный свидетель обвинения показал себя как заведомый лгун и обманщик, дающий показания за деньги. На суде была названа полученная им огромная сумма — 50 тысяч долларов. Этой сумме не приходится удивляться, ибо в бюджете ФБР имеется специальная статья, по которой подобные суммы ежегодно выплачиваются таким субъектам, как Дуглас. В 1970 году они составили вместе с теми деньгами, которые получил Дуглас, 12 миллионов долларов.

Положительному исходу процесса против «семерых из Гаррисберга» решающим образом содействовал человек, возглавлявший защиту и хорошо знавший практику ФБР, — адвокат Рамсей Кларк. В качестве преемника Роберта Кеннеди он несколько лет был министром юстиции США. Незадолго до процесса Гувер в интервью газете «Вашингтон пост» заявил, что его недавний начальник «хуже, чем Бобби Кеннеди», и охарактеризовал его как «медузу и размазню».

Поводом для такого неслыханного публичного оскорбления послужила незадолго перед этим вышедшая книга Кларка «Преступность в Америке», в которой, в частности, критиковалось ФБР за неспособность справиться со взрывом преступности. «Гувер предается такому самовозвеличению, — писал Кларк, — что под его руководством ФБР предпочитает совсем не бороться с организованной преступностью, нежели согласовывать свои действия с другими полицейскими органами. В акциях, которыми не может командовать он сам, Гувер участия вообще не принимает».

Разумеется, подобные оценки из уст компетентного человека сильно задели шефа ФБР, отсюда понятна и его злобная реакция. Рамсей Кларк, который после своей отставки резко критиковал политику США по вьетнамскому вопросу, воспользовался теперь процессом против «семерых из Гаррисберга», чтобы выступить еще с некоторыми разоблачениями сыскной практики ФБР. Его ходатайства вызвать Гувера в качестве

свидетеля, а также допросить мнимую жертву — Киссинджера суд отклонил.

Это явилось достаточно ясным признанием поражения ФБР, и потому Кларк ограничился самой краткой заключительной речью, которую когда-либо он произнес в качестве защитника: «Мы стремимся к миру, мы постоянно стремимся к миру. Моя защитительная речь закончена». В конце апреля 1972 года обвиняемые были оправданы присяжными.

Но успех был достигнут не только в зале суда, ибо борьба обвиняемых и их защитников была поддержана мощными манифестациями по всей стране. Во встрече протеста в Гаррисберге приняли участие представители всех прогрессивных кругов, в том числе пастор Ральф Абернети, сестра Анджелы Дэвис — Фания Дэвис-Джордан, а также Даниэль Эллсберг, опубликовавший секретные документы Пентагона. Как и в деле Анджелы Дэвис, провалившийся «фрэйм ап» против «семерых из Гаррисберга» показал широту антиимпериалистического фронта, который сумел сорвать этот чудовищный заговор.

Но, несмотря на все провалы с «подсадными утками» и провокаторами, ФБР и в дальнейшем не отказалось от своей коварной практики — использования секретных агентов.

Один из них, Томас Тонквай, по кличке Томми-путешественник, творил свое грязное дело в университетах. По крайней мере в пяти из них он выдавал себя за представителя организации «Студенты за демократическое общество», которому якобы дано задание побудить «революционных» студентов заняться изготовлением бомб, а также научить их стрелять. Но когда он однажды предложил поджечь студенческое общежитие в небольшом городке Деневе, неподалеку от Нью-Йорка, это показалось его товарищам слишком провокационным. Они как следует отлупили Томми, и тот сознался: да, это ФБР поручило ему толкнуть левые студенческие группы на путь терроризма, чтобы затем ликвидировать их, как «организации преступников».

Несколько большего успеха в том же ремесле добился некий «коммерсант» в северо-западном штате Вашингтон. ФБР также нацелило его на молодежные организации. Этот агент, имя которого так и осталось

неизвестным, снабжал молодежные клубы зажигательными устройствами, взрывателями и оружием, подбрасывал молодежи «боевые» лозунги: «Бить полицию, служить народу!». Спустя год он настолько прибрал к рукам одну группу подростков, что те были готовы на любое безумие. Но «в нужный момент» вмешалась полиция, и состоялся процесс против «семерых юных ультралевых из Сиэтла», которые на суде все-таки сумели разоблачить провокатора.

«Уотергейт»

Бегство в Калифорнию

«Уотергейт» слывет одним из самых фешенебельных отелей Вашингтона. Он находится на Вирджиния-авеню (в непосредственной близости от отдела идентификации ФБР) и предоставляет платежеспособной публике то, что она считает необходимым для поддержания своего реноме: роскошные апартаменты, великолепно обставленные и оборудованные деловые помещения и кабинеты. Поэтому неудивительно, что в 1972 году, когда предстояли президентские выборы, представители обеих крупных партий — республиканской и демократической — избрали «Уотергейт» своей резиденцией. Целый этаж с 26 помещениями занял под избирательный центр национальный комитет демократической партии; отсюда позднее повел борьбу за Белый дом Джордж Макговерн. Зримые затраты республиканцев выглядели по сравнению с этим несколько скромнее. Двумя этажами выше разместился лишь Джон Н. Митчелл со своей супругой Мартой.

Митчелл уже руководил избирательной кампанией республиканцев в 1968 году и был за это вознагражден Ричардом Никсоном — получил пост министра юстиции. Но весной 1972 года Митчелл вышел из состава правительства, чтобы возглавить «Комитет по переизбранию президента Никсона». Таким образом, из «Уотергейта» шел прямой провод — причем не только в переносном, но и в буквальном смысле слова — к будущему хозяину Белого дома.

17 июня 1972 года, около 2 часов 30 минут ночи, вахтер-негр Фрэнк Уиллс неторопливо обходил коридоры «Уотергейта». На шестом этаже его внимание привлекли какие-то странные звуки. Он прислушался. Все ясно: в помещение демократов проникли взлом-

щики! Фрэнк Уиллс потихоньку удалился и затем бросился к телефону. «Здесь, в «Уотергейте», гангстеры! — в большом возбуждении сообщил он, как только ответила полиция. — Сколько? Не знаю. Но прямо в помещении партии. Приезжайте быстрее!»

Оперативные машины тут же помчались по ночному Вашингтону, но к «Уотергейту» они подъехали с величайшей осторожностью. Поэтому взломщики заметили прибытие полицейской команды слишком поздно. После короткой рукопашной схватки пятеро злоумышленников были арестованы. Но дальше вашингтонскую полицию ожидал ряд неприятных сюрпризов, и она сама уже была не рада, что впуталась в это дело.

Когда в полицейском участке, куда доставили арестованных, установили их личности, выяснилось, что в сеть попались отнюдь не обычные грабители, а довольно известные люди.

Главарем взломщиков оказался подполковник Джеймс У. Маккорд, давний агент ФБР и ЦРУ, а теперь ответственный за безопасность «Комитета по переизбранию президента Никсона» и, таким образом, ближайший сотрудник Джона Н. Митчелла. Это именно он снискал себе сомнительные лавры, взломав квартиру Анджелы Дэвис.

Рядом с Маккордом на скамье в полицейском участке сидели Б. Баркер и Фрэнк Стэрджис, оба — участники нападения на Кубу в заливе Кочинос в 1961 году, и, наконец, Эуджинио Р. Мартинес и Вирджилио Р. Гонсалес — два кубинских контрреволюционных эмигранта.

Следующий сюрприз преподнесло расследование на месте преступления. Арестованные вовсе не имели намерения что-либо унести, напротив, они хотели кое-что внести. Были обнаружены различные электронные приборы, специальные кинокамеры и прочее оборудование, предназначенное для того, чтобы, как выяснилось в дальнейшем, полностью доукомплектовать встроенную еще в мае 1972 года установку для подслушивания. Тем самым на свет божий выплыла примечательная сторона борьбы республиканца Никсона против его противников из демократической партии.

В ту же ночь, спустя всего несколько часов после телефонного звонка вахтера Уиллса, в расследование включилось ФБР. Однако сам взлом и последующие

действия полиции сразу же вызвали в «Уотергейте» такое возбуждение, что утаить что-либо стало невозможно. Различные утренние газеты, симпатизировавшие демократической партии, уже сообщили о происшедших событиях, назвав и имена пяти арестованных.

Вскоре во взаимосвязи с вторжением в «Уотергейте» заговорили и еще о ряде видных лиц. Так, свидетели показали, что видели в ту ночь поблизости от «Уотергейта» Э. Говарда Ханта, давнего сотрудника ЦРУ, занимавшего под конец должность консультанта президента (в частности, по проблемам борьбы с наркотиками) и даже имевшего в Белом доме собственный кабинет. Как выяснилось позже, он отвечал за надежную доставку дорогостоящей высокотехнологичной электронной аппаратуры. После ареста своих сообщников он поначалу бесследно исчез.

Финансовое обеспечение операции «Уотергейт» было поручено сотруднику ФБР Гордону Лиди, во время предвыборной борьбы тоже являвшемуся сотрудником «Комитета по переизбранию президента Никсона». Проект установки устройства для подслушивания финансировался из специального избирательного фонда, созданного Митчеллом и еще одним экс-министром — Морисом Стэнсом. Были израсходованы большие суммы, размер которых удалось выяснить лишь впоследствии. Лиди же должен был позаботиться, чтобы деньги шли кому и куда надо.

Но больше всего провал ночной акции ошеломил поутру 17 июня мистера Джона Н. Митчелла, отошедшего вечером ко сну с твердой уверенностью в успехе. Ведь недаром же все нити сходились в руках Маккорда и Ханта, людей из республиканской руководящей верхушки; к тому же все участники обладали опытом службы в ЦРУ или ФБР, а потому никаких «накладок» не ожидалось. Так, во всяком случае, считал экс-министр.

Когда же его проинформировали по телефону о случившемся, он просто потерял голову, побросал вещи в чемоданы и вместе с женой срочно вылетел самолетом в направлении Ньюпорт-Бич, морского курорта южнее Лос-Анджелеса в Калифорнии, подальше от событий в столице. Это внезапное исчезновение Митчелла породило в вашингтонском центре ФБР большие опасения: оно боялось, что паническое бегст-

во главы республиканского руководящего штаба может привести к еще большей беде. Патрик Грей, с недавнего времени исполнявший обязанности директора ФБР, взял это щекотливое дело в собственные руки и в сопровождении одного из сотрудников бюро лично отправился вслед за своим товарищем по партии в калифорнийский курортный городок.

19 июня Джон Н. Митчелл в заявлении для прессы патетически заверил, что республиканская партия не имеет ничего общего со взломом в «Уотергейте». «Участники, — сказал он, — действовали не по нашему заданию и без нашего ведома». Аналогичным образом высказался и президент Никсон: «Белый дом не имеет к инциденту ни малейшего отношения».

Поскольку закулисные причины «уотергейтского инцидента» были тогда для общественности еще в значительной мере темны, то заявление Митчелла, сделанное им в первый день июля, вызвало всеобщее удивление. Он сообщил, что слагает с себя все функции в республиканской партии, поскольку хочет «целиком посвятить себя жене».

Фальсификаторы за работой

Затем в «уотергейтском скандале» наступила спокойная фаза. В середине сентября суд возбудил дело против пяти взломщиков, а также против Ханта и Лиди, но тут же отложил его слушание до января 1973 года. Официально было заявлено, что речь идет о мелких взломщиках, а поскольку президентские выборы уже на носу, не стоит омрачать это событие уголовным делом.

В то время никто из участников взлома больше не проронил об «уотергейте» ни слова, да и демократическая партия еще не сумела извлечь для себя из этой аферы никакой непосредственной пользы.

Весь ход предвыборной борьбы в 1972 году был беспрецедентен по своему интриганству. Наиболее перспективным кандидатом от демократов долгое время считался сенатор Маски. Но вскоре дела у него пошли вкривь и вкось. Различные лица, финансировавшие его избирательную кампанию, вдруг стали получать письма или телефонограммы, в которых сенатор извещал, что больше ни в каких денежных по-

жертвованиях не нуждается, поскольку уже располагает достаточными средствами. Как выяснилось позже, все это было чистейшими фальшивками.

Многие предвыборные встречи Маски с избирателями срывались, так как по радио и телевидению распространялись слухи, будто сенатор не сможет прибыть. Подготовленные речи вдруг исчезали из его портфеля; в другой раз ему подсовывали фальшивый план поездки, так что где-то люди напрасно ожидали Маски, а он в это самое время с удивлением стоял перед пустым залом в другом месте. В прессе появлялись факсимиле писем, в которых Маски изобличал своего соперника по партии Губерта Хемфри как участника сексуальных оргий,— и это тоже было делом рук фальсификаторов.

Маски не выдержал и отступился. Тогда счастья решил попытать Джордж Макговерн, и съезд демократической партии дал на то свое согласие. Теперь предвыборные собрания больше не срывались — диффаматоры избрали другую тактику. Так, например, штаб избирательной кампании республиканцев нанял группу молодых парней, которые повсюду следовали за Макговерном. На предвыборных собраниях они во все горло орали, что являются представителями «освободительного фронта гомосексуалистов», размахивали транспарантами с портретом своего мнимого идола — кандидата в президенты — и выкрикивали: «Вот наш человек! Гомосексуалисты, выбирайте Макговерна!»

Но поскольку такие методы не могли долгое время оставаться нераспознанными, в конце концов решили организовать аферу вокруг кандидата демократов на пост вице-президента — сенатора Томаса Иглтона, который много лет назад однажды лечился в клинике от нервного истощения. Вдруг его история болезни исчезла из архива больницы, и вскоре записи ее стали появляться на страницах определенных газет. «Если Макговерн будет избран, а потом с ним что-нибудь случится,— писали эти газеты,— то мы будем иметь президентом Иглтона — потенциального душевнобольного. Болезнь может в любое время вспыхнуть снова».

Итак, Макговерну пришлось искать себе нового «вице». Его выбор пал на Сарджента Шрайвера, родственника убитых братьев Кеннеди. Но Макговерн

не мог воспрепятствовать тому, что и Шрайвер еще до выборов в результате интриг никсоновского штаба оказался «конченным» человеком.

Маккорд «раскалывается»

8 января 1973 года в Вашингтоне начался перенесенный с сентября 1972 года предварительный процесс по делу о «семерых из «Уотергейта»». Он был разыгран как по нотам и закончился 23 марта вынесением приговора: обвиняемые получили от шести до 40 лет тюремного заключения, кроме того 40 000 долларов денежного штрафа. Однако при ближайшем рассмотрении первоначальное недоумение, вызванное удивительно строгой мерой наказания, быстро рассеивалось.

Семеро обвиняемых были разделены на две группы. Пятеро, сразу же признавшие себя виновными, по действующему процессуальному кодексу уже не должны были допрашиваться по делу и сообщать что-либо о лицах, давших им поручение. Итак, «упрощенное судопроизводство», как и в деле Рея — убийцы Мартина Лютера Кинга. Один из этой пятерки, Э. Говард Хант, выболтал репортерам журнала «Тайм», что будет с приговоренными дальше: за каждый месяц отсидки каждый из них получит не меньше 1000 долларов компенсации, а потом, когда все травой порастет, президент Никсон объявит помилование.

Иная роль выпала обоим сотрудникам ФБР — Джеймсу У. Маккорду и Дж. Гордону Лиди. Они должны были во что бы то ни стало утверждать свою невиновность. Речь шла не только о чести мундира сотрудников ФБР, но и — в гораздо большей степени — о новом ходе в игре.

7 февраля 1973 года сенат образовал давно запланированную специальную комиссию под председательством сенатора-демократа Сэма Эрвина для расследования обстоятельств «уотергейтского дела». Поскольку большинство голосов в комиссии имели демократы (четверо против трех), манипулировать ею было не так-то просто, и штаб Никсона решил, что самой благоприятной тактикой явится затягивание ее работы. Если же дело все-таки дойдет до осуждения «невиновных», тогда можно будет начать долгий путь его про-

хождения через апелляционные инстанции. Все это время специальной комиссии придется бездействовать, так как законы не позволяют ей вмешиваться в еще не законченное судопроизводство.

Но этому плану не суждено было осуществиться, и Маккорд, до тех пор находившийся на свободе, был по приказу судьи взят под стражу. «Арест без права освобождения под залог» — указывалось в дополнительном распоряжении. Арестом Маккорда в последние дни марта 1973 года была приведена в движение мощная лавина, и для США начался тяжелейший со времени их образования внутривластный кризис.

Маккорд письменно сообщил суду, что готов вновь дать показания, ибо все предшествующее слушание дела было сплошным фарсом — с лжеприсягами, лжесвидетельствами, давлением на обвиняемых и угрозами. Несмотря на возможные репрессии, он желает говорить, но только ни в коем случае не перед какими-либо органами ФБР. В трех дальнейших заявлениях Маккорд сообщил, что взлом в «Уотергейте» готовился рядом видных сотрудников администрации Никсона или же они, по меньшей мере, были информированы о нем. К числу этих лиц принадлежали: Джеб Стюарт Магрудер, высокопоставленный чиновник министерства торговли, а в 1972 году — один из менеджеров избирательной кампании Никсона; юридический советник президента Джон Дин; начальник административного аппарата Белого дома Роберт Холдеман; советник Никсона по внутривластным делам Джон Эрлихман и — последний по порядку, но не по значению — Джон Митчелл.

Первым отреагировал Магрудер. Он признал, что ему было известно об этой акции, и обвинил Дина и Митчелла в том, что они несут главную ответственность за ее организацию. 26 апреля 1973 года ему пришлось уйти со своего высокооплачиваемого поста в министерстве торговли, поскольку стало известно также и то, что перед взломом он выплатил Лиди — «министру финансов» «уотергейта» — 199 тысяч долларов. Общая сумма секретного фонда, из которого республиканцы в год президентских выборов финансировали свои шпионские и подрывные действия против демократической партии, исчислялась в 900 тысяч долларов.

С отставкой Магрудера началось то, что Генри Киссинджер назвал «оргией взаимных обличений». Разоблачения и обвинения, опровержения и признания, увольнения и отставки сменяли друг друга. Начиная с 26 апреля одна акция стремительно следовала за другой.

27 апреля Никсон сместил со своего поста исполнявшего обязанности шефа ФБР Патрика Грея за то, что он слишком много выболтал специальной комиссии сената насчет тесного сотрудничества между ФБР и Белым домом в предвыборной борьбе и уничтожил документы следствия по «уотергейтскому делу».

Всего через несколько часов президент назначил новым директором ФБР Уильяма Д. Рукельхауза (бывший министр юстиции, а с 1971 года — глава службы охраны окружающей среды). Но и он пробыл на этом посту чуть больше месяца, так что в начале июня федеральное криминальное ведомство получило нового, третьего за 1973 год шефа — Кларенса Мариона Келли. Он служил в ФБР с 1940 года и до этого назначения был начальником полиции в Канзас-Сити (штат Миссури).

Вслед за Греем был принесен в жертву новый министр юстиции Ричард Клайндинст. 30 апреля он подал в отставку, официально обосновав ее тем, что при расследовании «уотергейтского дела» натолкнулся «на имена друзей и знакомых». В тот же день пришлось распрощаться со своими постами Джону Дину, Роберту Холдеману и Джону Эрлихману, а вечером все того же 30 апреля президент Никсон, сидя перед телевизионными камерами, охарактеризовал эти увольнения как «одно из самых тяжелых решений», которые ему когда-либо пришлось принимать в жизни, восхвалял бывших сотрудников и заверял, что сам он об «уотергейтской акции» заранее ничего не знал. 40 процентов граждан США, как установил институт Гэллапа, занимающийся изучением общественного мнения, сочли эти заявления Никсона не заслуживающими доверия.

Кончина Гувера

2 мая 1973 года ФБР добавило к длинному списку своих весьма примечательных акций новый трюк — налет джи-менов на Белый дом. Команда во главе с

новым шефом ФБР Уильямом Д. Рукельхаузом ворвалась в официальную резиденцию Никсона, где дело дошло до рукопашной с сотрудниками «Сикрит сервис» — того небольшого подразделения, которое несет ответственность за охрану президента. Люди ФБР одержали верх. Они заняли служебные помещения трех уволенных советников президента — Дина, Холдемана и Эрлихмана. Джи-менам не составило особого труда вскрыть находившиеся там стальные несгораемые шкафы и стенные сейфы. Особенно тщательно произвели они обыск в кабинете Джона Эрлихмана, где в их черные кожаные сумки перекочевали толстые пачки документов.

Целью этого налета, естественно, была конфискация материалов «уотергейтского дела» (тем самым стремились не допустить дальнейшего нарастания скандала), но одновременно и ряда других документов. Чтобы понять причины происшедшего, надо вернуться к недавнему прошлому, в частности к 1969 году.

Различные газеты публиковали тогда время от времени отдельные, не подлежащие оглашению сообщения из Вьетнама; президент предполагал утечку информации где-то через «щели» в его ближайшем окружении. Поэтому вскоре после вступления на пост Никсон распорядился установить слежку за некоторыми своими личными сотрудниками.

Собственно говоря, это было делом ФБР. Но Никсон решил создать для данной и тому подобных целей собственную, личную секретную службу. Гувер этому противился, так как опасался — и не без оснований — ограничения своей власти, которая как раз и зиждилась на системе тотальной слежки. Однако боссу ФБР, после того как непосредственный начальник, министр юстиции Джон Митчелл, энергично поставил его на место, пришлось подчиниться.

Но то была лишь видимость капитуляции, ибо Гувер, со своей стороны, установил надзор за маленькой сыскной группой президента, которую, кстати, возглавлял не кто иной, как вышеупомянутый Джон Эрлихман. Все телефонные разговоры подслушивались и тщательно протоколировались.

Каким-то образом группе Эрлихмана все же удалось определить, что Гувер следит за ней, и реакция ее последовала незамедлительно. Личная гвардия прези-

дента организовала весной 1971 года взлом в штаб-квартире ФБР, забрала все протоколы подслушивания, перевезла их в Белый дом и спрятала в сейфах кабинета Джона Эрлихмана.

Обнаружив исчезновение столь драгоценного материала, Гувер поклялся отомстить и поручил своему заместителю Марку У. Фелту официальное расследование взлома в штаб-квартире ФБР. Тогдашнему заместителю министра юстиции Клайндинсту он сообщил по телефону, что предстоит публикация весьма неприятных для Белого дома документов. Но сделать этого он не успел: 2 мая 1972 года Дж. Эдгар Гувер скончался.

Удивление вызвало уже само официальное сообщение, в котором подчеркивалось: «Он умер естественной смертью». Эта обратившая на себя внимание фраза допускала предположение, что, очевидно, все произошло не так уж естественно. Почему, задавали многие вопросы, сочли необходимым столь необычным образом отметить естественную причину смерти? Слухи об убийстве Гувера усиливались, поскольку обещанные им акции реванша со стороны ФБР так и не последовали. Но слухи остались слухами; версия убийства Гувера допускалась многими, но подтверждена не была.

Если ФБР надеялось, что, очистив 2 мая 1973 года сейфы Белого дома, оно сумеет восстановить полностью своей власти и закрыть шлюзы «уотергейта» (что значит по-английски «водные ворота») перед новыми волнами обвинений, то оно обманулось.

4 мая Джон Дин, уволенный юридический советник Никсона, заявил, что хочет выложить все как есть, если ему будет гарантировано освобождение от наказания за участие в заговоре. Президент, сообщил он далее, был в курсе всех маневров по сокрытию истины; Никсон самолично хвалил его за это вскоре после предъявления обвинения «семерым из «Уотергейта»». Шеф встретил его тогда в Белом доме со смехом: «Хорошая работа, Джон! Мы и дальше будем держать крышку закрытой!» А 13 марта 1973 года президент заверил его, что раздобыть миллион долларов для платы за молчание — не проблема.

Дабы произвести особенно сильное впечатление, Дин публично передал сотрудникам министерства

юстиции ключ от банковского сейфа, в котором (из страха, что они могут быть уничтожены) депонировались секретные документы об «уотергейте».

То ли документы эти не обладали большой взрывной силой, то ли Дин недооценил возможности Никсона, во всяком случае, желанного освобождения от наказания ему обещано не было. Президент отменил наказание Дина. Но он не смог помешать тому, что в дальнейшем интерес общественности все более концентрировался на роли «первого человека в государстве» в уголовном «уотергейтском деле».

А тем временем следовали новые отставки и увольнения сотрудников правительства: до середины мая 1973 года их было двенадцать.

Бумаги из Санта-Моники

Судья Мэтт Байрн заявил перед судом присяжных в Лос-Анджелесе: «Судебный процесс против Даниэля Эллсберга и Энтони Рассо после 98-го дня слушания дела прекращается без назначения какой-либо даты его возобновления, ибо поведение правительства сделало честный и беспристрастный приговор присяжных невозможным».

Это дело началось 13 июня 1971 года независимо от «уотергейта», но затем некоторые нити их переплелись. В тот день «Нью-Йорк таймс» ошеломила читателей первой публикацией секретных документов о войне во Вьетнаме. Они узнали, к примеру, как правительство Джонсона инсценировало «инцидент в Тонкинском заливе», чтобы тем самым создать предлог для бомбардировки Демократической Республики Вьетнам.

ФБР немедленно включилось в расследование, и вскоре источник этих «секретных бумаг Пентагона» стал известен: «Рэнд корпорейшн» в Санта-Монике (Калифорния) — крупнейший из 12 «мозговых центров» военно-воздушных сил США. Здесь работал доктор Даниэль Эллсберг. Сначала ученый-математик был безоговорочным сторонником американской агрессии во Вьетнаме, но затем личные впечатления от кровавых расправ с гражданским населением в Юго-Восточной Азии сделали его противником войны. Дабы разоблачить подлинных организаторов американской

агрессии во Вьетнаме, он передал прессе различные документы, а затем добровольно отдал себя в руки органов юстиции. «Я готов отвечать за совершенное мной, но я не считаю это преступлением», — заявил он.

Полный успех судебного процесса против Элсберга и его друга и помощника Рассо после того, как Верховный суд США вынес решение, что газеты страны имели право публиковать «бумаги Пентагона» (вопрос об уголовном преступлении Элсберга при этом не являлся предметом обсуждения), стал делом сомнительным. Белый дом, ЦРУ и ФБР в данном случае были едины: чтобы ослабить эффект опубликованных прессой документов и прежде чем приговорить Элсберга к длительному тюремному заключению, надо в первую очередь запятнать его репутацию. Началась игра с заранее распределенными ролями.

В один из сентябрьских дней 1971 года в салоне реактивного лайнера, летевшего из Вашингтона в Лос-Анджелес, сидели двое мужчин. Документы на чужое имя, парики и грим призваны были замаскировать их внешность и миссию. Это были агент ЦРУ Говард Хант и агент ФБР Гордон Лиди. Через несколько месяцев они оказались в числе организаторов взлома в «Уотергейте». Но и сейчас цель их была не менее уголовной: взлом в лечебнице доктора Льюиса Филдинга — врача-психиатра, наблюдавшего Элсберга. Следует иметь в виду, что такое медицинское курирование интеллигентов в США зачастую обычно.

С ловкостью матерых домушников Хант и Лиди проникли в ординаторскую и перерыли все шкафы и картотеки, не оставив при этом даже отпечатков пальцев. Но несколько часов упорных поисков ничего не дали, и взломщикам пришлось убраться несолоно хлебавши. Историю болезни Элсберга они не нашли. Собственно говоря, они лишь хотели снять с нее фотокопию, чтобы потом на ее основе сфабриковать дискредитирующую Элсберга «стори».

Поскольку это не вышло, после начала судебного процесса против Элсберга и Рассо в январе 1973 года Белый дом откровенно вмешался в дело. В Сан-Кlemente, летнюю резиденцию Никсона в Калифорнии, чтобы переговорить с приглашенным туда судьей Байрном, вылетел Джон Эрлихман. Этот человек с

располагающей к доверию фамилией (Ehrlichmann по-немецки — «честный человек». — *Перев.*) предложил сделку: судья быстренько закончит процесс осуждением обоих обвиняемых, за что будет вознагражден назначением на пост шефа ФБР. Но Байрн оказался честнее, чем предполагал Эрлихман, и от дурнопахнущей сделки отказался.

Тогда ФБР предприняло все возможное, чтобы добиться в Лос-Анджелесе признания Элсберга и Рассо виновными. Бюро поручили организовать слежку за Элсбергом, оно подслушивало его телефонные разговоры, перлюстрировало его корреспонденцию. Но компрометирующего материала не набиралось. Когда же для ФБР настало время доложить суду присяжных о результатах своих расследований, все материалы вдруг «пропали». Некоторые наспех сфабрикованные обвинения оказались явно несостоятельными.

При расследовании «уотергейтского дела» стало известно и о взломе в лечебнице. Из Вашингтона поступило письменное признание бывшего советника президента Иджила Крога. Он сознался, что дал такое задание Ханту и Лиди. Судье Байрну не оставалось ничего иного, как прекратить процесс.

Итак, цель — осуждение Элсберга — достигнута не была, ФБР и Никсон потерпели поражение. Что касается президента, то тут еще добавились новые подозрения насчет его личной причастности к криминальным действиям. Но он старался казаться спокойным и деловитым, по-прежнему утверждая, что о взломе в Лос-Анджелесе ничего не знал. По распоряжению президента от 5 мая всем бывшим и настоящим его сотрудникам впредь запрещалось высказываться по поводу «дел, касающихся национальной безопасности». Это значило: ни слова об «уотергейте», ни слова об Элсберге, а тем более о личных беседах и разговорах с Никсоном в Белом доме.

Тем не менее разоблачения в «уотергейтском деле» шли своим чередом. Джон Дин, вызванный в специальную сенатскую комиссию под председательством сенатора Эрвина, не стал держать язык за зубами: протокол его показаний насчитывает 245 страниц. Правда, не все в нем заслуживало доверия, ибо Дин стремился прежде всего спасти свою шкуру. «Если Дин лгал, — комментировал журнал «Ньюсвик», — то ложь

его была самой всеобъемлющей, самой детализированной, самой тщательно подготовленной во всей долгой истории лжи».

Сенатор Сэм Эрвин призвал президента лично высказать в сенатской комиссии свое отношение к событиям. Но Никсон отказался, подчеркнув, что его «ответственность перед конституцией» не позволяет ему выступить перед комиссией, а в надлежащее время он сделает соответствующее заявление.

«Каждый день — новый кризис»

Пришло лето, а с ним и начало работы второй комиссии по расследованию «уотергейтского дела» под председательством вашингтонского окружного судьи Джона Сирики. Она должна была сконцентрировать свое внимание исключительно на криминальных аспектах этого дела, тогда как конгрессменам во главе с Сэмом Эрвином было поручено «всестороннее выяснение». И наконец, дабы окончательно запутать дело, появилась еще и третья инстанция. Специальный прокурор Арчибальд Кокс получил от министерства юстиции задание расследовать «уотергейтскую историю», для чего он в свою очередь создал небольшой отдел.

Даже наблюдатели в Вашингтоне вскоре потеряли представление о ходе дела: росли просто необозримые горы обвинений и опровержений, лжесвидетельств, обвинений и заверений в невиновности. Одни только протоколы комиссии Эрвина тем временем превысили объем в 7000 страниц. В центре внимания, как и прежде, стоял вопрос о доле вины президента. И вдруг представилась возможность внести окончательную ясность.

При допросе в сенатской комиссии свидетеля Александра Баттерфилда тот между прочим упомянул о небольшой прихоти президента. В 1970 году Никсон дал ему, являвшемуся ответственным за вопросы безопасности, странное задание: установить в его рабочих помещениях в Белом доме и в Кэмп-Дэвиде, а также на его личных телефонных аппаратах устройства для автоматической записи разговоров на магнитную пленку. Пусть потомки получают полное представление о его пребывании на посту президента.

Между Джоном Дином и Никсоном имели место многочисленные беседы с глазу на глаз; по показаниям бывшего юридического советника Белого дома, темой их был «уотергейт». Президент выступил с опровержением: говорили о чем угодно, только не об этом.

Но теперь выяснилось, что все эти беседы записаны на магнитофонную пленку. Достаточно лишь прослушать записи, чтобы решить вопрос о виновности или невиновности президента. Итак, сенатор Эрвин затребовал эти записи; то же самое сделал и специальный прокурор Кокс.

Вся страна напряженно ожидала ответа президента. Он был дан немедленно. «Нет, магнитофонные записи предоставлены не будут, потому что это наносит ущерб престижу президента. Достаточно слова президента, а оно уже сказано», — ответил его пресс-секретарь.

Таково было положение в начале августа 1973 года. Никсон все время пытался как-то отвлечь внимание от «уотергейта».

«В Новом Орлеане раскрыт заговор с целью убийства президента Никсона» — это сообщение появилось сразу же, как только стала известна история с магнитофонными записями из Белого дома. В течение нескольких дней публиковались сообщения о том, как бесстрашные джи-мены преследовали таинственного бывшего полицейского, который был вооружен до зубов и замыслил покушение на жизнь президента. Сотрудники ФБР не раз наступали на пятки злодею, пока все дело не закончилось пшиком. Да, Келли — новому шефу ФБР — было еще далеко до Гувера, который наверняка разыграл бы это «шоу» более ловко и более утонченно. Таким образом, вскоре эта акция ФБР была распознана как отвлекающий маневр.

Между тем уголовная история с вице-президентом Спиро Т. Агню протекала, вне всякого сомнения, незапрограммированно и создала ряд помех. 1 августа 1973 года Агню получил из Балтимора от федерального прокурора Джорджа Билла письмо, в котором тот ставил Агню в известность, что против него начато следствие по обвинению во взяточничестве, уклонении от уплаты налогов и вымогательстве. Будучи в 1962—

1966 годах главой администрации Балтиморского округа, а затем, в течение последующих двух лет, губернатором штата Мэриленд, тогдашний «вице» брал взятки от многих фирм, давая за то государственные заказы. Благодаря этому доход его повысился на 1000 долларов в неделю, налогов с которых он, само собой разумеется, не платил.

Эти факты стали известны в связи с еще одним случаем подкупа. Более двадцати бизнесменов из Балтимора заявили о своей готовности дать суду показания относительно финансовых проделок Агню. Все это — «одна сплошная гнусная ложь!» — заявил Агню журналистам.

Президенту Никсону надо было теперь на что-то решиться. Он мог попытаться «прикрыть» своего заместителя, мог, пользуясь своей властью, даже отказаться дать согласие на расследование, начатое федеральной прокуратурой. Альтернативой было полное раскрытие темных делишек вице-президента, «зеленый свет» федеральному прокурору. Тем самым можно было бы попытаться показать общественности, что никто не застрахован от упущений и ошибок, даже если он является вторым человеком в государстве. Такое решение могло засвидетельствовать, что сам президент объективен и честен и уже по одному этому не может иметь ничего общего с «уотергейтом». Никсон решил на второй вариант и дал пасть Спиро Агню.

В федеральном суде в Балтиморе состоялся процесс, на котором в пользу обвиняемого была применена одна особенность уголовного права США. Агню сразу же признал себя виновным по одному из пунктов обвинения, а именно в сокрытии имущества от уплаты налогов. В результате этого *nolo contendere* (что означает примерно «невозможно оспаривать») все остальные пункты обвинения автоматически отпали.

10 октября 1973 года был объявлен приговор: вице-президент Соединенных Штатов Америки Спиро Т. Агню приговаривается к тюремному заключению на три года условно, с трехлетним испытательным сроком, и к денежному штрафу в сумме 10 тысяч долларов. В тот же день Агню подал в отставку. То был беспрецедентный случай во всей почти 200-летней ис-

тории США и тем не менее всего лишь эпизод в ряду внутривнутриполитических скандалов 1973 года.

Маневр с Агню действительно дал президенту передышку в «уотергейтском деле», однако весьма короткую. А затем ситуация драматически обострилась, причем, как и прежде, все крутилось вокруг магнитофонных записей. Распоряжение судьи Сирики об изъятии магнитофонных записей было подтверждено апелляционной инстанцией.

Тогда Никсон потребовал от специального прокурора Кокса прекратить рассмотрение дела, но натолкнулся на отказ. Президент, не долго думая, сместил Кокса с должности.

В тот же день потерял свой пост и Уильям Рукельхауз, являвшийся с конца апреля до начала июня 1973 года шефом ФБР и одновременно заместителем министра юстиции. Он поплатился за несогласие со слишком бесцеремонными методами своего патрона.

Решения президента вызвали возмущение большинства конгрессменов, стали раздаваться требования «импичмента» — рассмотрения вопроса об отстранении президента от должности. За время «уотергейтского скандала» оно выдвигалось многократно, но еще ни разу не звучало с такой настойчивостью.

Тревога и приведение войск в повышенную боевую готовность в связи с октябрьскими событиями 1973 года на Ближнем Востоке тоже были поняты политическими и журналистскими кругами США как маневр, призванный отвлечь внимание от острой внутривнутриполитической обстановки в стране. Никсону, писал известный публицист Джеймс Рестон, «каждый день нужен кризис, чтобы оградить себя от кризиса внутри страны». Британское информационное агентство Рейтер комментировало: «Правительство США спутало серьезный международный кризис со своими внутренними проблемами, вызванными «уотергейтской аферой»».

Государственный секретарь Киссинджер косвенно подтвердил это на одной пресс-конференции: «Когда высказывается мнение, что Соединенные Штаты объявили боевую готовность своих вооруженных сил, исходя из внутривнутриполитических соображений, это уже симптом того, что происходит в нашей стране».

23 октября Никсон вдруг уступил и заявил, что готов передать магнитофонные записи судье Сирике. Однако, как выяснилось в дальнейшем, собрание записей оказалось неполным. Важные пассажи были «по недосмотру размагничены». Специалистам по электронике пришлось детально изучить пленку. А время все шло, проходили недели. До конца 1973 года о записях больше ничего слышно не было. Последнее, что стало известно,— это то, что с записями действительно были произведены какие-то манипуляции. Эксперты сената смогли доказать, что стерты записи продолжительностью звучания 18 минут.

Оставался открытым и вопрос об участии Никсона в подготовке взлома в «Уотергейте» или, как минимум, о том, знал ли он о его подготовке. Но каков бы ни был ответ, «уотергейтское дело» ясно показало механизм осуществления власти при современном империализме, ибо никогда еще политика и уголовщина в самых высших правительственных кругах США не переплетались между собой так тесно¹.

ФБР принимало в этом неопровержимо доказанное участие: оно поставляло тех, кто осуществлял взлом, а затем всячески помогало скрыть и замять это скандальное дело.

¹ Как известно, политический скандал, вызванный «уотергейтским делом», привел вскоре к отставке Р. Никсона. Судя по публикациям американской печати, к организации этого скандала были причастны влиятельные монополистические круги, которые были недовольны некоторыми аспектами политики Никсона. По мере своего разрастания «уотергейт» принимал характер общенационального кризиса доверия к институтам власти.— *Прим. перев.*

Документы из Мидии

Агенты ФБР, заявляет герой популярных романов джи-мен Джерри Коттон, посвятили свою жизнь борьбе с гангстерами, поэтому им дозволено иногда быть и жестокими. Только так, мол, они могут одержать верх и помочь восстановлению справедливости. Они борются за доброе дело и смягчают порой даже социальные противоречия. ФБР-де помогает стать на правильный путь многим неустойчивым элементам. Люди сами обращаются к ФБР со своими заботами. И удерживает их иногда только страх перед местью гангстеров. Джи-мены постоянно доказывают, что справедливость для них сильнее, важнее всего.

Все эти штампы содержатся в сотнях «романов о Джерри Коттоне», которые, как указывается в рекламном проспекте издательства, читаются «более чем в 50 странах». Бесчисленное множество «крими» — детективных романов, а также фильмов и телевизионных передач в США и других западных странах призваны создавать и поддерживать подобное представление о ФБР. Эта массированная пропаганда стремится затушевать печальную действительность.

Так, в одном из районов юго-запада Филадельфии жители прибегли к самообороне, создали местную систему объявления тревоги и распространили повсюду фотографии «опасных людей». Однако на снимках были отнюдь не гангстеры, а агенты ФБР — джи-мены, в обязанности которых входил надзор за данным районом. Они контролировали здесь всю политическую жизнь, следили за мировоззрением граждан. Теперь стоило в районе показаться шпику ФБР, как жители немедленно поднимали тревогу с целью дать

отпор покушениям ФБР на их права, записанные в конституции США.

Факты такой самообороны имеют место не только в Филадельфии, но также в Нью-Йорке и других городах. Гражданские комитеты распространяют листовки, информирующие граждан о том, что, следуя букве закона, никто не обязан поддерживать политическую слежку; они обращаются с призывом противостоять подобным поползновениям агентов ФБР.

Успешной была работа «Комиссии граждан по расследованию деятельности ФБР». В ночь на 8 марта 1971 года члены этой комиссии заняли помещение ФБР в городе Мидия, вблизи Филадельфии, и захватили материалы расследований, служебные директивы, а также длинные списки шпионов и провокаторов. Копии важнейших документов комиссия передала сенаторам и членам палаты представителей конгресса США в Вашингтоне, а также редакциям крупнейших газет страны — «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и других.

«Все эти годы,— писал Пол Джекобс после ознакомления с этими документами,— мы думали, что наши джи-мены заняты преследованием похитителей людей и грабителей банков... На самом же деле они сидели в своих офисах и во множестве экземпляров заполняли формуляры...»

Пространные служебные директивы, почти ежедневно дополняемые новыми циркулярами, рекомендуют, например, подслушивание телефонных разговоров и вообще частных разговоров, причем в большинстве случаев разрешение суда на это считается излишним.

В частности, циркуляр 68—39 от 9 июля 1968 года, разосланный всем местным отделениям ФБР, содержит следующее распоряжение: «Неожиданно возникающие ситуации (включая конспиративную деятельность), угрожающие национальной безопасности или же характерные для организованной преступности, позволяют прибегать к подслушиванию без решения суда». Под такую «неожиданную ситуацию» практически можно подвести все, что угодно.

В других распоряжениях предписывается, например, вести в вашингтонском центре и соответствующих местных отделениях ФБР «голубые карточки размером 3×5», в которые следует заносить фамилии

всех лиц, хотя бы раз упомянутых в подслушиваемых разговорах или телефонных переговорах.

Документы из Мидии доказывают, что агент «РН 1209-R» принадлежал к службе подслушивания. «РН 1209-R» означает: сотрудник в Филадельфии, кодовый номер 1209, специальность — дела по расовым вопросам. В 1971 году в его обязанности входило подслушивание всех телефонных переговоров членов организации «Черные пантеры». Содержание своих магнитофонных записей он был обязан ежедневно обобщать в специальном донесении. В донесении от 1 февраля 1971 года, в частности, содержались следующие данные:

«Расселу звонит Долорес, от нее он узнает, что она ждет через четыре месяца ребенка.

Рассел звонит Эйлин и просит ее, чтобы Смитти проинформировала Монте о явке на совещание сегодня вечером...» и т. д.

Такого рода записи телефонных разговоров скучны, но полны: в картотеку ФБР заносятся даже самые невинные вещи.

Однако этот бюрократический педантизм лишь один из методов «разнюхивания» мировоззрения. Из штаб-квартиры в Вашингтоне со стабильной регулярностью поступают указания относительно вербовки новых информаторов. Для работы, например, в негритянском гетто в 1971 году была установлена норма: каждый джи-мен обязан иметь 10 платных шпиков. ФБР дает своим отделениям тщательно разработанные указания по подбору этих информаторов. Прежде всего пристально изучается прошлое «кандидата», для чего необходимо ответить на 170 вопросов. Информатор обязан давать сведения «своему» джи-мену минимум каждые две недели. Важные сообщения немедленно передаются по телетайпу в штаб-квартиру. Все остальные сведения сначала заносятся в досье, и сотрудник ФБР обязан обобщать их раз в месяц в малом и раз в четыре месяца в большом докладе.

Однако найти такое большое число людей, готовых заниматься однозным ремеслом доносчика, дело не всегда легкое. Поэтому некоторые сотрудники местных отделений предпочитают вести работу на бумаге. Так, джи-мен Боб Уэлл и многие его коллеги весьма упростили себе дело: они брали телефонную книгу,

выписывали оттуда фамилии, сочиняли для каждого абонента его прошлое и ежемесячно, глядя в потолок, сочиняли доклады для штаб-квартиры. И долгое время им все сходило с рук.

Чтобы положить этому конец, обеспечить себя информаторами и сделать слежку тотальной, ФБР стало использовать в качестве источников информации целые учреждения. В одной только Филадельфии к началу 1971 года было создано 312 пунктов сбора информации. В поисках информации джи-мены регулярно появляются в банках, аэропортах, колледжах и отелях, в расположении воинских частей, в правительственных учреждениях и полицейских участках, на радиостанциях и в редакциях.

В Рочестере (штат Нью-Йорк), где насчитывается почти 20 тысяч бойскаутов, ФБР, играя на юношеском стремлении к самоутверждению, сумело почти всех их сделать своими информаторами. Подростки получили соответствующие удостоверения и доступ не только в ФБР. Они могли сообщать о всех увиденных или услышанных ими подозрительных вещах в любые органы: полицию штата, канцелярию шерифа, пожарную команду, береговую охрану или гражданскую оборону. Бойскауты должны были обращать внимание и на уголовные проступки, а особенно следить за «необычным оживлением или его отсутствием в квартирах соседей».

Огромное влияние федеральной криминальной службы зиждется в первую очередь на тотальном контроле и «разнухивании» мировоззрения, на «системе официального пожизненного надзора за каждым гражданином в Америке», как писал журнал «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт». В том же ранге находятся шантаж, провокации, интриги, жестокость.

Личные амбиции Дж. Эдгара Гувера, стремившегося к полноте власти ФБР, почти идеально совпадали с целями и желаниями господствующей империалистической системы. «Мистер ФБР», как его называли, получил благодаря этому доступ в сокровенный алтарь храма власти, и многие высокие представители ее сами часто пасовали перед всеилием Гувера.

Редко когда в Вашингтоне раздавались голоса, критикующие самовластье Гувера, который повсюду имел свои глаза и уши. Шеф ФБР реагировал на это

почти ритуальной церемонией: он звонил по телефону соответствующему политику и просил его зайти. Когда тот приходил, Гувер обычно восседал за своим письменным столом, заваленным папками с делами.

«Я слышал,— говорил он после краткого приветствия,— что вы чем-то обеспокоены. Поверьте, для этого нет никаких оснований. Поглядыте! Передо мной на столе ваше досье. С ним ничего не случится, никто к нему доступа не получит. У меня оно как в банке».

Подобные беседы достигали своей цели: каждый предпочитал не связываться, чтобы не стали достоянием гласности какие-либо неприятные детали из его секретного досье.

«Штаб-квартира ФБР — самая большая куча дерьма, которая когда-либо существовала», — писал по этому поводу журналист Уэстбрук Педжлер, особенно имея в виду «Центральный архив». Здесь почти в 10 тысячах регистрационных шкафов лежат важнейшие досье. Материал их дополняется микрофильмами, хранящимися еще в 5 тысячах шкафов. Как считают специалисты, данные собраны почти на половину граждан США. Уэстбрук Педжлер сообщал, что ФБР вторгается даже в самые интимные сферы личной жизни, лишь бы пополнить свое досье.

«Уолл-стрит джорнэл» писал еще 15 октября 1968 года, что какой-либо «честолюбивый преемник Гувера» сможет быстро превратить ФБР в «национальное полицейское войско», чтобы затем использовать свою неограниченную диктаторскую власть на стороне путчистской реакционной группы. Из материалов данной книги достаточно ясно видно, что просто отмахнуться от такой опасности нельзя.

Именно в США вошло в обиход понятие «фрэйм ап», когда ФБР приписывает преступления неугодным лицам, чтобы «законным путем» лишить их жизни или по меньшей мере упрятать за решетку.

Изменившееся соотношение сил на мировой арене уберегло многих американцев от печальной участи и открыло ворота темниц. «Заранее предрешенная игра» позорно провалилась и против «соледадских братьев» — после того как смелый Джордж Джексон был коварно застрелен, и против Анджелы Дэвис, и против братьев Берриган.

Кровавый террор, гнусные судебные фарсы и коварное проникновение в ряды прогрессивных организаций сменялись в деятельности ФБР одно другим. Напомним о массовой акции против рабочего движения США в январе 1920 года. Затем ФБР в полной тайне установило в середине 30-х годов контроль над всеми прогрессивными организациями.

Эти полномочия расширились, когда с марта 1947 года ФБР получило право делать выводы по каждому пункту «программы лояльности» в отношении любого гражданина США. Гувер поставлял «доказательства» для обскурантистского процесса против коммунистов в 1949 году. Методы антикоммунистической деятельности ФБР постоянно менялись. После провала «фрэйм ап» против Анджелы Дэвис оно стало действовать через так называемые мобильные команды НКЛК. Под этим названием — «Нэшнл кокес оф лейбор коммитис» — объединились в единую террористическую организацию правые радикалы, троцкисты, маоисты и куклуксклановцы. В апреле 1973 года они провозгласили: «Шесть — восемь недель, и мы покончим с компартией».

Разумеется, это им не удалось, ибо ход истории не задержать кастетами и дубинками. Многочисленные нападения на помещения партийных и профсоюзных организаций, избиения демонстрантов, протестующих против повышения цен, в защиту гражданских прав, расправы в церквях с прогрессивными священниками и другие террористические акты — во всем этом, как сказал лидер прогрессивной молодежной организации Джарвис Тайнер, чувствуется «дыхание фашизма».

Кто же финансирует НКЛК? Удалось установить, что ФБР и ЦРУ. Итак, это акция двух ветвей секретной службы, проводимая ими совместно, несмотря на соперничество.

Образование ЦРУ, как известно, сильно подрезало надежды Гувера относительно расширения сферы деятельности ФБР на международной арене; тем не менее в дальнейшем оба ведомства не раз действовали сообща.

ФБР не сочло нужным воспрепятствовать осуществлению трех крупнейших заговоров с целью убийства Джона Ф. Кеннеди, Мартина Лютера Kinga и Роберта Ф. Кеннеди, хотя его система информации

получила сигналы об этом еще до смертоносных выстрелов,— по меньшей мере, в первых двух случаях. Более того, ФБР, как можно полагать с большой долей вероятности, даже участвовало в подготовке этих убийств и затем всячески маскировало их. В межфракционной борьбе различных монополистических групп за власть ФБР всегда было на стороне самых реакционных сил, сотрудничая и с ЦРУ.

Федеральная криминальная служба бесчисленное множество раз нарушала действующие законы, пользовалась присущими преступникам уголовными методами и тем самым оказывалась виновником громких скандалов.

Назовем для примера некоторые скандальные дела периода 30-х годов: 1937 год — взлом в японском посольстве в Вашингтоне, 1938 год — во французском и 1939 год — в итальянском посольствах, а кроме того, неоднократные вторжения в советские миссии. В 50-х годах на верхнем этаже министерства юстиции даже было оборудовано «учебное помещение» для взломщиков посольств. Джи-мен Уильям У. Тарнер был очевидцем и участником этих акций с 1951 по 1961 год; в августе 1973 года в «Лос-Анджелес таймс» появились его воспоминания. Тарнер без приглашения «посетил» в ночные часы 12 дипломатических миссий. Повсюду взломщики стремились добыть зашифрованную информацию и коды.

22 августа 1973 года на пресс-конференции в Сан-Клементе Ричард Никсон сделал интересное признание. В ответ на вопрос журналиста, насколько отвечает истине сообщение «Лос-Анджелес таймс», он сказал: «Все правильно, и до сих пор дело это было наиболее охраняемой тайной ФБР. Такие взломы имели место, но теперь, при моем правительстве, с ними покончено».

Никсон сказал лишь полуправду, ибо взломщики посольств продолжали свою работу и при нем. За время его президентства стали достоянием гласности минимум четыре случая: в 1971 году, вскоре после избрания Сальвадора Альенде, взлом в чилийском посольстве в Вашингтоне; в декабре того же года, во время пакистано-индийской войны,— в индийском посольстве; и наконец, в 1973 году два неудавшихся взлома в иракской миссии при ООН в Нью-Йорке.

«Уотергейтское дело» свидетельствует о глубоком кризисе, в котором погрязло ФБР, приложившее свою руку и к этому скандалу. «Верность, храбрость, честность» — таков и по сей день официальный девиз ФБР. «Уотергейтское дело», да и не только оно, свидетельствует, что каждое из этих трех слов — ложь.

ФБР и история в Вундед-Ни

Из множества фактов нами были приведены лишь самые типичные. Многие дела ФБР остались неупомянутыми, например борьба с индейцами начиная с последних десятилетий прошлого века до недавних событий в Вундед-Ни.

Этот населенный пункт в Южной Дакоте (сегодня в нем имеется только четыре жилых дома и маленькая церковь) еще в 1890 году стал и остается по сей день позорным пятном в политике США по отношению к индейцам. Федеральные войска убили здесь тогда сотни мужчин, женщин и детей. Члены подвергшегося уничтожению индейского племени сиу в течение 50 лет боролись хотя бы за денежную компенсацию этого преступления. И только в 1940 году им были выплачены 200 тысяч долларов — по несколько сот за каждого убитого.

В ноябре 1972 года индейцы со всех концов США направились в Вашингтон «по тропе нарушенных договоров», как они называли эту акцию, и передали представителям Белого дома и «Бюро по делам индейцев» состоявший из 20 требований план улучшения немыслимых условий своей жизни. Повсюду им было обещано «добросовестное изучение» их требований. Чтобы придать своей акции большее звучание и привлечь внимание прессы, индейцы заняли здание «Бюро по делам индейцев». Но через два дня представители бюро заявили, что в результате этого акта «нанесен ущерб» инвентарю и «похищен ряд предметов». Расследование взяло на себя ФБР.

Для индейцев начались новые унижения. Джимены наводнили их резервации; о «добросовестном изучении» справедливых требований индейцев больше уже и не заговаривали.

В ответ почти 300 индейцев из племени сиу 27 февраля 1973 года отправились в Вундед-Ни, заняли этот

населенный пункт и забаррикадировались в нем. Это был их протест против новых подлостей со стороны «Бюро по делам индейцев» и ФБР. 70 дней противостояли индейцы террору вооруженных войск и джи-менов. Вундед-Ни был отрезан от внешнего мира, автомашинам с продуктами власти приказали объезжать его стороной.

После того как федеральные власти официально обещали изучить предложения индейцев и принять необходимые меры для их осуществления, индейцы отступили. Но и это обещание было не чем иным, как постыдным обманом.

Шли месяцы, ничего не менялось, пока не наступило 8 января 1974 года. В этот день в Сент-Поле (штат Миннесота) начался процесс против вождей индейцев Рассела Минса и Денниса Бэнкса. Обвинительный акт гласил: «Заговор, бунт, поджоги и нападение на служащих федеральной администрации». Это явилось началом мести за Вундед-Ни и новой гнусной акцией с явной целью и дальше держать индейцев в оковах расовой дискриминации. Свою достаточно хорошо известную роль и здесь, перед Верховным судом США, сыграли тайные агенты ФБР. Свидетель обвинения Стэн Киль, полуиндеец, вынужден был сознаться, что в течение девяти лет являлся агентом ФБР, которое «внедрило» его непосредственно в штаб индейского движения в Рапид-Сити (Южная Дакота).

В царстве богини Лаверы

Разумеется, ФБР занималось и обычной преступностью. Джи-мены гонялись за грабителями банков, разыскивали похитителей людей, преследовали убийц и находили угнанные автомашины. Но на это у них оставалось мало времени. Даже по данным штаб-квартиры ФБР, на долю «уголовных дел» приходится едва 40 процентов всех дел. А остальные 60 процентов были открыто названы «политическими расследованиями, включая военные». Но и в те 40 процентов «чистой уголовщины» входило немало политических дел; например, «дело Дэвис» ФБР считает стопроцентно «уголовным». В случаях борьбы с преступниками ФБР, как мы видели, весьма часто проявляло к ним снисходительность. Ничего не предпринимало ФБР в 30-е годы

против «Коза ностра», которой по утверждениям Гувера, якобы вообще не существовало, но с которой, оказывается, ФБР сотрудничало во время высадки в Сицилии.

А затем? Торговая палата США считает, что во владение «Коза ностра» перешло около 5 тысяч фирм. 22 апреля 1969 года журнал «Тайм» сообщал, что прибыли «Коза ностра» примерно равны прибылям девяти крупнейших концернов США — от «Дженерал моторс» до «Крайслера», — вместе взятых. Коммерческое и криминальное тесно переплеталось, крупнейшие «мафиози» считаются боссами монополий и платят государству налоги со своих преступлений. С людьми этого сорта ФБР в конфликт не вступает.

К тому же экономические потенции в принципе трансформируются в политическое влияние. В органах полиции и юстиции, в городских управлениях и парламентах штатов сидят уполномоченные «Коза ностра», которые ограждают себя и свою организацию от всех неприятностей. Например, «фракция мафии» в конгрессе США насчитывает около 25 членов. Действуют старые законы: кто хочет «спрыгнуть с поезда», кто не желает молчать, должен погибнуть. Маскировка под несчастный случай или самоубийство осуществляется превосходно.

И в ФБР всё прекрасно знают, служба подслушивания не обошла стороной и «Коза ностра». Не раз федеральная криминальная служба составляла доклады о ее преступной деятельности, однако дальше дело не шло. Например, в 1963 году был составлен доклад об уголовных делах в Лас-Вегасе, но его оригинал, как выяснилось позже, оказался в руках самой «Коза ностра». В другом случае не удалось составить и доклад: нужные магнитофонные записи были «по халатности стерты при разборке архива».

О том, какое поле деятельности открывалось перед «охранителями закона» и «карателями преступлений», говорит статистика: в годовом отчете за 1972 год было зафиксировано более 6 миллионов тяжких преступлений — абсолютный рекорд за всю предшествующую историю США и одновременно мировой рекорд, тоже абсолютный. Убийцы за год практически истребили целый небольшой город, их жертвами стали более 18 тысяч человек. Иначе говоря, два убийства за каждый

час в году. Каждую 13-ю минуту совершалось изнасилование, а ограбление — даже каждую 80-ю секунду! Рекорд в 1973 году поставило Чикаго: 864 убийства — вдвое больше, чем в «великие времена» Аль-Капоне. Но возглавляет таблицу печальных рекордов Альбукерке (штат Нью-Мексико): около 6 тысяч преступлений на 100 тысяч жителей; за ним следуют Майами, Лос-Анджелес и Нью-Йорк.

Все эти данные (они взяты из годовых отчетов ФБР) специалисты считают скорее заниженными, чем завышенными: ведь в них явно названы не все преступления. Зачастую полицейские органы дают «причесанные» данные, чтобы сохранить свое реноме. Статистики ФБР в свою очередь тоже производят различные манипуляции с цифрами, так как им тоже надо показать более или менее благоприятные результаты борьбы с преступностью. К тому же в данной связи надо принимать во внимание и все более распространяющуюся среди полицейских коррупцию, хотя сведения о ней становятся известны общественности только в исключительных случаях.

Мэр Нью-Йорка Джон Линдсей в мае 1970 года назначил комиссию, которая в течение нескольких лет изучала полицейский аппарат этого многомиллионного города. Результат произвел действие, подобное шоку: из 30 тысяч нью-йоркских «копов» больше половины оказались замешанными в коррупции и других преступлениях. Стали известны даже акты мародерства, когда полицейские грабили погибших в транспортных происшествиях, а также случаи политических убийств. Другие «копы» орудовали вместе с торговцами наркотиками, брали крупные взятки, шантажировали и самолично убивали. Только в одном Бруклине — районе Нью-Йорка — на содержании у «Коза ностра» состояло более 100 полицейских.

Само собой разумеется, что в данных условиях никаких правдивых донесений и докладов в отношении преступности ожидать не приходится. Истина гораздо ближе к тем данным, которые институт Гэллага получил путем опросов населения, проведенных им в 300 различных районах США. В 1972 году каждый третий житель плотнонаселенных городских центров или гетто становился жертвой уголовного преступления, подвергался нападению, ограблению или краже со взло-

мом. В пригородах это был каждый пятый житель. 49 процентов всех американцев, а женщин — 61 процент боятся ходить в одиночку по ночным улицам.

Лавина преступности, вот уже несколько лет катящаяся по Соединенным Штатам и всевозрастающая, пожинает и свою финансовую жатву. Если материальный ущерб от нее в 1967 году исчислялся еще в 21 миллиард долларов, то к 1974 году он составил цифру свыше 50 миллиардов, включая расходы на погребение убитых, на лечение, убытки от несчастных случаев, а также подпольную торговлю наркотиками, запрещенные азартные игры, выкупы, выплачиваемые похитителям людей, ростовщические проценты, растраты и злоупотребления доверием, кражи, ущерб от бессмысленных разрушений и взятки.

ФБР регистрирует рост преступности, но оказывается бессильным перед ним, точно так же как пресловутая программа «Закон и порядок» больше служила подавлению политических противников, чем концентрированной борьбе с преступлениями. Прежде доля расследованных преступлений с применением насилия составляла 20 процентов; ныне она сильно сократилась. Доля ФБР в раскрытии этих преступлений катастрофически уменьшается.

Преступность в США растет в 11 раз быстрее, чем население. В качестве причин называют расширение употребления наркотиков, а также возрастающее распространение огнестрельного оружия, но прежде всего ожесточение и огрубление нравов во всех сферах жизни в результате войны во Вьетнаме. Эти причины глубоко коренятся в самой системе империалистического господства, характеризующейся тесным переплетением политики и преступности.

В Древнем Риме богиня Лаверна считалась покровительницей воров и мошенников. Сегодня она простерла свою оберегающую длань над преступным миром США, который в значительной мере покинул свою первоначальную основу — «дно» и проник в высшие сферы капиталистического общества, где нашел достойных партнеров.

Общественный строй, который делает возможным такое и даже нуждается в этом для своего существования, пережил себя. Сохранять и охранять этот сомнительный строй — вот в чем видит ФБР свою миссию.

Предлагаемая советскому читателю книга Кристиана Хеермана «Джи-мены из ФБР: их темные дела», написанная в увлекательной манере, обильно иллюстрированная яркими примерами из прошлой и современной практики Федерального бюро расследования,— не детектив. Это книга об американской действительности.

Практически ни один гражданин США не застрахован от полицейской слежки и тайного надзора ФБР. Практически ни один гражданин страны не в состоянии избежать регистрации в компьютерах этого наиболее реакционного института государственной машины США. Досье компрометирующих материалов заведены на миллионы американцев; только вашингтонское отделение ФБР составило более 500 тысяч досье.

Расширение власти ФБР как главного ведомства политического сыска, освящение произвола судебно-репрессивных органов набором антидемократических законов, непрерывный рост полицейского аппарата, увеличение числа случаев политических убийств — неопровержимое свидетельство того, что в США уже давно нет границы между законной деятельностью в интересах безопасности страны и грубым попранием демократических норм. Деятельность государства имеет своей официальной целью «разоблачать, уничтожать, дезориентировать, дискредитировать и, во всяком случае, нейтрализовывать» политическую оппозицию, кто бы ее ни представлял,— негры, студенты, левые организации...

Где бы ни проходили манифестации американских граждан, государственные охранники всегда рядом.

Не имеет значения, протестуют ли демонстранты против гонки вооружений и опасности войны, против расизма и расовой дискриминации, против безработицы и инфляции или, наконец, требуют освобождения политических заключенных в Чили: тот, кто пытается пользоваться демократическими правами, тем самым попадает на подозрение тайной полиции.

Уже после выхода в свет книги К. Хеермана в США появилось несколько официальных публикаций (доклад сенатской комиссии Черча, доклад комиссии Нельсона Рокфеллера и другие), где были вскрыты конкретные факты противозаконной деятельности ЦРУ и ФБР. Вот почему, как нам кажется, читателю было бы небезынтересно посмотреть, на каком историческом фоне, в рамках какой системы происходят события, о которых рассказывается в данной книге.

Вступление капитализма в монополистическую стадию совпало по времени с выходом на мировую арену Соединенных Штатов Америки. История американского капитализма — это история непрерывной экспансии — военной, территориальной, экономической. Правящая верхушка США большое значение придавала становлению и развитию собственной разведки. Ее рассматривали как неперенное орудие внешней экспансии и как инструмент подавления внутри страны всех, кто выступает против расизма, национального и классового угнетения.

Начиная с испано-американской войны (1898 г.) США активно включаются в империалистическое соперничество. Вопросы внешней политики, связанной с насильственным захватом чужих земель, с подавлением свободы и независимости других народов, равно как и обеспечение «внутренней безопасности» в собственной стране, американское правительство решало на базе обширной информации, добываемой с помощью тайных средств.

Разведывательный аппарат США формировался под влиянием опыта секретных служб Англии и Франции и даже с использованием услуг их советников. Но ускоренные темпы роста промышленной и финансовой мощи США позволили американским правящим кругам довольно скоро «обойти» своих наставников. И хотя, может быть, американским разведывательным органам не всегда хватало «тонкости» и «професси-

онального мастерства» английской разведки, они восполняли этот пробел размахом операций, огромными ассигнованиями, а главное, широким применением таких методов, которые в наибольшей степени выражали хищнический характер империализма. Особой жестокостью отличались меры подавления внутреннего протеста.

26 июля 1908 года по указанию президента Теодора Рузвельта при министерстве юстиции был создан специальный отдел, положивший начало истории Федерального бюро расследований. Учрежденное для борьбы против уголовных преступлений и нарушений федеральных законов, ФБР довольно быстро превращалось в орган политического сыска. Процесс этот особенно усилился в годы первой мировой войны.

Война способствовала дальнейшему расширению деятельности разведки США, и в частности сферы полномочий ФБР. Создавалась разветвленная разведывательная сеть за рубежом, развертывалась обширная сеть осведомителей в самих США. Эта тенденция отражала страх американской буржуазии перед лицом разраставшегося революционного движения, опасения по поводу благонадежности собственных солдат, которых война впервые столкнула с революционной Европой. Огромные размеры операций ФБР, выполнявшего, как подчеркивает К. Хеерман, функции внутренней ветви секретной службы, обусловили необходимость вовлечения в эту деятельность частных организаций, например «Американской лиги защиты», в рядах которой насчитывалось около 250 тысяч человек. Лига начала наблюдение за людьми, «замеченными в нелояльных действиях и высказываниях». Она выдвинула обвинения в «антиамериканской деятельности» против почти 2 тысяч человек.

В 1919 году в составе ФБР возникает новое подразделение — управление общей разведки. Занятое поначалу «ультрарадикальным движением, экономическими и промышленными беспорядками» внутри страны, оно уже в 20-е годы представляло правительству информационные доклады о политических лидерах, рабочем движении, прогрессивных организациях. Разумеется, главным объектом были компартия и ее функционеры. В 1936 году ФБР получило официальное право собирать информацию о политических взглядах граждан.

Накануне второй мировой войны разведка США представляла интересы реакционной части буржуазии, не заинтересованной в борьбе с фашизмом. И поэтому она вольно или невольно в интересах указанных кругов дезориентировала собственное правительство¹. К этому выводу пришли в послевоенные годы различные американские комиссии. Как многие теперь считают, главный просчет состоял в недооценке опасности, исходившей от Японии и Германии, для интересов США.

Правящие круги США надеялись использовать германский фашизм и японский милитаризм в борьбе против Советского Союза. Это, естественно, облегчало деятельность германской и японской разведок.

После Мюнхена (1938 г.) огромное количество германской агентуры устремилось за океан. Она опиралась на реакционные и профашистские элементы внутри страны. Один только «Германо-американский союз», созданный еще в 1936 году, имел в стране 71 отделение; с его помощью были набраны и обучены сотни шпионов и диверсантов. Забегая несколько вперед, скажем, что лишь в течение 1940—1941 годов союз укрывал в США по меньшей мере 200 виднейших нацистских агентов. Тем не менее в специальном докладе ФБР в те годы доказывалось, что, хотя «Германо-американский союз» имеет подрывные тенденции, его деятельность нельзя квалифицировать как нарушение законов США.

6 сентября 1939 года, через шесть дней после на-

¹ Любопытной иллюстрацией может служить такой факт: осенью 1942 года, в самый напряженный момент военных событий, официальный Вашингтон решил прояснить действительную ситуацию в СССР с помощью «миссии доброй воли». Выбор тогда пал на известного политического деятеля США, миллионера и «своего человека» на Уолл-стрите Уэнделла Уилки, который в сопровождении Г. Коулса и Д. Бариса (оба из военной разведки) прибыл 23 сентября в СССР. Уилки имел в Москве двухчасовую беседу с И. В. Сталиным, затем с членами правительства СССР, а также посетил Центральный фронт. Все то, что он увидел и услышал в нашей стране, произвело на него глубокое впечатление, и прежде всего, как писал Уилки, наглядно продемонстрировало всю узость, предвзятость и неполноценность тех представлений об СССР, на основе которых разведка и госдепартамент формировали американскую политику по отношению к СССР (подробнее см. Ю. Л. Кузнец. От Перл-Харбора до Потсдама. Очерк внешней политики США. М., 1970, стр. 67).

чала войны в Европе, президент Ф. Рузвельт издал «официальное заявление» для полицейских властей. Расценивая положение как опасное, он призвал организовать борьбу со шпионажем более совершенными методами. Ф. Рузвельт считал, что «пришло время положить конец распыленности, соперничеству и зависти», которые были присущи органам разведки и вредили делу. «С этой целью, — говорилось далее в заявлении президента, — прошу полицейских шерифов и всех других лиц, занимающихся охраной законов США, немедленно сообщать ближайшему представителю ФБР все ставшие им известными сведения, касающиеся шпионажа, саботажа и диверсий, любого вида антиправительственной деятельности и нарушений закона о нейтралитете».

ФБР превращалось, таким образом, в центральную контрразведывательную службу и наделялось особыми правами. Расширялись его функции и как органа политического сыска. Достаточно сослаться на два законодательных акта, принятые конгрессом в 1940 и 1941 годах. Речь идет о законе Смита, который резко ограничил конституционные права американцев — свободу слова, печати, собраний и организаций (этот закон широко применялся для преследования Коммунистической партии США и других демократических организаций), и законе Воорхиса — о принудительной регистрации организаций, подозреваемых в связях с иностранными государствами. Как признала недавно специальная сенатская комиссия, основное значение этого периода в истории ФБР заключается в том, что он «проложил дорогу для еще больших нарушений законности».

Что же касается борьбы с германским и японским шпионажем, то хвастливые описания того периода контрразведывательной работы, появившиеся в печати с ведома ФБР, далеки от действительности. Разведывательные службы Германии и Японии с каждым годом все больше угрожали внутренней безопасности США.

Почти каждый корабль, прибывавший в Нью-Йоркский порт или покидавший его, каждое военное укрепление на Восточном побережье, все форты, аэродромы и военно-морские базы были описаны в донесениях немецких агентов. К. Хеерман упоминает и о

том, что агенту абвера (Герману Лангу, работавшему техником на заводе фирмы «Норден» в Лонг-Айленде), удалось передать гитлеровцам чертежи знаменитого прицела для бомбометания — в то время это был секрет номер один.

Не отставала от своего союзника и милитаристская Япония. Ее разведка небезуспешно добывала информацию, послужившую основой для разработки стратегических планов нападения на США.

В свете этого становится понятным, что в прославлениях «подвигов» гуверовских сыщиков и «сверхуспешной» деятельности ФБР в годы войны немало самых явных преувеличений. Нельзя не учитывать и того, что официальные круги США были заинтересованы в том, чтобы преуменьшить и смягчить в глазах общественного мнения серьезные последствия подрывной деятельности гитлеровской агентуры накануне и в годы войны. Ведь только в 1941 году американская промышленность потеряла в результате диверсионных актов гитлеровской разведки полтора миллиарда человеко-часов. По официальным подсчетам, этого рабочего времени хватило бы на создание 15 линкоров, 5 тысяч тяжелых бомбардировщиков, 65 тысяч легких танков¹.

Несмотря на угрожающие размеры подрывной деятельности вражеских разведок, ФБР оставалось верно себе: основные усилия оно направляло на поиск «коммунистической опасности» и «советской угрозы».

В послевоенные годы политика «холодной войны», воинствующий антикоммунизм на внешней арене, разгул маккартизма стали питательной средой для дальнейшего расширения противозаконной деятельности ФБР внутри страны, грубо попиравшей демократические права американцев. Становясь все более свободным от какого бы то ни было вмешательства властей в его дела, ФБР усиливало операции по «обезвреживанию» и «нейтрализации» «подрывных элементов». В этих операциях, как отметила сенатская комиссия Черча, использовались методы, которые прежде служили орудием борьбы против действительно представ-

¹ См. Майкл Сейрес и Альберт Кан. Тайная война против Америки. М., 1947, стр. 120.

лявших угрозу иностранных государств. Одной из центральных была «Контрразведывательная программа» (сокращенно «Коинтелпро»). Начавшаяся в 1956 году и продолжавшаяся полтора десятилетия, она представляла собой санкционированное свыше наступление репрессивных органов на инакомыслящих — против компартии, левых организаций и групп, против антивоенного, негритянского, студенческого и других демократических движений. Как отмечала комиссия Черча, в рамках «Коинтелпро» ФБР предприняло 2370 отдельных операций, призванных дезорганизовать демократические силы. Только против компартии их было 1388¹.

Раскрывая зловещий характер этих и подобных им операций, комиссия Черча отмечала: «Опасность заключается в том, что людей, занимающихся политикой, могут рассматривать как выступающих против национальной безопасности, политические убеждения — как убеждения, затрагивающие интересы национальной безопасности». ФБР провело расследования по обвинению 500 тысяч американцев в «подрывных действиях», хотя их политическая активность не выходила за рамки закона. Но дело не ограничивается одними обвинениями в антиправительственной деятельности отдельных лиц и организаций. Жестокие расправы — массовые избиения, аресты и судебные преследования — вот что характеризует политику господствующего класса США по отношению к тем, кто мыслит не так, как официальные круги².

Разумеется, организация тотальной слежки за американскими гражданами требует значительных правительственных ассигнований, и администрация США не скупится на расходы. Подсчитано, что ФБР ежегодно расходует на эти цели 170 миллионов долларов, Пентагон — 45 миллионов, Управление по сбору налогов — 10 миллионов долларов, Комиссия по атомной энергии — 5 миллионов долларов.

¹ В докладной записке на имя государственного секретаря и министра юстиции США Гувер сообщал: «В дополнение к нашим операциям по расследованию мы осуществляем тщательно спланированную программу контраступления на компартию, направленного на подрыв ее позиций».

² Подробнее см. *И. Геевский, В. Смелов. США: тайная война против инакомыслящих. М., 1978.*

Возникает вопрос: почему же при столь мощном, широко разветвленном полицейском аппарате ФБР не достигает ощутимых результатов в борьбе с уголовной преступностью?

Главная причина в том, что все основные ресурсы оно направляет на борьбу против прогрессивных сил и дает сбой или вовсе не срабатывает, когда дело касается уголовных преступлений.

К. Хеерман приводит убедительные факты, показывающие, каких огромных размеров достигла в США организованная преступность и как велико влияние преступного мира на жизнь общества. Миллионы американцев живут в атмосфере панического страха. «Постоянный страх,— как заявил член палаты представителей конгресса США Питер Родино,— нарушил нормальную общественную жизнь и деловые отношения миллионов граждан».

Объясняя корни преступности, К. Маркс более ста лет назад писал: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения»¹. Сегодняшняя капиталистическая действительность, непрекращающийся рост преступности в цитадели современного капитализма — Соединенных Штатах Америки свидетельствуют о том, что этот социальный порок органически присущ системе, о которой говорил К. Маркс. «Преступность стала символом современного американского общества», — признает директор центра социальных исследований Вашингтонского университета Дж. Шорт.

За период с 1960 по 1970 год в США количество тяжких преступлений — убийств, изнасилований, ограблений и краж — возросло в 2 раза, за 1965—1975 годы — в 5 раз. Число убийств на 100 тысяч жителей с начала 60-х годов по 1977 год увеличилось в 2 раза, ограблений — более чем в 3 раза; число изнасилований возросло с 1967 по 1977 год в 4 раза. Годовой индекс роста преступности с 1960 по 1975 год составил 18 процентов. Не менее выразительны цифры роста преступности и в отдельных городах. В 1975 году

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 515.

на каждые 100 тысяч жителей Нью-Йорка приходилось 21,4 убийства. В 1976 году здесь было зарегистрировано 658 147 тяжких преступлений — рекордная цифра за последние 45 лет. В Чикаго и Филадельфии жизнь человека подвергается еще большей опасности.

Торговля огнестрельным оружием, ставшая процветающим бизнесом, облегчает совершение преступлений. В целом по стране с применением огнестрельного оружия совершается 75 процентов всех убийств. При таком темпе роста преступности, заявляет член палаты представителей Ли Гамильтон, «каждый новорожденный имеет сейчас больший шанс быть убитым на улице в течение своей жизни, чем американский солдат на фронте второй мировой войны».

Другим фактором, подхлестывающим преступность, является потребление наркотиков. В одном из посланий конгрессу бывший президент Форд констатировал, что «наркомания превратилась в национальную трагедию».

Одна из форм преступности в США — «киднеппинг» (похищение людей по политическим мотивам или с целью получения выкупа). На ряде примеров К. Хеерман прослеживает историю этого вида преступлений.

Особенно велики масштабы и опасность преступлений, творимых всемогущей мафией. За соответствующую плату она берет на себя исполнение террористических акций. Но и исполнители, и вдохновители подобных преступлений редко оказываются на скамье подсудимых. Власть и безнаказанность мафии опираются на ее тесные связи с определенными политическими силами, с полицией, на сотрудничество ее главарей с разведкой. Это было признано сенатской комиссией, установившей, что ЦРУ и ФБР осуществляют «специальную программу» натравливания мафии на коммунистическую партию и другие прогрессивные организации, на профсоюзы.

К. Хеерман убедительно раскрывает внешне парадоксальную вещь: породив службу политического сыска и тотального шпионажа, американская администрация не всегда оказывается способной управлять ею. Более того, высшие чиновники и даже президенты нередко оказывались в плену хитросплетений ФБР и его

бессменного на протяжении почти полувека шефа Э. Гувера.

Бывший государственный секретарь Дин Раск заявил в комиссии сената в июле 1974 года: «Мистер Эдгар Гувер и ФБР превратились в совершенно необычное независимое ведомство внутри правительства. Это трудно преувеличить. Мистер Гувер, в сущности, был сам себе хозяин, иногда получал распоряжения министра юстиции, а обычно от президента... Он создал своего рода королевство. Мистер Гувер обеспечил себе почти уникальную позицию в системе исполнительной власти...» Получившие ныне гласность секретные документы подтверждают эту оценку места ФБР в системе государственной власти.

Не повлияли на положение Гувера ни серьезные провалы в работе ФБР, ни даже такое трагическое событие, как до сих пор полностью не раскрытое убийство президента Кеннеди.

Парадокс, о котором рассказывает К. Хеерман, в сущности, не является таковым. Учрежденная в ФБР система «тотального господства досье» обеспечивала получение сведений о политических взглядах, умонастроениях, характере, различных слабостях миллионов американских граждан, в том числе и видных деятелей. Это и создавало зависимость людей любого ранга от ФБР и позволяло Гуверу держать в своих руках судьбы многих американцев. От шефа тайной полиции зависела карьера людей, стоящих на различных ступенях иерархической лестницы, вплоть до самых верхних.

Однако главная причина всемогущества Гувера и его дитища крылась в том, что подлинные хозяева Америки не опасались директора своей тайной полиции: он верно служил им, надежно охраняя интересы империалистических монополий. «Гувер был неистовым антикоммунистом, — писал бывший председатель юридической комиссии палаты представителей Э. Селлер, — и он пожал богатый урожай в эру Маккарти, когда преследовал всяких ультралибералов и тех, кого он считал коммунистами, и, конечно, он получал в этом полную поддержку. Такой человек был нужен государству...»

Американские президенты широко пользовались услугами Гувера. Джонсон, например, требовал информации о критикующих его сенаторах и получал

обширные донесения об обстановке в демократической партии. Никсон дал санкцию на подслушивание телефонных разговоров правительственных чиновников и представителей прессы.

При использовании архивов ФБР решалась задача обеспечения заводов и фабрик, лабораторий и контор «стопроцентными американцами». «Это великая помощь,— приводит слова помощника директора ФБР, Джесса Дойла, Норман Оллестад в книге «Внутри ФБР»,— предохраняющая... от гнилых плодов. К последним мы относим рабочих и служащих, чья сомнительная лояльность может помешать бизнесменам получить для их корпораций важные военные контракты». И мир бизнеса не оставался в долгу перед шефом тайной полиции. Гуверу предоставили пост директора компании «Нью чуэл иншуренс», одной из крупнейших страховых фирм. Не были обойдены и подручные Гувера: ряд его ближайших помощников после выхода в отставку обрели высокооплачиваемые места в корпорациях «Форд», «Америкэн эйрлайнс», «Рейнолдс металс», «Шенли индастриз» и других.

Гувер умер в 1972 году, но созданная им система сыска и преследований осталась. Правда, за семь лет, прошедшие после его смерти, многие из «грязных операций» ФБР стали достоянием гласности. От легенды о нем как об «упорном и независимом защитнике беспристрастного соблюдения законов» не осталось и следа. Возник совершенно иной портрет, во всей полноте предстала мрачная картина попрания законности, коррупции, неслыханного злоупотребления властью.

К. Хеерман на отдельных примерах показывает внутренние конфликты американского «разведывательного сообщества». К сказанному в книге можно добавить, что столкновение интересов и конфликты в этой среде никогда не прекращались. Возникли они сразу же после создания ЦРУ, когда ФБР, которому формально было запрещено действовать за пределами США, в том числе в его традиционной вотчине — Латинской Америке, стремилось сохранить там свои опорные пункты. ЦРУ повело решительное наступление, стремясь вытеснить ФБР из системы заграничной разведывательной службы, ограничить его деятельность задачами обеспечения внутренней безопасности. Дош-

ло до того, что, когда представители ЦРУ приезжали в страну пребывания, чтобы перенять обязанности от сотрудников ФБР, они заставляли сожженные реестры и уничтоженные картотеки агентуры. Такие термины, как «снятие скальпов», «удар в спину», «острая борьба», «антагонистические противоречия», постоянно применялись сенаторами, конгрессменами и прессой для характеристики взаимоотношений между членами «разведывательного сообщества» США. «Не менее 25 правительственных органов участвуют в борьбе против шпионов,— констатировала американская печать,— и можно с уверенностью сказать, что многие из них куда более ожесточенно сражались друг с другом, чем против вражеских агентов...»

Жестокая конкуренция между ФБР и ЦРУ шла и все последующие годы, причем, по свидетельству видного американского обозревателя Э. Талли, «каждое из ведомств склонно обвинять другое в стремлении вторгаться в чужую сферу». Во второй половине 60-х годов закулисная борьба между ними приняла особенно острый характер. ФБР все чаще стало дублировать деятельность ЦРУ, и нередко были случаи, когда оно бесцеремонно вторгалось в ревниво охраняемую сферу компетенции центральной разведки.

Стремление ФБР играть главную роль в «разведывательном сообществе» постоянно вызывало противодействие со стороны других членов сообщества. Постоянная острая борьба между ЦРУ и ФБР стала явлением настолько обычным, что чиновники из учреждений, принадлежащих к «разведывательному сообществу» США, иначе и не представляют себе отношений этих двух мощных разведывательных организаций и любят злословить по этому поводу. Одна из таких острот метко характеризует общую атмосферу отношений ЦРУ и ФБР: после того, как сотрудник ЦРУ пожмет руку сотруднику ФБР, оба немедленно пересчитывают пальцы.

Чтобы обеспечить единую централизованную структуру всей разведывательной системы страны, правительство и конгресс США время от времени принимают меры к устранению межведомственных столкновений, сложных и острых трений. Но все эти меры обладают ограниченной эффективностью и, как показывает опыт, могут в лучшем случае лишь притупить

противоречия, но не уничтожить их. На отношения между ведомственными органами разведки накладывает отпечаток борьба различных групп финансового капитала за свои корыстные интересы.

Итак, в книге К. Хеермана читатель столкнулся со множеством разнообразных фактов деятельности репрессивного аппарата американского монополистического капитала, аппарата, созданного для расправы с его противниками, для подавления трудящихся. Собранные вместе, они рисуют зловещую картину политического сыска и шпионажа, попирающих все права, все принципы международных отношений, и в то же время роста преступного бизнеса, порождающего в стране обстановку страха и неуверенности. Это лишний раз подтверждает, что власти США вовсе не являются теми «поборниками прав человека», какими хотят себя представить.

Ф. М. Сергеев,
кандидат экономических наук

СОДЕРЖАНИЕ

«Не стреляйте, джи-мены!»	3
У истоков ФБР	15
Первые «дикие» годы	35
Преступление в Дедхеме	55
«Звезда» ФБР Гастон Минс	64
«Король гор Осейдж»	69
Борьба с бандами?	79
Похищение в Саурленд Маунтинс	100
«Час, которого мы ждали»	118
Джи-мены отправляются на войну	125
Сенатор от Висконсина	133
Телефон из Синг-Синга не зазвонил	149
Убийство в Техасе	160
Убийство Мартина Лютера Кинга	195
Выстрелы в отеле «Амбасадор»	210
Взлет и падение «Черных пантер»	219
Победительница в Сан-Хосе	227
Священники и бомбы	244
«Уотергейт»	252
Ретроспектива	270
Послесловие	282

Кристиан Хеерман

**ДЖИ-МЕНЫ ИЗ ФБР:
их темные дела**

Заведующий редакцией
А. В. Никольский

Редактор
И. П. Башкирова

Младший редактор
Н. С. Коблякова

Художник
В. И. Терещенко

Художественный редактор
Е. А. Андрусенко

Технический редактор
И. А. Золотарева

ИБ № 1845

Сдано в набор 28.02.79. Подписано
в печать 06.06.79. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл.
печ. л. 15,75. Учетно-изд. л. 15,39.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3694.
Цена 75 коп.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473.
Краснопролетарская, 16.

75 коп.

Издательство
политической
литературы

Нэристинан Хеерман Джим-мены из ФБР:
их темные дела